

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

4(82)'2020

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2020. – Вып. 4 (82). – 225 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2020. – Issue 4 (82). –
225 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(82)'2020

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2020

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

4(82)'2020

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев* Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев* Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская* Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирадо* Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова* Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик* Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова* Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева* Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова* Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс* Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари* Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора* Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман* Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо* Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко* Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер* Пенсильванский университет, США
- У Айхуа* Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева* Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ* Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н.	«Тристан и Исольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса)	10
Дубровская Т. В.	Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации.....	22
Карамова А. А.	Средства репрезентации концепта «Россия» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ президентских выборов 2018 г.)	32

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бастун Е. В. Островская Т. А.	Конверсационный анализ как метод анализа дискурса.....	40
Космодемьянская В. И.	Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности	47
Коцюбинская Л. В.	Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования	53
Погребняк Н. В.	Коммуникативные стратегии формирования образа политика в немецком медиадискурсе.....	60

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Аникеева И. Г.	К вопросу об антропоцентрическом подходе к изучению метафоры	68
Бурмакина Н. Г. Куликова Л. В. Попова Я. В.	Интернационализация опыта клинической лингвистики: анализ европейских подходов к тестированию речевых нарушений афазического типа	73
Иванов Д. И.	Революционная «духовная азробика» К. Кинчева: когнитивный взгляд.....	81
Степанов С. А. Полубоярова М. В.	К вопросу о роли военной терминологической единицы в языке	89

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Татаурова Д. М.	Семантическая вариативность термина <i>national</i> и его синонимический ряд в британском конституционном интертексте.....	94
-----------------	--	----

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Агрба Л. А.	Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы)	106
Черняк В. Д. Ли Хуэй	«Баба-яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе.....	124
Юе Сюе	Семантический анализ политических концептов в политическом дискурсе на глубинном уровне	133
Ян Кэ Ян Ии	Обзор исследований по когнитивной лингвистике в Китае	139
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	217	

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics” 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. “Tristan and Isolde”: From the Japhetic Theory of Language to the New Chronology (To the 100th Anniversary of the Beginning of the Soviet Ideological Scientific Historico-Philological Discourse) 10

Dubrovskaya T. V. Factual and Modal Types of Implicit Meanings in Political Internet Communication 22

Karamova A. A. Representation of the Concept «Russia» in Political Discourse (On the Material of 2018 Presidential Election Programs) 32

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Bastun E. V.
Ostrovskaya T. A. Conversation Analysis as a Discourse Analysis Method 40

Kosmodem'yanskaya V. I. Communicative Strategies of Agreement and Disagreement in Direct Cooperative Response Intentionality 47

Kotsyubinskaya L. V. Information Warfare: Methodological Principles of Linguistic Research 53

Pogrebnyak N. V. The Communicative Strategies of Politician Image Formation in the German Media Discourse 60

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Anikeeva I. G. On the Anthropocentric Approach to the Study of Metaphor 68

Burmakina N. G.
Kulikova L. V.
Popova Y. V. Internationalization of Clinical Linguistics Experience: An Analysis of European Approaches to Testing Speech Disorders in Aphasia 73

Ivanov D. I. Kinchev’s Revolutionary «Spiritual Aerobics»: A Cognitive View 81

Stepanov S. A.
Poluboyarova M. V. To the Issue of the Military Terminological Language Unit 89

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Tataurova D. M. Semantic Variability of the Term *National* and Its Synonymic Set in the British Constitutional Intertext 94

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Agrba L. A. Peculiar Features of the Individual Style of a Politician (A Linguistic Analysis of the Speeches of the First President of Abkhazia V. G. Ardzinba) 106

Chernyak V. D.
Li Hui “Baba-Yaga Is Against”: Precedent Phenomena from Cartoons in Political Discourse 124

Yue Xue Deep Semantic Analysis of Political Concepts in Political Discourse 133

Yang Ke
Yang Yiyi An Overview of Cognitive Linguistics Research in China 139

Manuscripts Requirements 150

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journal.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51
DOI

ГСНТИ 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

«Тристан и Исольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена своеобразному юбилею — столетию от начала формирования советского идеологически ориентированного историко-филологического дискурса. В 1921 году в системе Академии наук был создан Институт яфетидологических исследований, который возглавил акад. Н. Я. Марр. Одним из этапных трудов института стала коллективная работа над сюжетом Тристана и Исольды, которая доказала право советской историко-филологической науки по-новому писать историю. Сто лет спустя к этому же сюжету обратился А. Фоменко в рамках парадигмы новой хронологии с той же целью — отстаивать право постсоветской науки на исправление мировой истории. Это — два фрагмента в поиске ответов со стороны отечественной гуманитарной науки на вызовы советского и постсоветского общества по созданию собственной этнической истории с опорой на язык как способ формирования национального самосознания. Сравнительный анализ двух текстов-исследований сюжета о Тристане и Исольде в индоевропейской, семито-хамитской и финно-угорской лингвокультурах показывает, что Н. Я. Марр и его последователи опираются на отрицание, в первую очередь, сравнительно-исторического подхода и, далее, на отрицание истории как науки, построенной по европейским шаблонам. А. Т. Фоменко отрицает западноевропейскую историческую парадигму и тем самым отрицает сравнительно-исторический подход к языку. В решении идеологической задачи их объединяет одно — литература и язык не исчезают из истории, потому что литература и язык всегда имеют историческую ретро- и проспективу.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *яфетидология; новая хронология; историко-филологический дискурс; советская идеология; национальное самосознание; этническая история; литературные сюжеты; сравнительный анализ; тексты-исследования.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Базылев, В. Н. «Тристан и Исольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса) / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. XX-XX. — DOI.*

— Маня...

— А ну-ка проверь... она же Исольда Меньшова, она же Анна Ефидоренко, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же Валентина Панеяд. Сводня, воровка, четырежды судимая, на левой руке — голубь и три буквы «АНЯ». Так?

— Абсолютно точно.

Диалог Володи Шарапова и Глеба Жеглова из т/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.)

НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Несколько перефразируя мысль С. Бойм, скажем: историко-филологическая наука оставалась в СССР одной из самых политизированных дисциплин на всем пути своего развития [Бойм 2002: 141; 65]. О политизации советской академической гуманитарной науки было принято, не скрывая этого, гово-

рить всегда. Не выходя за рамки узкой тематики статьи — историко-филологические исследования, обратимся к конкретному событию. В конце 20-х гг. объяснение создания Русского государства скандинавами утратило смысл и историческое содержание. Утратило потому, что советские специалисты, по словам В. В. Фомина, подвергнув «всесторонней критике» «пресловутую» норманскую теорию происхождения Русского госу-

дарства, доказали его возникновение в процессе внутреннего развития восточных славян, генезиса феодализма, «а не действий норманнов-варягов» [Фомин 2018: 99].

Действительно, определяя социальное бытие человека, язык определяет и формирует ту социально-идеологическую реальность, в которой осуществляет свою экзистенцию человек как существо социальное. Будучи реальностью языковой, социально-идеологическая реальность в то же самое время оказывается реальностью мифической.

По утверждению Г.-Г. Гадамера, язык «есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира, и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» [Гадамер 1991: 29].

Миф же осуществляется именно через язык. Поэтому и появляется предпосылка для написания данной статьи. Поводом же служит своеобразный юбилей: в 1921 г. в системе Академии наук был создан Институт яфетидологических исследований, который возглавил акад. Н. Я. Марр. Задачи были четко отражены в его структуре — отделах педагогическо-пропагандистском, словарном и собственно исследовательском. В последнем из них, в секторе семантики мифа и фольклора, одним из фундаментальных проектов стала коллективная работа, посвященная разработке проблемы стадильности — краеугольного методологического основания яфетической теории, иначе «нового учения о языке», — на материале сюжета о Тристане и Исольде [Тристан и Исольда 1932].

Сегодня, с выходом в свет не менее фундаментальной книги А. Т. Фоменко объемом в 700 страниц убористого текста, посвященной анализу того же знаменитого средневекового литературного произведения с позиции нового научного историко-филологического подхода — «новой хронологии» [Фоменко 2018], можно говорить, повторяя слова А. Ф. Лосева, что миф «есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев 1993: 169]. Сама же мифология — это «наука и знание о мире как личности и личностях и об его истории как личной судьбе одной определенной или многих личностей» [Лосев 1991: 774]. Будучи не просто некой отрешенной действительностью, но осознанием действительности, реальность мифа выражается в языке, а это значит, что мифическая реальность есть ре-

альность языковая. По нашему мнению, и язык, и миф в своей социально образующей сущности — это одно и то же, а именно: словесная оформленность идеи, то есть идеология [Базылев 2014: 24].

Завершим вводную часть нашей статьи цитатой, принадлежащей П. Вайлю, в которой он характеризует советскую науку: «Облеченные доверием партии и народа, ученые не могли не чувствовать своей ответственности перед обществом <...> для них — единственных в стране — наука была не мифом, а реальностью. Они видели в ней социальный рычаг и не имели права пренебрегать ее возможностями» [Вайль 2018: 123].

ТРАДИЦИЯ И АНТИТРАДИЦИЯ

На фоне западной науки XX в. советская и постсоветская историко-филологическая наука традиционно воспринимается как наука аномальная. П. Серию даже вводит понятие советской научной антитрадиции, поскольку считает правомерным выделение советской филологии как оппозиции филологии западной [Серийо 2001: 170—175]. Это мнение стороннего наблюдателя. Внутри отечественной лингвокультуры об этом же в своих беседах с В. В. Библихиным будет рассуждать А. Ф. Лосев [Библихин 2004: 59]. 20-е годы, начавшиеся декларациями: «Новое учение об языке требует не только отрешения от старого научного, но и от старого общественного мышления <...> Русская интеллигенция в своей массе продолжает раболепно преклоняться перед европейской цивилизацией <...> Раболепство и низкопоклонство перед чужеземною наукою не находит себе никакого оправдания...» (цит. по: [Серийо 2001: 171—172]), — завершились эпохальным научным сборником 30-х — «Против буржуазной контрабанды в языкознании».

С точки зрения самих советских ученых — историко-филологов — они действительно противопоставляли себя западной буржуазной науке. В целевой установке коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольды О. М. Фрейденберг четко определяет позиции советской историко-филологической науки: «Постановка вопроса, данная Н. Я. Марром, порывает не только с формализмом, но и с теорией заимствования и теорией самозарождения... Отсюда — и тот разрыв с современной западной наукой... Из сборника будет видно, как западная буржуазная наука подходит сейчас к тем самым вопросам, которые встали перед группой... Когда группа познакомилась с такой постановкой вопроса на Западе, она увидела, что ей нужно подойти к материалу с совершен-

ной иной методологической позиции...» [Тристан и Исольда 1932: 6].

Советская и постсоветская научная анти-традиция, понимаемая как преодоление традиционных западных научных норм (напр. сравнительно-исторического языкознания), определяется не публичными дискуссиями писателя-сатирика-историка М. Задорнова и академика А. Зализняка. Она начинается с Н. Марра, О. Фрейденберг, И. Франк-Каменецкого, и продолжается сегодня А. Фоменко. Все они стремятся преодолеть, как им представляется, западную формализованную институционализированную научность как таковую и создать некоторую альтернативную отечественную научную структуру, воспринимающуюся как свободная от «зашоренности».

Во вступлении к своему разделу коллективного исследования о Тристане и Исольде Б. В. Казанский будет говорить о «бессилии западного историко-литературного исследования перед подобной проблематикой...», о том, что «господствующая историко-литературная школа и ее позиция носят антикварный характер», о том, что «анализ методологических предпосылок историко-литературного понимания господствующей школы (здесь в одном ряду упоминаются Гольтер, Бедье и Шепперле) вскрывают тройной порок, заложенный в них и восходящий к общим идеалистическим основам буржуазной исторической науки: фетишизму перед свидетельством о данности (документальным фактом), неизбежно сочетающемуся с агностицизмом по отношению к самой исторической реальной данности и к существу сюжета, как литературного явления, и с механизмом в понимании возникновения и оформления сюжета, сопряженным естественно с индивидуалистической концепцией этого процесса...», о том, что «„историческая“ школа литературоведения на самом деле является антиисторической, и предпосылки ее должны быть безусловно отвергнуты советской научной мыслью» [Тристан и Исольда 1932: 119—120].

Советская историко-филологическая наука с самого начала конституируется как отрицающая западную науку в ипостаси единственно верного знания. Последний из актуальных примеров тому — это публикация В. Писанова о М. Фасмере и его словаре в «Литературной газете» от 21 марта 2018 г. — «Бомба, заложенная Максом Фасмером»: «Словарь Фасмера — идеологическая диверсия, гуманитарная бомба, осколки которой долетели до наших дней и укоренились в сердце российского языкознания» [Писанов 2018].

На первый взгляд может показаться, что перед нами вполне симметричная структура: по одну сторону расположена западная на-

учная гуманитарная традиция, по другую — советская и постсоветская историко-филологическая наука. Однако симметрия эта мнимая, поскольку советская и постсоветская традиция не просто предстает как логически аргументированная анти-традиция в результате типологического сравнения с западной. Она принудительно идеологически конституируется как таковая с самого начала вне эпистемической традиции. Если про марровскую школу можно сказать, что она попыталась научно обосновывать идеологию новой советской историко-филологической парадигмы, то сегодняшние авторы открыто заявляют исключительно об идеологических основаниях отхода или преодоления западных научных норм гуманитарного историко-филологического знания. Правда, и то, и другое — это актуализация традиции русской лингвокультуры, можно сказать, одна из ее констант. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В. Г. Белинский пишет, что история русской литературы, как и история самой России, «не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собой зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятным, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу <...> Русская литература существует всего каких-нибудь сто семь лет, а между тем в ней уже есть несколько произведений, которые потому только и интересны для иностранцев, что кажутся им не похожими на произведения их литератур, следовательно, оригинальными, самобытными, т. е. национально русскими. Но в чем состоит эта русская национальность, — этого пока еще нельзя определить» [Белинский 1955: 7—8, 21].

Таким образом, «анти» рассматриваемой анти-традиции состоит в том, что советская и постсоветская гуманитарная историко-филологическая наука постоянно нарушает те жанровые, повествовательные и прочие гуманитарные дискурсивные конвенции, с которыми сама себя соотносит. А это происходит постоянно: ведь советская филология жила в отталкивании от западных образцов, их принятии или в их копировании [Базылев 2014].

У Н. Я. Марра и его последователей это оформилось как отрицание, в первую очередь, сравнительно-исторического подхода и, далее, отрицание истории как науки, построенной по европейским шаблонам. У А. Т. Фоменко — как отрицание западно-европейской исторической парадигмы в форме отрицания скалигеровской хронологии в целом и, далее, как отрицание сравнительно-исторического подхода к языку.

**ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ ГЕРОИНИ
ЛЮБВИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
С БОГИНЕЙ МАТРИАРХАЛЬНОЙ
АФРЕВАЗИИ ДО ПОИСКА ОТВЕТА
НА ВОПРОС — КАК ЭТО БЫЛО?**

Конечно, ставить знак равенства между идеологической подоплекой исследовательской практики у Н. Я. Марра и его учеников — в первую очередь О. Фрейденберг, И. Франк-Каменецкого — и А. Т. Фоменко некорректно. Если цель схожа, то задачи разнятся. Тем не менее общность их сомнений относительно историко-филологического потенциала европейской науки представляется достаточно очевидной.

«Когда группа познакомилась с постановкой вопроса на Западе, она увидела, что ей нужно подойти к материалу с совершенно иной методологической позиции. На готовое литературное явление следовало реагировать вопросом о происхождении самой литературы, и отвести ей, как надстройке определенных исторических стадий, надлежащее место; творчеству отдельных авторов предстояло противопоставить общественную идеологию, их приемам заимствования — одинаковую стадию развития, которая создала десятки вариантов, аналогий, параллелей одного и того же сюжета» [Тристан и Иольда 1932: 6—7].

Сто лет спустя А. Т. Фоменко прямо укажет на причины: «После масштабных „скальперовских чисток“ первоисточников не стоит удивляться, что многие первоисточники исчезли... Истреблялась память о правильной истории» [Фоменко 2018: 595]. Напомним, что А. Т. Фоменко, продолжая и развивая гипотезы акад. Н. А. Морозова (1854—1946) и М. М. Постникова (1927—2004), пишет о том, что существующая хронология исторических событий в целом неверна, что письменная история человечества значительно короче, чем принято считать, и не прослеживается далее X в. нашей эры, а древние цивилизации и государства Античности и раннего Средневековья являются «фантомными отражениями» гораздо более поздних культур, появившимися в текстах из-за неправильного (ошибочного или тенденциозного) прочтения и интерпретации источников. Реконструкция истории человечества предполагает существование в Средние века гигантской империи с политическим центром на территории Руси, охватывающей почти всю территорию Европы, Азии и Америки.

На этом фоне становится понятным: существующие историко-литературные типологии всех не устраивают. Литература находится вне истории, она рассматривается как эпифеномен. Внутренние же типологии ос-

новываются на имманентном анализе литературных текстов.

Так у А. Т. Фоменко: «Оказывается, в образе Тристана переплелись сведения об императоре Андронике-Христе из XII века, он же князь Андрей Боголюбский, он же частично — античный Геракл и частично египетский Гор. Кроме того, сюда же были добавлены рассказы о святом Георгии Победоносце, он же частично египетский Гор, он же царевич Исаак Комнин, он же библейский Иосиф — муж Марии Богородицы из XII века. Заметный вклад в образ Тристана дала также яркая ветхозаветная история Иосифа Прекрасного из эпохи XIV—XVI веков <...> В образе Иольды переплелись сведения о Марии Богородице из XII века, она же египетская богиня Изиды, сестра и жена египетского бога Гора, а также мать Гарпократа, то есть Гора-ребенка, то есть, частично, — Христа» [Фоменко 2018: 21].

По сути, это завершение той работы, которая была начата в 20-е годы. Ее задача — наметить социогенез изучаемого сюжета, выявить его как естественный и закономерный продукт общественного развития. Результаты 20-х гг., разумеется, были скромнее, но не менее идеологически определенными.

«Стадиальный подход еще больше размежевал яфетидологию с предшествующими ей теориями: там, где видели заимствование, палеонтологический анализ обнаруживал одинаковую идеологическую конструкцию... <...> История сюжета, как такового, независимо от своеобразного оформления его в поэзии или фольклоре данного народа, ничего общего не имеет с литературой... Литературное произведение в целом отражает идеологию, свойственную данной социальной среде. Но для оформления этой идеологии в сюжетном построении могут быть использованы мотивы и детали, генетически восходящие к весьма различным стадиям социального развития...» [Тристан и Иольда 1932: 5, 262].

В любом случае, однако, историко-типологическая модель выстраивается за счет нейтрализации тех элементов текста, которые не вписываются в запросы и потребности идеологизации науки — идеологического заказа общества. При этом основой этого выступает набор нормативных установок, на который сознательно ориентируется ученый.

Установка 20-х гг. XX в., новое учение о языке, объявляет традиционное сравнительно-историческое языкознание буржуазной наукой, обеспечивающей идеологическую поддержку колониализма и расизма:

«Сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой» [Марр 1936: 31]. Установка 20-х гг. XXI в., новая хронология, объявляет западноевропейскую историю не соответствующей реальности из-за преднамеренных фальсификаций, которые постоянно проводятся по заказу или при одобрении различных политических сил. При таких фальсификациях, по словам А. Т. Фоменко, изготавливаются подложные документы, уничтожаются или правятся источники, содержащие нежелательные сведения [Фоменко 2009].

Именно это делает оба текста специфически советскими и постсоветскими. Они смещаются относительно своего места в истории науки. Закономерно, что они строятся как демонстрация отклонения их поэтики от нормативных установок своего времени — 20—30-х гг. или начала 2000-х. Поэтому яфетидология не принималась представителями сравнительно-исторического языкознания, даже советского, в лице Е. Д. Поливанова, который в 1929 г. в Комакадемии выступил против школы марровцев с критическим докладом «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Не принималась она структуралистами 20—30-х гг. в лице евразийцев, того же Н. С. Трубецкого [Серио 2001: 165—175]. После сталинской дискуссии по вопросам языкознания, как всем хорошо известно, она была официально отвергнута советскими академическими кругами. Новая хронология не принимается постсоветской академической наукой, будь то лингвистика, математика, астрономия и под. РАН квалифицировала в целом новую хронологию как лженауку: в отчете РАН за 2000 г. указывалось, что новая хронология продемонстрировала свою полную несостоятельность, а ошибочность теории А. Т. Фоменко доказана окончательно [Базылев 2012: 22—23].

Ситуация внутри советской и постсоветской истории и филологии, как видим, характеризуется своеобразной внутренней стабильностью, поскольку существование в сознании научного сообщества авангардной историко-филологической схемы обеспечивает подобные исследования набором концепций для опровержения и придает им эффективность революционного открытия.

Так, М. Г. Тихой-Церетели, начиная анализ грузинского материала, отметит, что «уже в самой формулировке темы дается установка на то, что на таком большом отрезке времени и на такой обширной терри-

тории яфетический Кавказ с его богатым фольклором никак не может быть забыт или обойден» [Тристан и Исольда 1932: 137].

Подобная историко-филологическая интерпретация литературных памятников не только не может структурироваться в научной логике, но просто обязана по законам жанра содержать риторические разрывы внутри текста — разрывы, которые не могут быть сняты через переход на более абстрактный уровень интерпретации. Теоретическим проектом, в котором был разработан такой тип интерпретации, была идея семантического пучка Н. Я. Марра и его учеников.

На это в итогах коллективной работы специально укажет И. Г. Франк-Каменецкий: «В данном случае мы имеем дело с смысловым тождеством ‘брака’, ‘борьбы’, ‘исцеления’ или ‘любви’, ‘смерти’ и ‘возрождения’ в их семантической увязке с определенным кругом космических явлений (‘небо’ + ‘вода’, ‘свет’, ‘огонь’, ‘растительность’), а также с рядом звериных образов (‘дракон’, ‘собака’, ‘птица’ и т. д.). Очерченный семантический пучок, с присущими отдельным звеньям его дериватами, охватывает всю совокупность мотивов, характеризующих изучаемый нами сюжет на всем протяжении его истории, во всем многообразии его разностадийных эквивалентов» [Тристан и Исольда 1932: 270].

100 лет спустя А. Т. Фоменко напишет: «Новая хронология помогает разобраться в проблеме и восстановить подлинное содержание, забытый „скелет сюжета“, который оказывается исключительно интересным. В итоге, чтение тысячи страниц „Тристана и Исольды“ становится захватывающе увлекательным <...> Вот теперь многое становится понятным. Нам уже хорошо знаком хронологический сдвиг — ошибки в датировке — на сто или сто пятьдесят лет в истории Европы. Выходит, что фактически сага о Тристане начинает свою „письменную“ жизнь где-то в конце XVII — начале XVIII века» [Фоменко 2018: 18].

Таким образом, специфика, объединяющая марровский и фоменковский научные подходы, заключается в сопротивлении традиционной буржуазной западной историографии (скалигеровской) и филологии (сравнительно-исторической). Дело в том, что перед советской и постсоветской историко-филологической наукой стояли и стоят иные задачи по сравнению с историей и филологией западноевропейской, а именно — заявить и обосновать истинную (без кавычек) миссию России (советской и постсоветской) в мире.

Ретроспективно уместно будет напомнить и о филологических эссе А. К. Югова 60—70-х гг.,

и об исторических опусах Н. С. Державина 30—40-х гг. Статья А. К. Югова «Родина Ахиллеса» была написана в начале 60-х и впервые была опубликована в 1962 г. («хрущевская оттепель»), затем без каких-либо изменений она вошла в сборник 1972 г. («эпоха брежневского застоя»). Вот завершающий фрагмент статьи: «— Ну, хорошо, будем считать доказанным, что Ахиллес — князь Древней Руси,— что же нам-то в этом?! — буквально так сказал мне еще тогда, на докладе, один из приглашенных гостей, типичный представитель „желудочно-полового космополитизма“, по выражению Салтыкова-Щедрина. Ответ на подобный вопрос был дан более ста лет назад Виссарионом Белинским: „Ахилл выше всех других героев целую голову... Ахиллес представляет совокупность субстанциональных сил народа... Это герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитает в прекрасном, богоподобном теле; мужество слилось с красотой в лице его; в движениях его величавость, грация и пластическая живописность; в речах его благородство и энергия. Не диво, что боги и сама судьба помогают ему; не диво, что одно появление его, безоружного, на валу и трехкратный крик обратили в бегство войско троян. Он есть центр всей поэмы: его гнев на Агамемнона и примирение с ним дали ей завязку, начало, середину и конец. Гневный, он сидит в бездействии в своей палатке, играя на златострунной лире, не участвуя в боях; но он ни на минуту не перестает быть героем поэмы, в ней все от него исходит и все к нему возвращается. Но это потому, что он присутствует в поэме не от себя, а от лица народа, как его представитель“. О, если бы и Виссариону Григорьевичу дано было знать: представителем какого народа является Ахиллес! И что „Илиада“ без Ахиллеса?! „Илиада“ — это ахиллиада! Так неужели нам и ныне безразлично то обстоятельство, что величайший представитель мировой поэзии на протяжении тысячелетий, „божественный Омир“ русского, тавроскифского князя избрал главенствующим героем древнегреческой поэмы? Но ведь и о народах речь! Мы знаем теперь, что воззрения Ломоносова, его гневный отпор ругателям русского народа, таким, как „господин Миллер“, подтверждены были историко-археологическими исследованиями не только в прошлом веке, но еще более — в наше, советское время. Многие из высших представителей отечественной науки, слависты и эллинисты, принимают ныне сторону академика Васильевского в вопросе о соотношении античного (древнегреческого и римского) мира с древнерусским, ему современным.

Назовем хотя бы следующие имена: Греков, Рыбаков, Тихомиров, Третьяков, Удальцов, Пассек. Историко-материальный анализ событий Гомеровской Греции, а в частности, событий Троянской войны дает нам право утверждать, что мы, русские, являемся не только „первонаследниками Эллады“, через посредство Византии, но и гораздо ранее возникновения самой Византии, мы, русские, а с нами вместе и славянство, были соучастниками, сотворцами великой Средиземноморской античной культуры. В свете историко-археологических и лингвистических исследований перед нами явственно предстает единство и взаимодействие на протяжении тысячелетий Средиземноморского и Черноморского древнего мира» [Югов 1972: 201—202].

Это то самое «среднее» звено советской историко-филологической мысли, которое связывает в единое целое постмарровское новое учение о языке и новую хронологию. Если же попытаться восстановить недостающее звено в поисках идеологически правильных ответов в период собственно марровский, то можно обратиться к книге акад. Н. С. Державина «Происхождение русского народа», изданной в 1944 г., в которой можно прочитать следующее: «Начиная приблизительно с VIII в. до н. э. и вплоть до II в. н. э., на территории современного украинского народа СССР живет группа племен, известная у древних авторов под общим названием скифы и именуемая самих себя скелотами. В этом последнем племенном термине Н. Я. Марр, как известно, видел протооснову термина скловен, рассматривая его основу „скло-“ как стяженную форму основы „сколо-“. Скифская проблема — это огромная проблема в смысле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян. Без учета кимерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что кимеры и скифы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н. Я. Марр имел все основания утверждать, что „славянский, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — кимерский“ <...>. Мысль о том, что западные, оседлые, земледельческие скифы были славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.). <...> В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н. э.,

т. е. к тому же времени, о котором идет у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, до показанию Н. Я. Марра, между прочим, слово *rii* — камень, которое в усеченной форме *ri-* присутствует у халдов же в составе слова *kar-ri*, чаще *kar-i* — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское кремль. Вторая составная часть племенного наименования сармат — сармар отложилась в черемисском *mar* в значении человек, муж и т. п. По мнению некоторых исследователей, название народа меря есть славянское изменение слова мари» [Державин 1944: 10—16].

Как видим, история 40-х годов — это еще одно звено в непрерывающейся цепи советской историко-филологической науки в поисках правильных ответов на идеологические запросы общества.

Вряд ли в данном случае можно говорить о научной истории в европейском ее понимании. Это, скорее, непрерывная историософская традиция. Русская историософия изначально считала своей миссией ответить на вопросы о духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства. Целью было и остается обретение имени и хронотопа, т. е. времени и места включения и пребывания Руси-России во всемирной истории. Эти поиски были изначально подчинены так называемой «яфетической константе». Не случайно Н. Я. Марр вернет в метаязык филологии некогда бытовавший и в европейской, и в русской филологии термин «яфетический», актуализирует его. Возведение славянства и Руси к «Иафетову колену» в «Повести временных лет» создало ветхозаветный образец историософии, сохранившийся в неизменном виде до петровских времен. Позже этот образец, по законам лотмановской семиосферы, оказался востребованным не только в XVII—XVIII вв. (от трудов Тредиаковского до первого опыта словаря Шишкова), но и в XIX—XX вв. (в середине XIX в. к концепции «яфетических языков» возвращается И. И. Срезневский, и далее — от яфетидологии 20—40-х гг. XX вв. до работ О. Н. Трубачева конца XX в.). Эту мысль автор сформулировал в своем выступлении на историко-культурном семинаре «Авраамиевская седмица» [Базылев 2017].

Нет никаких разрывов, есть, по крайней мере, как мы это видим в XX в., преемственность историко-филологического исследования, отказывающегося от классического реализма. Осознание того, что реальность

зависит от системы описания, ведет к риторической организации неких пропозиций в сюжет, подчиненный той или иной жанровой модели. Вопрос о том, «что же случилось на самом деле», во многом заменяется вопросом о дискурсивной организации описывающих это «на самом деле» текстов.

Так это происходит, например, в материале Т. С. Пассек о мотивах Тристана и Исольты в русской сказке: «Основные мотивы сказания о Тристане и Исольте <...> — все эти мотивы до мельчайших деталей совпадают с таковыми же в разнообразном материале русских сказок. Но поражает даже не это обстоятельство, а то, как ясно в этих двух сюжетных схемах выражен тот же семантический стержень... В русской сказке Исольта предстает в женском образе воинственной красавицы Василисы» [Тристан и Исольта 1932: 214—215].

Сегодня подобный «семантический стержень» идеологически более актуализирован по сравнению с исходной исторической точкой отсчета. У А. Т. Фоменко читаем: «Сегодня многие знакомы с русскими святыми — князем Петром и княгиней Февронией Муромскими, в том числе и по государственному празднику „Всероссийский день супружеской любви и верности“ <...> Так вот, русская повесть о Петре и Февронии — это рассказ о Христе, Георгии Победоносце (Иосифе) и Марии Богородице, дубликатом этой повести является западноевропейское сказание о Тристане и Исольте» [Фоменко 2018: 301—303]. Обратим внимание: западноевропейский текст — это дубликат текста русского.

В результате моделью для историографии становится не традиционное литературоведение, в первую очередь нарратология и риторика. По словам Х. Келлнера, говоря как о традиционных, так и о нетрадиционных, «синхронистических» и «структурных» видах историографии, «на самом деле все истории основаны на *нарративности*, которая гарантирует, что репрезентируемое будет „содержать в себе“ смысл» [Kellner 1987: 29].

Смысл, действительно, присутствует: согласно идеологической установке А. Т. Фоменко, «современные историки (читай — историки, ориентированные на западную научную парадигму), сбивые с толку ошибочной скалигеровской хронологией, неверно понимают направление заимствований <...> они пугаются прямого старинного указания на славянские корни Тристана и пытаются успокоить читателя тем, что это, возможно, всего лишь результат ошибок летописцев» [Фоменко 2018: 595]. Это — сегодня, а сто лет назад идеологические уст-

ремления были более скромными: исследуя не только германский, эгейский, русский, кельтский и под. материал, но и мордовский, нартский, грузинский, филологи марровской школы претендовали на изучение социального базиса сюжета, исходя из надстроечных категорий [Тристан и Исольда 1932: 184].

Но и тогда, и сейчас в качестве исторического поля выступает совокупность текстов — литературных, фольклорных, реальных и реконструированных. Однако соотношение риторики интерпретации этого поля, т. е. интерпретации текстов, с риторикой историко-литературного сюжета оказывается далеко не тривиальным.

«Начальным стержнем истории Тристана и Исольды является рассказ о Христе и Богородице, причем в ветхозаветной версии Адама и Евы. При этом, стареющий король Марк является отражением библейского ветхозаветного Бога-Отца. Любовный напиток, который выпили Тристан и Исольда и который вверг их в безграничную любовь и страдания, это — слегка преломленный библейский сюжет о запретном плоде (яблоки яблоке) <...> Именно та версия и составила суть оперы Вагнера... Поэтому было бы уместно на афишах, перед началом оперы и в раздаваемых зрителям программах вкратце объяснять, что, в действительности, они сейчас прослушают замечательную оперу об Андронике-Христе (Андрее Боголюбском) — Тристане и Марии Богородице — Исольде» [Фоменко 2018: 599].

Из анализа мифологем Средиземноморья, предпринятого О. М. Фрейденберг, следует, что «палентология сюжета говорит нам о том, что король Марк, во всяком случае, — столько же 'муж' Исольды, сколько и ее 'отец', Ирландский король, сколько Морольт и 'дракон', от которого зависит владение Исольдой» [Тристан и Исольда: 109].

Обратим внимание на то, что тексты в коллективном труде сектора семантики мифа и фольклора и тексты А. Т. Фоменко и его соавторов изобилуют более или менее эксплицитными указаниями на источники. Но в несколько разном порядке: у марровцев — синхронно, как стадийные срезы; у фоменковцев — диахронически. Но и в том, и в другом случае этот порядок незаметно преобразуется в «историческую» последовательность: стадийную у авторов коллективной монографии о Тристане и Исольде и реконструируемую у А. Т. Фоменко с одним общим фрагментом, который можно обозначить как коллаж или бриколаж (в духе К. Леви-Стросса). Вот наглядные тому примеры.

«Разные литературные редакции сказания о нибелунгах, равно как о Тристане и

Исольде, надо рассматривать как различные, в зависимости от общественного строя Западной Европы, оформления одного и того же литературного материала, восходящего в конечном итоге к мифу о богине любви — Иштарь. Специально по отношению к нибелунгам интересно, что сказание о них локализуется в прирейнской местности, где мы нашли так много следов культа богини матери-воды Иштарь», — так будет писать В. А. Брим об Иштарь-Исольде по германским материалам [Тристан и Исольда 1932: 46].

«Как мы покажем в настоящей книге, легенда о Тристане и Исольде содержит яркие и важные дубликаты из библейской истории XII—XVI веков. И таких дубликатов много. Начнем с ветхозаветного повествования о Иосифе Прекрасном. Первоисточниками этого сюжета являются: история Энея-Рюрика из XIII века. Затем — история Иосифа Волоцкого, знаменитого святого Русской Церкви из XV века. Наконец — события XVI века, связанные с Дмитрием-Мардохеем, сыном Елены Волошанки, то есть библейской Есфири» [Фоменко 2018: 28—29].

Анализируемые историко-филологические исследования соответствуют двум различным моделям решения актуальной идеологической задачи. Для 20-х годов задача историко-филологической науки — это внедрение в словесность сродственных (гетевское «сродство» — *Wahlverwandschaften*) социальных факторов: «...группа искала не аналогий, но стадийных эквивалентов... это прием не сравнения, а отличия» [Тристан и Исольда 1932: 7]. Напротив, для сегодняшнего дня это освобождение словесности от чуждых ей исторических идей, несущих в себе гибельный для научного поиска с конкретным социальным заказом дух объективированности. Но поскольку и тогда, и сейчас исследователи занимаются не историей идей, а историей текстов, они по необходимости сталкиваются с тем, что внешние идеологические факторы, безусловно, влияют на историко-филологические исследования, но не контролируют их смысл.

Поэтому и тексты марровцев, и тексты фоменковцев воспринимаются как лишённые смысла, но только смысла научного, будь то критика лингвистических опусов А. Фоменко академиком, филологом А. А. Зализняком, или критика марровского четырехэлементного анализа со стороны его же современников, филологов Т. П. Ломтева и П. С. Кузнецова. Но они не лишены смысла идеологического. По мнению И. Герасимова, новая историко-филологическая наука в СССР формировала предпосылки для описания и анализа многоуровневого разнооб-

разия имперской ситуации [Герасимов 2017: 144]. Ведь социальный контекст не определяет научную риторiku историко-филологического текста извне, а проявляется в ней как ее составная часть; он вписан в его риторическую структуру, но не покрывает ее целиком. Научная риторика историко-филологических тестов научной школы Н. Я. Марра и А. Т. Фоменко, несмотря на внешнюю прозрачность их текстов, вполне отвечает характеристике Ж. Бодрийяра в том, что «на глубоком уровне каждый сознает произвольность, искусственный характер истории... тот факт, что сама история, на глубоком уровне, всегда была огромной имитационной моделью» [Baudrillard 1994: 6—7].

При этом для ситуации 20-х годов ответ на социальный заказ означает непосредственный выход к действительности. Действительность же предстает как «некий универсальный закон», как превалирование социальной реальности, как «выход в широкую историческую современность» [Тристан и Исольда 1932: 7].

Подводя итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольды, И. Г. Франк-Каменецкий напишет: «Поскольку весь процесс в конечном итоге обусловлен развитием производительных сил и производственных отношений, палеонтология сюжета — семантическая и „морфологическая“ — выявляет социогенез сюжета, как одного из основных элементов поэтического творчества, в его закономерном становлении и развитии на почве последовательной смены форм общественного уклада» [Тристан и Исольда 1932: 276].

Совершенно иначе истолковывает тексты А. Т. Фоменко. Он во исполнение социального заказа произвольно конструирует (реконструирует) нарративные последовательности. А. Т. Фоменко выстраивает исследование сюжета Тристана и Исольды как освобождение от социальной объективной конструкции ради достижения идеологической цели. Правда, и переход к практике осуществляется им в несколько ином формате: в формате превращения истории в явление массовой культуры, в фолк-историю. И это за счет того, что публикации о новой хронологии превратились в издательский проект, ориентированный на широкие массы читателей, преследующий просветительско-пропагандистские цели. Однако напомним, что основным отделом Яфетидологического института 1921 г. был отдел педагогическо-пропагандистский. Разумеется, размах изданий и объем читательской аудитории тогдашним советским ученым и не мог меч-

таться. Но и у прежнего, и у нынешнего читателя, из-за эффекта коллажа, как мы отметили выше, остается впечатление внутренней противоречивости новых научных историко-филологических текстов. Они снова и снова дают повод для дискуссии и проблематизации научных исследований гуманитарного толка в целом.

Если интерпретации марровцев максимально текстуальны и основываются на вполне структуралистском понимании природы языка, то интерпретации у А. Т. Фоменко носят, скорее, герменевтический характер. А. Т. Фоменко редко обращается к конкретным текстам. В отличие от марровцев он предпочитает практику реферативного предъявления материала, потому что конкретика в его историко-филологических студиях в принципе не согласуется с представлением о всеобъемлющей релятивности, вытекающей из анализа текстов. Но и в том, и другом случае мы сталкиваемся с несопадением риторики истории с риторикой интерпретаций текстов.

Историко-филологическое исследование по Н. Я. Марру — это вовсе не выявление некой универсальной истины о действительности. Цель — усиление социальной «инструментированности» и антропологизма, стремление через литературу выйти к закономерностям исторической действительности. По А. Т. Фоменко, движение истории литературы, осмысленное как переход от аллегорического к символическому тексту, оказывается направлено в сторону все большего прозрения релятивности любой выраженной в языке истины о человеке и все более полной деконструкции понятия человеческой природы.

При этом, перефразируя П. Серию, их объединяет общее неприятие Запада в давнем страдании по поводу национальной идентичности — страдании, которое не отпускает русскую душу после болезненных реформ Петра Великого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может показаться парадоксом, но все, что происходило и происходит в советской и постсоветской историко-филологической науке, может быть понято через ту же западную историко-филологическую науку. В своем интервью о литературе Ж. Деррида отметил, что «необходимость историчности не означает, что все чтение или все письмо историзировано, т. е. принадлежит историкам <...> Писатель может быть невежественен или наивен по отношению к исторической традиции, которая ему довлеет, или которую он трансформирует, изобретает, смещает.

Но мне хотелось бы знать, не трактует ли он историю, даже при отсутствии исторической осведомленности или знаний, в соответствии с опытом, который значимее, живее, необходимее, так сказать, чем опыт некоторых профессиональных историков, наивно занятых объективацией содержания науки» [Деррида 2000: 54—55].

Тем самым история, вопреки распространенному представлению, всегда находилась в центре политического социального проекта государства и в принципе должна рассматриваться как одна из ее главных целей. При этом, — продолжая цитировать Ж. Деррида, — «эта цель может быть достигнута в первую очередь через процедуру критического чтения». По его словам, «читатель должен, с одной стороны, отдавать себе отчет в сознательных, желаемых, интенциональных отношениях, которые автор устанавливает в своем обмене с историей, а с другой — принимать во внимание то, что автор пишет на таком языке и в рамках такой логики, собственной системе, законы и жизнь которых его дискурс, по определению, не может себе полностью подчинить, и чтение должно всегда быть нацелено на определенное отношение, не воспринимаемое автором, между тем, что он контролирует, и тем, что он не контролирует в используемом им языке <...> то отношение — не конкретное количественное распределение тени и света, слабости или силы, а означающая структура, которую критическое чтение должно продуцировать» [Деррида 2000: 158].

Новое учение о языке было глобальным проектом 20—30-х гг., фрагментом новой советской истории. Новая хронология — это проект нового времени тоже по созданию новой русской истории. Проект вовсе не единичный и вдохновляющий не только историков, но и филологов. Проявлением этого можно считать проект О. Н. Трубачева, посвященный этногенезу славян. Он изначально воспринимался в академической среде неоднозначно: с одной стороны, говорилось о «впечатляющем пересмотре всех существующих лингвистических данных и известных гипотез», с другой, о том, «что ни топонимия, ни лингвистика, ни археология не свидетельствуют в пользу его теории», вплоть до мнения, что «все это — фактическое возрождение донаучных взглядов XIX века» [Трубачев 2013]. Как видим, ничего принципиально нового в риторике оппонентов не слышится.

Ясно одно: при решении идеологически важной задачи, поставленной обществом перед учеными, история не исчезает из ли-

тературоведения и vice versa, не потому, что литературная историография не научна, а потому, что сама литература всегда имеет историческую перспективу. Именно в этом смысле мы склонны понимать несколько загадочный финал статьи де Мана «Литературная история и литературная модернизм», в котором автор пишет: «Чтобы стать хорошими историками литературы, мы должны помнить, что то, что мы обычно называем историей литературы, имеет мало отношения к литературе, или вообще не имеет к ней отношения, а то, что мы называем литературной интерпретацией, на самом деле и есть история литературы. Если мы расширим это понятие за пределы литературы, оно лишь подтвердит, что основания для исторического знания — не эмпирические факты, а письменные тексты» [Ман 2002: 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев, В. Н. В борьбе за советскую лингвистику / В. Н. Базылев. — Москва : Изд-во СГУ, 2014. — 380 с. — Текст : непосредственный.
2. Базылев, В. Н. Историософия Руси-России: «яфетическая константа» / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Авраамиевская седмица. Историко-культурный семинар. — Смоленск : Смоленский ГУ, 2017.
3. Базылев, В. Н. Криптолингвистика / В. Н. Базылев. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 277 с. — Текст : непосредственный.
4. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. / В. Г. Белинский. — Текст : непосредственный // Взгляд на русскую литературу 1846 г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. — Москва : Гослитиздат, 1955. — 184 с.
5. Бибихин, В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев / В. В. Бибихин. — Москва : Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004. — 416 с. — Текст : непосредственный.
6. Бойм, С. Общие места / С. Бойм. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 320 с. — Текст : непосредственный.
7. Вайль, П. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 432 с. — Текст : непосредственный.
8. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 368 с. — Текст : непосредственный.
9. Герасимов, И. Гибридность: Марризм и вопросы языка имперской ситуации / И. Герасимов, С. Глебов, М. Могильнер. — Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2 (144). — С. 144—186.
10. Державин, Н. С. Происхождение русского народа / Н. С. Державин. — Москва : Государственное издательство «Советская наука», 1944. — 124 с. — Текст : непосредственный.
11. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — Москва : Ad Marginem, 2000. — 512 с. — Текст : непосредственный.
12. Лосев, А. Ф. Античный космос и современная наука / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1993. — 650 с. — Текст : непосредственный.
13. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. — Москва : Политиздат, 1991. — 525 с. — Текст : непосредственный.
14. Ман, П. де. Слепота и прозрение / П. де Ман. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2002. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Марр, Н. Я. Избранные работы. В 5 т. Т. 3 / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : ГСЭИ, 1936. — 442 с. — Текст : непосредственный.

16. Писанов, В. Л. Мина, заложенная Максом Фасмером, или На каком языке мы говорим / В. Л. Писанов. — Текст : непосредственный // Литературная газета. — 2018. — № 12 (6636). — С. 16.

17. Серио, П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—30-е гг. / П. Серио. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 360 с. — Текст : непосредственный.

18. Тристан и Исоolda. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии : коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н. Я. Марра. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1932. — 286 с. — Текст : непосредственный.

19. Трубаев, О. Н. К истокам Руси. Народ и язык / О. Н. Трубаев. — Москва : Алгоритм, 2013. — 304 с. — Текст : непосредственный.

20. Фоменко, А. Т. Славянское завоевание мира / А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 720 с. — Текст : непосредственный.

21. Фоменко, А. Т. Как было на самом деле. Курган Христа и Богородицы. Тристан и Исоolda / А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 672 с. — Текст : непосредственный.

22. Фомин, В. В. Норманистская сущность «Советского антинорманизма» / В. В. Фомин. — Текст : непосредственный // Исторический формат. — 2018. — № 3-4. — С. 98—164.

23. Югов, А. К. Родина Ахиллеса / А. К. Югов. — Текст : непосредственный // Думы о русском слове / А. К. Югов. — Москва : Советский писатель, 1972. — С. 183—202.

24. Baudrillard, J. L'illusion de la fin ou la grève des événements / J. Baudrillard. — Paris : Gallimard, 1992. — 173 p. — Text : unmediated.

25. Kellner, H. Language and Historical Representation / H. Kellner. — Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1989. — 339 p. — Text : unmediated.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

“Tristan and Isolde”: From the Japhetic Theory of Language to the New Chronology (To the 100th Anniversary of the Beginning of the Soviet Ideological Scientific Historico-Philological Discourse)

ABSTRACT. *The article is devoted to a peculiar anniversary – the centenary of the beginning of the formation of the Soviet ideologically oriented historical and philological discourse. In 1921 The Institute of japhetidological research was established in the system of the Academy of Sciences, which was headed by Acad. N. Marr. One of the most important works of the Institute was the collective investigation on the story of Tristan and Isolde, which proved the right of the Soviet historical and philological science to rewrite history in a new way. A hundred years later, the same story was investigated by A. Fomenko within the framework of the new chronology paradigm with the same goal – to defend the right of the post-Soviet science to correct the world history. These are two fragments in the search for the national identity with the aim to create the ethnic history based on Language and Literature. A comparative analysis of two texts-studies of the story of Tristan and Isolde in the Indo-European, Semito-Hamitic and Finno-Ugric linguocultures shows that N. Marr and his followers rely on the negation of the comparative-historical approach and of history as a science built on European templates. A Fomenko denies the Western European historical paradigm, which leads to the negation of the comparative-historical approach to language. When solving the ideological task set by society for scientists, literature and language do not disappear from history, because literature and language always have a historical retrospective and perspective.*

KEYWORDS: *japhetidology; new chronology; historico-philological discourse; soviet ideology; national self-consciousness; ethnic history; literary plots; comparative analysis; text-study.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Doctor of Philology, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N. “Tristan and Isolde”: From the Japhetic Theory of Language to the New Chronology (To the 100th Anniversary of the Beginning of the Soviet Ideological Scientific Historico-Philological Discourse) / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 10-21. — DOI.*

REFERENCES

1. Bazylev, V. N. In the Struggle for Soviet Linguistics / V. N. Bazylev. — Moscow : SSU Publishing House, 2014. — 380 p. — Text : unmediated. [V bor'be za sovetzkuyu lingvistiku / V. N. Bazylev. — Moskva : Izd-vo SGU, 2014. — 380 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Bazylev, V. N. Historiosophy of Russia-Russia: “Japhetic” constant? / V. N. Bazylev. — Text : unmediated // Avraamian Week. Historical and Cultural Seminar. — Smolensk : Smolensk State University, 2017. [Istoriosofiya Rusi-Rossii: «yafeticheskaya» konstanta» / V. N. Bazylev. — Tekst : neposredstvennyy // Avraamievskaya sedmitsa. Istoriko-kul'turnyy seminar. — Smolensk : Smolenskiy GU, 2017]. — (In Rus.)

3. Bazylev, V. N. Cryptolinguistics / V. N. Bazylev. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 277 p. — Text : unmediated. [Kriptolingvistika / V. N. Bazylev. — Moskva : Flinta : Nauka, 2012. — 277 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Belinskiy, V. G. A look at Russian Literature of 1846 / V. G. Belinskiy. — Text : unmediated // Look at Russian literature 1846. Look at Russian literature 1847. — Moscow : Goslitizdat, 1955. — 184 p. [Vzglyad na russkuyu literaturu 1846 g. / V. G. Belinskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Vzglyad na russkuyu literaturu 1846 g. Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 g. — Moskva : Goslitizdat, 1955. — 184 s.]. — (In Rus.)

5. Bibikhin, V. V. Alexey Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev / V. V. Bibikhin. — Moscow : Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2004. — 416 p. — Text : unmediated. [Aleksy Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev / V. V. Bibikhin. — Moskva : Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, 2004. — 416 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Boym, S. Common Places / S. Boym. — Moscow : New Literary Review, 2002. — 320 p. — Text : unmediated. [Obshchie mesta / S. Boym. — Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Vayl', P. The World of the Soviet Man / P. Weil, A. Genis. — Moscow : AST Publishing House, 2018. — 432 p. — Text : unmediated. [Mir sovet'skogo cheloveka / P. Vayl', A. Genis. — Moskva : Izdatel'stvo AST, 2018. — 432 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Gadamer, G.-G. Relevance of the Beautiful / G.-G. Gadamer. — Moscow : Art, 1991. — 368 p. — Text : unmediated. [Aktual'nost' prekrasnogo / G.-G. Gadamer. — Moskva : Iskustvo, 1991. — 368 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Gerasimov, I. Hybridity: Marrism and Issues of the Language of the Imperial Situation / I. Gerasimov, S. Glebov, M. Mogil'ner. — Text : unmediated // New Literary Review. — 2017. — No. 2 (144). — P. 144—186. [Gibridnost': Marrizm i voprosy yazyka imperskoy situatsii / I. Gerasimov, S. Glebov, M. Mogil'ner. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe literaturnoe obozrenie. — 2017. — № 2 (144). — S. 144—186]. — (In Rus.)
10. Derzhavin, N. S. The Origin of the Russian People / N. S. Derzhavin. — Moscow : State Publishing House "Soviet Science", 1944. — 124 p. — Text : unmediated. [Proiskhozhdenie russkogo naroda / N. S. Derzhavin. — Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskaya nauka», 1944. — 124 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Derrida, J. About Grammatology / J. Derrida. — Moscow : Ad Marginem, 2000. — 512 p. — Text : unmediated. [O grammatologii / Zh. Derrida. — Moskva : Ad Marginem, 2000. — 512 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Losev, A. F. Antique Space and Modern Science / A. F. Losev. — Moscow : Mysl', 1993. — 650 p. — Text : unmediated. [Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka / A. F. Losev. — Moskva : Mysl', 1993. — 650 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Losev, A. F. Philosophy. Mythology. Culture / A. F. Losev. — Moscow: Politizdat, 1991. — 525 p. — Text : unmediated. [Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura / A. F. Losev. — Moskva : Politizdat, 1991. — 525 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Man, P. de. Blindness and Insight / P. de Man. — St. Petersburg : Academy of Humanities, 2002. — 256 p. — Text : unmediated. [Slepota i prozrenie / P. de Man. — Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya Akademiya, 2002. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Marr, N. Ya. Selected Works. In 5 Volumes. Vol. 3 / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : GSEI, 1936. — 442 p. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty. V 5 t. T. 3 / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : GSEI, 1936. — 442 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Pisanov, V. L. Mina, Founded by Max Fasmer, or What Language we Speak / V. L. Pisanov. — Text : unmediated // Literary Newspaper. — 2018. — No. 12 (6636). — P. 16. [Mina, zalozhennaya Maksom Fasmerom, ili Na kakom yazyke my govorim / V. L. Pisanov. — Tekst : neposredstvennyy // Literaturnaya gazeta. — 2018. — № 12 (6636). — S. 16]. — (In Rus.)
17. Serio, P. Structure and Integrity. On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920—30s / P. Serio. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2001. — 360 p. — Text : unmediated. [Struktura i tselostnost'. Ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope. 1920—30-e gg. / P. Serio. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. — 360 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Tristan and Iseult. From the Heroine of Love of Feudal Europe to the Goddess of Matriarchal Afrevrasia: a collective work of the Sector of the Semantics of Myth and Folklore, edited by Academician N. Ya. Marr. — Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1932. — 286 p. — Text : unmediated. [Tristan i Isol'da. Ot geroini lyubvi feodal'noy Evropy do bogini matriarkhal'noy Afrevrazii : kollektivnyy trud Sektora semantiki mifa i fol'klora pod redaktsiey akademika N. Ya. Marra. — Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932. — 286 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Trubachev, O. N. To the Origins of Russia. People and language / O. N. Trubachev. — Moscow : Algorithm, 2013. — 304 p. — Text : unmediated. [K istokam Rusi. Narod i yazyk / O. N. Trubachev. — Moskva : Algoritm, 2013. — 304 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Fomenko, A. T. Slavic Conquest of the World / A. T. Fomenko, G. V. Nosovsky. — Moscow : AST : Astrel, 2009. — 720 p. — Text : unmediated. [Slavyanskoe zavoevanie mira / A. T. Fomenko, G. V. Nosovskiy. — Moskva : AST : Astrel', 2009. — 720 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
21. Fomenko, A. T. How it Was in Reality. Mound of Christ and the Virgin. Tristan and Isolde / A. T. Fomenko, G. V. Nosovsky. — Moscow : AST Publishing House, 2018. — 672 p. — Text : unmediated. [Kak bylo na samom dele. Kurgan Khrista i Bogoroditsy. Tristan i Izol'da / A. T. Fomenko, G. V. Nosovskiy. — Moskva : Izdatel'stvo AST, 2018. — 672 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Fomin, V. V. Normanist Essence of "Soviet anti-Normanism" / V. V. Fomin. — Text : unmediated // Historical Format. — 2018. — No. 3—4. — P. 98—164. [Normanistskaya sushchnost' «Sovetskogo antinormanizma» / V. V. Fomin. — Tekst : neposredstvennyy // Istoricheskiy format. — 2018. — № 3-4. — S. 98—164]. — (In Rus.)
23. Yugov, A. K. Homeland of Achilles / A. K. Yugov. — Text : unmediated // Thoughts on the Russian word / A. K. Yugov. — Moscow : Soviet Writer, 1972. — P. 183—202. [Rodina Akhilessa / A. K. Yugov. — Tekst : neposredstvennyy // Dumy o russkom slove / A. K. Yugov. — Moskva : Sovetskiiy pisatel', 1972. — S. 183—202]. — (In Rus.)
24. Baudrillard, J. L'Illusion de la fin ou la grève des événements / J. Baudrillard. — Paris : Gallimard, 1992. — 173 p. — Text : unmediated.
25. Kellner, H. Language and Historical Representation / H. Kellner. — Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1989. — 339 p. — Text : unmediated.

Т. В. Дубровская

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0044-6056

 E-mail: gynecry74@gmail.com.

Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации

АННОТАЦИЯ. В статье на материале политической интернет-коммуникации исследуется имплицитное содержание, его типы и способы актуализации. Автор выносит на обсуждение ряд концептуальных вопросов, связанных с особенностями актуализации имплицитных смыслов в цифровой среде, и предлагает типологию имплицитного содержания на основе разделения диктума и модуса. Материалом исследования стали материалы современной русской и англоязычной политической интернет-коммуникации, включая записи и комментарии в блогах, онлайн-петиции. Методологически автор опирается на достижения и категории лингвистической семантики, прагматики, теории речевых жанров, теории текста. Цель исследования состояла в типологизации имплицитного содержания политической интернет-коммуникации. В результате анализа выявлено, что интернет-коммуникация предлагает сложную систему смыслов, охватывающую помимо собственно эксплицитного содержания имплицитное диктумное и модусное содержание. В рамках имплицитного диктумного содержания автор предлагает различать пропозициональное, контрадикторное и комплементарное содержание; имплицитное модусное содержание включает оценку диктума, обозначение авторства и сообщение о коммуникативном намерении. При этом отдельные языковые средства и речевые приемы могут имплицитно выражать разные смыслы и их комбинации, а языковой знак в высказывании может выступать одновременно носителем эксплицитного диктумного содержания и имплицитных модальных смыслов. Источником имплицитности выступают непосредственный лингвистический контекст, фоновые знания и специфика цифровой среды, которая влияет на формы имплицитности и возможности ее извлечения и интерпретации. Апперцепционную базу читателя создают понимание политической или идеологической направленности интернет-издания, целей и ценностей интернет-сообщества, а также жанровых конвенций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имплицитность; диктум; модус; интернет-коммуникация; Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; политический дискурс; русский язык; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык», Пензенский государственный университет; 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: gynecry74@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дубровская, Т. В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации / Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 22-31. — DOI.

БЛАГОДАРНОСТИ. Выражаю благодарность проф. С. В. Ивановой и проф. В. В. Дементьеву за ценные замечания, высказанные при обсуждении рабочей версии этой статьи.

ВВЕДЕНИЕ

Проблему имплицитности как языкового и речевого явления нельзя отнести к числу неизученных. Значительное число работ, посвященных общетеоретическим проблемам имплицитности и ее проявлениям в специфических условиях коммуникации и конкретных жанрах, свидетельствует о постоянном исследовательском интересе к тому, «что может быть источником сведений, которые не передаются в явном виде, каковы механизмы их извлечения, как следует учитывать особенности имплицитно передаваемых сведений в прикладных направлениях языкознания» [Борисова, Мартемьянов 1999: 7]. В своем понимании **имплицитности** мы опираемся на определение М. Ю. Федосюка: «...имплицитное содержание представляет собой такое содержание, которое,

не имея непосредственного выражения, выводится из явного, эксплицитного содержания какого-либо элемента речи в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, которая содержится в контексте и ситуации общения» [Федосюк 2012: 253].

Наличие общетеоретических статей и обзоров, посвященных изучению имплицитности [см., напр.: Байдавлетов 2018; Benz et al. 2013; Ruiz 2014], позволяет перейти непосредственно к предмету нашего интереса. В данной статье мы обсуждаем имплицитное содержание, его типы и способы актуализации на материале политической интернет-коммуникации. Е. И. Горошко и Л. В. Павлова выделяют как отдельное направление лингвистики политическую интернет-лингвистику, которая «изучает функционирование языка в политическом секторе Интерне-

та» [Горошко, Павлова 2015: 123]. Исследователи связывают существование этого сектора с политическими субъектами и институтами, т. е. с профессиональными акторами политической коммуникации. Очевидно, однако, что наряду с такой профессиональной коммуникацией существует обширный сектор неинституционализированной политической коммуникации. В этом смысле целесообразно процитировать мнение политологов, которые считают, что «сущностной стороной политико-коммуникационных процессов является передача, перемещение, оборот семантически значимой в политическом контексте информации — тех сведений, которыми в процессе конкретной общественно-практической деятельности обмениваются (собирают, хранят, перерабатывают, распространяют и используют) „источники“ и „потребители“ — взаимодействующие в обществе индивиды, общности, институты» [Грачев 2012: 83]. Как видно, круг участников политико-коммуникационных процессов не ограничивается одними профессиональными акторами.

Участниками неинституционализированной политической коммуникации выступают журналисты, общественные деятели и/или обычные интернет-пользователи: создатели блогов, авторы онлайн-петиций, постов в социальных сетях. Именно эти интернет-жанры, находящиеся на периферии политической коммуникации, интересуют нас прежде всего. Открытость интернет-пространства для всех желающих высказаться по разным политическим вопросам, а также сам характер политической коммуникации с присущим ей столкновением мнений и позиций подводят нас к вопросам: есть ли место имплицитности в политической интернет-коммуникации? Если задача автора жанра состоит в сообщении информации или выражении мнения таким образом, чтобы оно привлекло максимальное число читателей и подписчиков, то являются ли проявления имплицитности непреднамеренными фактами (коммуникативными неудачами) или стратегическими механизмами? Какие смыслы «уходят в подтекст»? И, наконец, какие поверхностные структуры позволяют эти смыслы извлекать? Все эти вопросы предполагают, в первую очередь, обращение к общему содержанию текстов, их прагматике и уже затем попытки выявить отдельные языковые механизмы, являющиеся источником имплицитности. Если же подходить к имплицитности со стороны отдельных языковых средств, то на заднем плане оказываются более крупные смыслы. Кроме того, одно и то же языковое (а в случае интернет-коммуникации —

и графическое, визуальное, музыкальное) средство может служить для выражения разных типов имплицитного содержания, и по этой причине едва ли следует привязывать типологии имплицитного содержания к категориям языковых (и неязыковых) средств.

ОППОЗИЦИЯ «ДИКТУМ И МОДУС» КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИИ ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Признавая возможность построения типологий имплицитного содержания на разных основаниях, мы предлагаем взять за основу выделения типов имплицитного содержания **оппозицию диктумного и модусного содержания**. Такое противопоставление актуально в силу того, что политическая интернет-коммуникация — это, с одной стороны, способ передачи фактической информации, а с другой — чрезвычайно нагруженный с точки зрения аксиологии процесс. При этом в актуализацию диктумного и модусного содержания вовлечены механизмы не только экспликации, но и импликации.

Идея разделения диктумного и модусного имплицитного содержания прослеживается в ряде концепций современных лингвистов [Муханов 1999; Федосюк 2012]. М. Ю. Федосюк различает коммуникативное имплицитное содержание (имплицитно выраженные в тексте сообщения) и коннотативное имплицитное содержание (имплицитно выраженные стилистические или смысловые оттенки, накладывающиеся на содержание текста или отдельные его компоненты) [Федосюк 2012: 254]. Но при этом коммуникативное имплицитное содержание включает также и оценочные суждения.

В предлагаемой типологии имплицитного содержания мы пытаемся полностью развести диктум и модус. В этом смысле нам ближе понимание И. Л. Муханова, который в рамках семантико-прагматического потенциала высказывания выделяет «„пропозитивные“ имплицитные смыслы, значения, которые могут быть эксплицированы предложением» и «имплицитные... субъективно-модальные значения, т. е. значения, связанные с субъективным (эмоционально-оценочным, волевым) отношением говорящего к предмету речи, к ситуации, к собеседнику или к самому говорящему» [Муханов 1999: 83—84].

Далее мы уточним эти два типа содержания, выделим их подтипы и одновременно расширим контекст рассмотрения, исходя из того, что в речи имплицитность характеризует не отдельное предложение, а высказывание в целом.

Итак, на основе оппозиции диктума и модуса мы выделяем соответственно им-

плицитное диктумное содержание и имплицитное модусное содержание.

1. Имплицитное диктумное содержание. Имплицитное диктумное содержание соотносится с фактами, непосредственно сообщаемыми в целом высказывании. Иными словами, суждение передает некое положение дел, однако сообщение об этом положении дел напрямую не вытекает из эксплицитного содержания языковой единицы или совокупности языковых единиц (эксплицитно выраженной пропозиции). Предлагаем выделить три разновидности имплицитного диктумного содержания с точки зрения его отношения к эксплицитному содержанию.

1.1. Имплицитное пропозициональное содержание восстанавливается из эксплицитного содержания благодаря общим принципам организации речи, включая такие как пресуппозиции, дейксис, внутритекстовая референция. В качестве иллюстрации такого содержания приведем простые примеры:

- *British Prime Minister Boris Johnson can't stop losing* [Barnes 2019].

Эксплицитное содержание высказывания состоит в том, что Борис Джонсон в последнее время постоянно терпит неудачи, тогда как в пресуппозиции заложено также, что Борис Джонсон является премьер-министром Великобритании.

В другом примере имплицитный смысл извлекается благодаря механизму внутритекстовой референции. Читатель без труда понимает, что номинация «дарительницы» соотносится с представителями администрации:

- *Несколькими днями позже в Керчи администрация решила накормить пирогами выжившую 75 лет назад ленинградскую бабушку. Дарительницы в шубах были довольны собой, бабушка позировала со сдержанной благодарностью* [Богомолов 2020].

Подобные имплицитные смыслы И. Л. Муханов называет системными «ввиду их объективного существования в лексико-грамматической структуре высказывания и однозначного, непротиворечивого восприятия слушающим» [Муханов 1999: 83]. Системный характер механизмов, определяющих имплицитное пропозициональное содержание, позволяет думать, что они задействованы в любой сфере функционирования языка.

1.2. Во втором типе пропозиция эксплицитно выраженного суждения отличается от пропозиции суждения имплицитного и даже противоречит ей. Иными словами, она не соответствует тому, о чем в действительности сообщает автор. Возникает своего рода «иносказание». В ряде случаев противоречие между эксплицитным и имплицитным

содержанием очевидно, поскольку нарушается максима качества и эксплицитно выраженное суждение в целом не соответствует правде. Поскольку имплицитное содержание противоречит эксплицитно выраженной пропозиции, условно обозначим такую его разновидность, как **имплицитное контрадикторное содержание**.

Приведем пример. При обсуждении речи королевы Елизаветы Второй по случаю сложной ситуации с коронавирусом в Великобритании автор одного из комментариев к записи в блоге пишет:

- *Бориске, говорят, поплохело... Как бы не вышел из Евросоюза в индивидуальном порядке...* [Alexandr_Rogers. Королева говорит... www]

Рассмотрим пропозициональное содержание высказывания с точки зрения диктумной составляющей. Фактически утверждается, что некто по имени Борис стал чувствовать себя хуже и есть вероятность, что по этой причине он может выйти из Евросоюза. В данной перефразированной версии диктумного содержания становится очевидным по меньшей мере одно несоответствие, нарушающее максиму качества: отдельный человек не может выйти из Евросоюза в индивидуальном порядке, поскольку членами Евросоюза могут быть только целые государства. Чтобы имплицитное содержание стало доступным и понятным, необходимо привлечение бэкграунда, фоновых знаний о современном политическом (и не только) контексте. Такие фоновые знания можно изложить в виде ряда тезисов:

- Бориска — искаженное имя Бориса Джонсона, премьер-министра Великобритании;

- Борис Джонсон заболел коронавирусом и был помещен в реанимацию (отсюда — поплохело);

- Борис Джонсон возглавляет процесс выхода Великобритании из Евросоюза (отсюда упоминание выхода из Евросоюза);

- коронавирус провоцирует серьезное заболевание с высокой долей летальных исходов (соответственно, Борис может умереть — как бы не вышел... в индивидуальном порядке).

Из совокупности этих тезисов можно извлечь общий имплицитный смысл — о том, что Борис Джонсон заболел коронавирусом и может умереть. Полагаем, что приведенные выше тезисы образуют пресуппозиции имплицитного содержания, но они совпадают с пресуппозициями эксплицитного высказывания только отчасти. Так, пресуппозициями эксплицитного содержания являются не соответствующие правде тезисы о том, что Борис — член Евросоюза

и что из Евросоюза можно выйти индивидуально. Таким образом, мы наблюдаем усложнение и многослойность диктумного содержания, которое не ограничено только эксплицитным содержанием, но и вовлекает имплицитные смыслы.

Еще одно наблюдение состоит в том, что один и тот же языковой знак (в частности, предложение *Бориске поплохело*) актуализирует как диктумное содержание (утверждение о факте болезни премьер-министра), так и оценочное (пренебрежительное отношение автора к актору описываемой ситуации). Типы оценочного содержания и формы его актуализации будут рассмотрены в п. 2.

1.3. Еще одну разновидность имплицитного диктумного содержания предлагаем обозначить как **имплицитное комплементарное диктумное содержание**, поскольку, не противореча утверждению о фактах в эксплицитно выраженном суждении, оно дополняет его смысл.

Рассмотрим запись из блога в интернет-издании «Сноб». Судя по заголовку «Давать ли деньги?», пост посвящен широко обсуждаемой проблеме: должно ли государство раздать деньги гражданам в качестве компенсации за потерянные во время самоизоляции средства. В примере мы сохранили оригинальное расположение строк:

С понедельника из домов выпустят.

Но не везде.

И в масках.

И штрафовать будут.

А деньги дадут в июне. И 24-го предложат проголосовать за.

И ведь проголосуют!

А потом деньги кончатся, но уже будет поздно. Росгвардия закупила 57 тысяч гранат. Не светошумовых.

[Горченко 2020]

Автор записи в блоге предлагает свой прогноз событий на ближайшее будущее. Для извлечения имплицитного дополнительного диктумного содержания необходимо, как и в случае с контрадикторным, привлечение фоновых знаний. В данном конкретном случае — фоновых знаний о режиме самоизоляции, вопросе компенсации от государства, грядущем голосовании о принятии поправок в Конституцию РФ, планируемой закупке Росгвардией наступательных противопехотных гранат. Именно благодаря таким фоновым знаниям можно заполнить незамещенные синтаксические позиции и достроить имплицитные смыслы: *И 24-го предложат проголосовать за (что?) поправки к Конституции РФ; Росгвардия закупила 57 тысяч гранат. Не светошумовых. (А каких?) Наступательных.*

Источником имплицитного комплементарного диктумного содержания могут быть не только фоновые знания, но и непосредственный лингвистический контекст. Именно поэтому для изучения имплицитности и типов имплицитного содержания в коммуникации целесообразно брать единицы, по объему больше предложения. В вышеприведенном примере синтаксически и семантически незавершенное утверждение «уже будет поздно» (*поздно для чего?*) открывает поле для толкования и комплементарного диктумного содержания благодаря последующему указанию на закупку Росгвардией гранат. Комбинация эксплицитного и имплицитного содержаний, не вступающих в противоречие, а дополняющих друг друга, подводит читателя к выводу о бессмысленности протестов против власти.

2. Имплицитное модусное содержание соотносится с явлением субъективной модальности, т. е. с разными аспектами отношения автора высказывания к сообщению. В данной категории выделим три типа имплицитного содержания, объединенных **прагматической оценкой автора** высказывания: имплицитная оценка автором диктумного содержания своего высказывания, имплицитное обозначение своего авторства, а также имплицитное сообщение о коммуникативной цели высказывания. Рассмотрим их подробнее.

2.1. Как мы отмечали выше и как показывают наши предыдущие исследования [Данкова, Дубровская 2018; Данкова, Дубровская 2019], интернет-жанры образуют аксиологически нагруженную сферу, в которой востребованы ценностные и оценочные высказывания. Оценки далеко не всегда выражены эксплицитными лексическими средствами с соответствующими коннотациями (положительными или отрицательными), однако оценочные смыслы распознаваемы читателем. В связи с этим целесообразно говорить об **имплицитной оценке диктумного содержания**. Обратимся к примеру. В одном из журналистских блогов на «Снобе» читаем:

Вне студийного пространства пример высоких отношений показал рослый гражданин по фамилии Игнатьев. Этот статный мужчина с партийным билетом „Единой России“ в кармане и в должности главы Чувашской республики поднял над головой руку с ключами от новенькой машины и предложил невысокого роста мужчине с майорскими звездочками на погонах подпрыгнуть за подарком. Тот подпрыгнул. Оба посмеялись. Один над тем, что его подчиненный — коротышка. Другой — что

потешил начальника. Со стороны шутка смотрелась не очень [Богомолов 2020].

Попытки выявить специфические оценочные единицы в данном фрагменте не дают убедительных результатов. Но отсутствие таких единиц, однако, не мешает читателю распознать отрицательно-оценочное отношение автора к собственно диктумному содержанию фрагмента — ситуации, когда чиновник побуждает офицера прыгать, чтобы тот мог получить причитающуюся награду. Очевидно, что авторская имплицитная оценка актуализируется всей конфигурацией языковых средств и логическими внутритекстовыми связями: последовательным противопоставлением двух персонажей с точки зрения роста, статуса, поведения (*рослый, статный гражданин vs невысокого роста мужчина, коротышка; с партийным билетом vs с майорскими звездочками; начальник vs подчиненный; предложил подпрыгнуть vs подпрыгнул*). Последняя из приведенных текстовых оппозиций актуализирует семантическую оппозицию *агенс vs пациенс*: инициирование действия одной стороной и вынужденное совершение действия другой стороной.

Интересно, что автор подтверждает интуитивный вывод читателя последним предложением, в котором отрицательная оценка всей ситуации выражена конструкцией с незамещенной синтаксической позицией (*шутка смотрелась не очень*), имплицитно пропущенное употребление положительно-оценочного наречия (напр., не очень хорошо, не очень красиво).

Исследователи имплицитного содержания неоднократно указывали на то, что выведение имплицитных смыслов предполагает обращение к контексту, ситуации, фоновым знаниям. Идея не нова и давно подтверждена. Полагаем, что применительно к интернет-коммуникации ситуативный контекст охватывает помимо прочего идеологическую (в широком смысле) направленность платформ, на которых размещены публикации. Фоновые знания о политической и идеологической ориентации владельцев сайтов и ключевых фигур, задействованных в их создании, определяют ожидания и установки читателей и участников дискуссий в восприятии размещенных текстов, в том числе и заложенных в них имплицитных оценок. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, к примеру, что в либерально ориентированном электронном издании «Сноб» читатель обнаружит материалы, содержащие критику в адрес институтов власти, и соответственно их интерпретирует. В этом отношении ценно замечание М. В. Загидуллиной о том, что «в каждом комьюни-

ти вырабатывается особый стиль, формируется своя апперцепционная база, артикулируются специфические идеалы и ориентиры <...>» [Загидуллина 2019: 71]. Все эти факторы определяют интерпретацию имплицитных смыслов, заложенных в сообщениях.

Апперцепционную базу и установку в восприятии имплицитных смыслов создают также сами жанры и их тематическая ориентация. В качестве примера можно привести онлайн-петиции феминистского дискурса. Ориентация на проблематизацию разных аспектов жизни женщин предопределяет характер репрезентаций и имплицитное противопоставление феминной и маскулинной идентичностей. Подробнее об этом мы писали ранее [Дубровская 2017].

2.2. Другой тип имплицитного модусного содержания — это **имплицитное обозначение своего авторства**. Имплицитные способы маркирования «присутствия» автора в научном тексте Н. С. Супоницкая представляет так: «В результате применения имплицитных стратегий авторизации автор напрямую не называет себя, но индуцирует свое присутствие через антропонимические и эгоцентрические референции в контексте научного сообщения» [Супоницкая 2016: 133]. Многие из способов маркирования имплицитного «присутствия» автора, выделенных в научных текстах, актуальны и для политической интернет-коммуникации. Безусловно, разные жанры предполагают разную степень эксплицитности и имплицитности пишущего субъекта: если, к примеру, авторы онлайн-петиций выражают свое авторство максимально эксплицитно, то в комментариях к блогам встречаются разные способы обозначения своего «присутствия».

В приведенных ниже фрагментах из двух онлайн-петиций авторство обозначено эксплицитно (выделено жирным):

• **Мы, правозащитники, представители экспертного сообщества, граждане России** призываем уполномоченные органы Совета Европы в срочном порядке запросить мнение Венецианской комиссии о соответствии демократическим правовым стандартам Совета Европы изменений Конституции России, а также процедуры их принятия [Совет Европы, проведите срочную правовую экспертизу... www].

• **It didn't defend us Muslim women at all. Instead, it used careless and mocking language on a national platform. It's the same racist language that Muslim women are subjected to on the streets. That's why I'm calling on Boris Johnson to apologise. Please help by signing** [Boris Johnson: Apologise for comparing Muslim women to letterboxes www].

Безличная конструкция *it already seems clear* (уже понятно) в следующем примере из политического блога, напротив, имеет модально-эпистемический смысл, и все суждение при кажущейся его бессубъектности является выражением авторской модальности:

- *It already seems clear that reliance was placed entirely on a single forecast of likely number of deaths — that of Imperial College, led by a professor with a known propensity for exaggeration* [Goodman 2020a].

Возможна также комбинация эксплицитного и имплицитного выражения авторства, когда в одном высказывании одновременно употреблены и эксплицитная авторизирующая конструкция (*I'm not surprised*; как по мне), и конструкция безличная (*it's a shame*; хотя понятно):

- *I'm not surprised that Hancock is slowly being lined up as the scapegoat. It's a shame — he's been energetic and well intentioned whilst the failings are much wider and higher* [Goodman 2020a].

- *Как по мне, то для либералов у них какое-то нездоровое подбобострастие к монархии. Хотя понятно, хозяин „НГ“ сидит в Лондоне на крючке у МИ-6* [Alexandr_Rogers. Королева говорит... www].

2.3. Как третью категорию имплицитного модусного содержания мы выделяем **имплицитное сообщение о коммуникативном намерении**. Отметим, что мы не имеем в виду интерпретацию диктумного или оценочного содержания с целью определения коммуникативных намерений автора. Эта процедура представляется нам нередко весьма интуитивной. В данном случае речь идет о выявлении некоторых лексических, грамматических, дискурсивных маркеров, имплицитно маркирующих коммуникативные интенции.

Некоторые англоязычные конструкции, неявно маркирующие коммуникативные намерения, видим в примере из англоязычного материала:

- *But it's fair to say that even though international comparisons are plagued with difficulty, Britain is unlikely to win any prizes for keeping cases and numbers down — or for consistent Government handling of the crisis* [Goodman 2020b].

Несмотря на то, что личность автора никак не обозначена в высказывании, сразу две конструкции (*it's fair to say*, *is unlikely to win*) семантически связаны с позицией автора и его намерениями. Если первая в большей степени касается имплицитного обозначения автором своего присутствия в тексте, которое мы обсуждали в п. 2.2, то вторая неявно выражает коммуникативную интен-

цию (*Britain is unlikely to... = «Я выражаю сомнение в том, что Британия...»*).

Думаем, что для выявления скрытых сообщений о коммуникативных интенциях продуктивно в дальнейшем использовать достижения грамматики конструкций. Это направление представлено, к примеру, в работе Е. Р. Иоанесян, которая исследует имплицитные смыслы конструкций с союзами *и* и *но*, а также конструкций вида *не важно* [Иоанесян 2020].

Имплицитное сообщение о коммуникативном намерении может актуализироваться лексически:

У нас много власть имущих, презирающих тех, над кем они волею обстоятельств и судеб возвысились. И еще больше людей с подавленным чувством собственного достоинства. Два ингредиента, соединившись, чреватые взрывным эффектом [Богомолов 2020].

В приведенном фрагменте лексема «чреватые», толкуемая как «способный вызвать, произвести что-н. (обычно неприятное, нежелательное)» [Ожегов, Шведова 1997: 887], с одной стороны, достаточно эксплицитно выражает диктумное содержание — описание ситуации как неблагоприятной и опасной, а с другой стороны, имплицитно коммуникативные намерения автора и позволяет перефразировать суждение в форме перформатива «Я выражаю опасение, что произойдет социальный взрыв». Таким образом, один и тот же языковой знак может выступать одновременно носителем разных типов содержания: эксплицитного диктумного содержания и имплицитных субъективно-модальных смыслов. В этом месте следует вспомнить об асимметричном дуализме лингвистического знака, состоящем в том, что «один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» и что «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» [Карцевский 2000: 76]. Думаем, что в ситуации, когда знак выражает одновременно эксплицитное диктумное и имплицитное модусное содержание, первое из них соотносится с признаком неизменности и постоянства, тогда как второе, напротив, более подвижно и условно, так как вытекает из употребления знака в конкретных прагматических условиях и лингвистическом контексте.

Технические возможности Интернета, а также неинституциональный характер коммуникации позволяют авторам выражать коммуникативные намерения графическими способами, такими как выделение заглавными буквами или зачеркивание (литуратив).

• В 2019 году Apple со своей капитализацией в триллион долларов не заняла НИ ОДНОГО первого места. Тем временем HUAWEI два года подряд собирала ВСЕ ПЕРВЫЕ МЕСТА в категории 5G [Alexandr_Rogers. Мракобесие против новых технологий... www].

Выделение заглавными буквами актуализирует имплицитный смысл «Я подчеркиваю, обращаю ваше внимание на...», а кроме того частично имплицитно диктует содержание — сравнение «Apple» и «Huawei» в пользу последнего.

Литуратив представляется нам многослойным смысловым образованием, поскольку технические возможности создания постов и записей в Интернете позволяют легко исправить все ошибки или отредактировать пост даже после его размещения. Таким образом, зачеркивание демонстрирует сознательный выбор незачеркнутой лексемы и намеренное оставление в тексте лексемы зачеркнутой, которая в такой парадоксальной ситуации несет основной смысл:

• А королева стала на тумбочку и продекламировала стихок. Потом вспомнила, как она в 1940-м году ~~звездала~~ записывала радиопередачу [Alexandr_Rogers. Королева говорит... www].

Интерпретацию коммуникативного намерения и языковую рефлексию автора можно представить приблизительно так: «Я хотел назвать вещи своими именами, но не могу, так как это неполиткорректно».

Поскольку все три типа имплицитного модусного содержания, выделенные выше, связаны с фигурой автора и сферой субъективной модальности, они оказываются востребованы в политической интернет-коммуникации, предполагающей, с одной стороны, выражение мнений и агональность, с другой — соблюдение ряда правовых норм публичной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная классификация типов имплицитного содержания в интернет-коммуникации на основе противопоставления диктума и модуса не претендует на исчерпанность. Она может быть расширена, уточнена и дополнена на основе дальнейшего изучения речевого материала. Кроме того, мы не ставили цель перечислить все возможные языковые средства, задействованные для передачи содержания разных типов. Такая задача тоже может быть решена только в результате анализа и систематизации достаточных объемов текстового материала.

Предварительные выводы состоят в том, что политическая интернет-коммуникация

предлагает сложную систему смыслов, охватывающую помимо собственно эксплицитного содержания имплицитное диктумное и модусное содержание. Поскольку отдельные языковые средства и речевые приемы в разных контекстах по сути могут служить совершенно разным целям и имплицитно разные смыслы и даже их комбинации, изучение имплицитности целесообразно вести от более крупных комплексов — типов имплицитного содержания. Более того, как показывает анализ материала, языковой знак в высказывании может выступать одновременно носителем разных типов содержания: эксплицитного диктумного содержания и имплицитных модальных смыслов.

Источником имплицитности нередко выступает непосредственный лингвистический контекст, а имплицитный смысл крайне редко привязан к отдельной лексической или синтаксической единице. Именно по этой причине для изучения типов имплицитного содержания целесообразно брать единицы на уровне выше предложения. Такой подход позволяет обратиться к общим принципам организации речи, включая такие как presupпозиции, дейксис, внутритекстовая референция, интертекст, а также к способам организации аргументации в рамках текста.

Специфика интернет-коммуникации, касающаяся как человеческих отношений в цифровой среде, так и технических возможностей, накладывает отпечаток на формы имплицитности и возможности ее извлечения и интерпретации. Применительно к политической интернет-коммуникации фоновые знания, создающие апперцепционную базу читателя, включают понимание политической или идеологической направленности интернет-издания или платформы, целей и ценностей того или иного интернет-сообщества, а также некоторых жанровых конвенций. Все эти прагматические факторы должны учитываться не только пользователем Интернета, но и исследователем интернет-коммуникации.

МАТЕРИАЛЫ

1. Богомолов, Ю. Униженные и оскорбленные в эфире политического телевидения / Ю. Богомолов. — Текст : электронный // Сноб : сайт. — 2020. — 5 февр. — URL: <https://snob.ru/entry/188442/>.

2. Горченко, С. Давать ли деньги? / С. Горченко. — Текст : электронный // Сноб : сайт. — 2020. — 10 мая. — URL: <https://snob.ru/profile/32403/blog/167195/>.

3. Совет Европы, проведите срочную правовую экспертизу изменений в Конституцию России! : петиция // Change.org : сайт. — URL: <https://www.change.org/p/совет-европы-проведите-срочную-правовую-экспертизу-изменений-в-конституцию-россии>. — Текст : электронный.

4. Alexandr_Rogers. Королева говорит. Бабка шамкает / Alexandr_Rogers. — Текст : электронный // Live Journal : сайт. — URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1286649.html>.

5. Alexandr_Rogers. Мракобесие против новых технологий: кому выгодно? // Live Journal : сайт. — URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1304240.html>. — Текст : электронный.

6. Barnes, L. Trump describes Boris Johnson as someone who 'knows how to win' after historic Parliament defeats / L. Barnes. — Text : electronic // Thinkprogress : site. — 2019. — 5 Sept. — URL: <https://thinkprogress.org/trump-describes-historic-loser-boris-johnson-as-someone-who-knows-how-to-win-4f2c8c76f8c4/>.

7. Boris Johnson: Apologise for comparing Muslim women to letterboxes // Change.org : site. — URL: <https://www.change.org/p/boris-johnson-apologise-for-comparing-muslim-women-to-letterboxes>.

8. Goodman, P. Ten questions for Johnson about his lockdown plan / P. Goodman. — Text : electronic // Conservativehome : site. — 2020a. — 10 May. — URL: <https://www.conservativehome.com/thetorydiary/2020/05/ten-questions-for-johnson-about-his-lockdown-plan.html>.

9. Goodman, P. Ten questions for Johnson about his lockdown plan / P. Goodman. — Text : electronic // Conservativehome : site. — 2020b. — 11 May. — URL: <https://www.conservativehome.com/thetorydiary/2020/05/ten-questions-for-johnson-about-his-lockdown-plan-2.html>.

ЛИТЕРАТУРА

10. Борисова, Е. Г. Имплицитная информация в языке и речи / Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — Текст : непосредственный // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 7—8.

11. Горошко, Е. И. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2015. — № 1 (11). — С. 122—136.

12. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: понятие, сущность / М. Н. Грачев. — Текст : непосредственный // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. — Москва : Российская ассоциация политической науки (РАПН) : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С. 77—90.

13. Данкова, Н. С. Групповая идентичность байкеров в аксиологическом аспекте (на материале интернет-коммуникации) / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 53—65.

14. Данкова, Н. С. Жанры профессиональных Интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 38, № 4. — С. 551—561.

15. Дубровская, Т. В. Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса / Т. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2017. — № 1 (15). — С. 111—117.

16. Загидуллина, М. В. Синтаксис гибридов: есть ли закономерность в сосуществовании вербальных и невербальных элементов поликодовых текстов? / М. В. Загидуллина. — Текст : непосредственный // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / под редакцией Д. Шумской, К. Озга. — Краков : Издательство Ягеллонского ун-та, 2019. — Вып. 6 : Синтаксис текста. Текст в синтаксисе. Лингвистический анализ в Бермудском треугольнике: комбинаторика — семантика — прагматика. — С. 69—79.

17. Иоанесян, Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация / Е. Р. Иоанесян. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 62—77.

18. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский. — Текст : непосредственный // Введение в языковедение : хрестоматия / сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырев, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — С. 76—81.

19. Муханов, И. Л. Имплицитные смыслы как составная часть семантико-прагматического потенциала высказывания / И. Л. Муханов. — Текст : непосредственный // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 81—87.

20. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1997. — 944 с. — Текст : непосредственный.

21. Супоницкая, Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте / Н. С. Супоницкая. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 7 (61). — Ч. 1. — С. 133—138.

22. Федосюк, М. Ю. Идея художественного произведения как разновидность его имплицитного содержания / М. Ю. Федосюк. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. — Вып. 8 : Жанр и творчество. — С. 251—264.

23. Benz, A. Implicature and discourse structure: an introduction / A. Benz, K. Jasinskaja, F. Salfner. — Text : unmediated // Lingua. — 2013. — No. 132. — P. 1—12.

24. Ruiz, R. J. Implicit Discourse: Contributions to a Sociological Analysis / R. J. Ruiz. — Text : unmediated // Revista Española de Investigaciones Sociológicas. — 2014. — No. 146. — P. 171—190.

T. V. Dubrovskaya

Penza State University, Penza, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0044-6056

 E-mail: gyneqry74@gmail.com.

Factual and Modal Types of Implicit Meanings In Political Internet Communication

ABSTRACT. *The paper offers an enquiry into implicit meanings in political Internet communication, its types and linguistic actualizations. The author raises a few conceptual issues related to the specificity of implicit meanings in the digital environment, as well as offers their typology based on distinguishing between factual and modal content for discussion. The data for the study come from Russian and English political Internet communication and include blog entries, comments and online petitions. In terms of methodology, the author draws on the developments and categories used in linguistic semantics, pragmatics, speech genre theory, and text theory. The author aims at classifying implicit meanings in political Internet communication. The analysis shows that Internet communication offers a complex and complicated system of meanings, which embraces — along with explicit content — implicit factual and modal meanings. Within implicit factual meanings, the author suggests differentiating between three types: propositional, contradictory and complementary. The types of implicit modal meanings embrace evaluation of facts, signaling authorship and reporting a communicative intention. In texts, linguistic means and speech patterns may imply various meanings and their combinations, while a linguistic sign may simultaneously convey both explicit factual meanings and implicit modal meanings. The sources of implicitness include the immediate linguistic context, background knowledge and the features of the digital environment, which shapes implicitness as well as the ways it is extracted and interpreted. The reader's awareness of the political or ideological position of the Internet source, the purposes and values of the Internet community, and the genre conventions create his or her apperception basis.*

KEYWORDS: *implicitness; dictum; modus; internet communication; Internet; internet space; internet discourse; internet texts; political discourse; Russian language; English language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dubrovskaya Tat'yana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the English Language Department, Penza State University, Penza.*

FOR CITATION: *Dubrovskaya, T. V. Factual and Modal Types of Implicit Meanings In Political Internet Communication / T. V. Dubrovskaya // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 22-31. — DOI.*

MATERIALS

1. Bogomolov, Yu. Humiliated and Insulted on the Air of Political Television / Y. Bogomolov. — Text : electronic // Snob : website. — 2020. — 5 Feb. [Unizhennye i oskorblennye v efire politicheskogo televeshchaniya / Yu. Bogomolov. — Tekst : elektronnyy // Snob : sayt. — 2020. — 5 fevr.]. — URL: <https://snob.ru/entry/188442/>. — (In Rus.)

2. Gorchenko, S. Should We Give Money? / S. Gorchenko. — Text : electronic // Snob : website. — 2020. — May 10. [Davat' li den'gi? / S. Gorchenko. — Tekst : elektronnyy // Snob : sayt. — 2020. — 10 maya]. — URL: <https://snob.ru/profile/32403/blog/167195/>. — (In Rus.)

3. Council of Europe, Conduct an Urgent Legal Examination of Amendments to the Constitution of Russia! : petition // Change.org : website. [Sovet Evropy, provedite srochnuyu pravovuyu ekspertizu izmeneniy v Konstitutsiyu Rossii! : petitsiya // Change.org : sayt]. — URL: <https://www.change.org/p/sovet-evropy-provedite-srochnuyu-pravovuyu-ekspertizu-izmeneniy-v-konstitutsiyu-rossii>. — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Alexandr_Rogers. The Queen Speaks. The Grandma Chumbles / Alexandr_Rogers. — Text : electronic // Live Journal : website. — URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1286649.html>. — (In Rus.)

5. Alexandr_Rogers. Obscurantism Against New Technologies: Who Benefits? // Live Journal: website [Mrakobesie protiv novykh tekhnologii: komu vygodno? // Live Journal : sayt]. — URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1304240.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)

6. Barnes, L. Trump describes Boris Johnson as someone who 'knows how to win' after historic Parliament defeats / L. Barnes. — Text : electronic // Thinkprogress : site. — 2019. — 5 Sept. — URL: <https://thinkprogress.org/trump-describes-historic-loser-boris-johnson-as-someone-who-knows-how-to-win-4f2c8c76f8c4/>.

7. Boris Johnson: Apologise for comparing Muslim women to letterboxes // Change.org : site. — URL: <https://www.change.org/p/boris-johnson-apologise-for-comparing-muslim-women-to-letterboxes>.

8. Goodman, P. Ten questions for Johnson about his lockdown plan / P. Goodman. — Text : electronic // Conservativehome : site. — 2020a. — 10 May. — URL: <https://www.conservativehome.com/thetorydiary/2020/05/ten-questions-for-johnson-about-his-lockdown-plan.html>.

9. Goodman, P. Ten questions for Johnson about his lockdown plan / P. Goodman. — Text : electronic // Conservativehome : site. — 2020b. — 11 May. — URL: <https://www.conservativehome.com/thetorydiary/2020/05/ten-questions-for-johnson-about-his-lockdown-plan-2.html>.

REFERENCES

10. Benz A., Jasinskaja K., Salfner F. Implicature and discourse structure: an introduction // *Lingua*. 2013. No. 132. P. 1-12.

11. Borisova E. G., Martemyanov Yu. S. Implicit information in language and speech // *Implicitness in Language and Speech* / Ed. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. — P. 7—8. [Borisova E.G., Martemyanov Yu.S. Implitsitnaya informatsiya v yazyke i rechi // *Implitsitnost' v yazyke i rechi* / otv. red. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. — S. 7—8]. — (In Rus.)

12. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Axiology in genres of professional Internet communities // *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series Humanities*. 2019. Vol. 38. No. 4. P. 551—561. [Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Zhanry professional'nykh Internet-soobschestv v aksiologicheskom aspekte // *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2019. Tom 38. №4. S. 551—561.] — (In Rus.)

13. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Axiology of bikers'

group identity (based on the Internet communication) // *Scientific Dialogue*. 2018. No. 7. P. 53—65. [Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Gruppovaya identichnost' baikerov v aksiologicheskom aspekte (na material Internet-kommunikatsii // *Nauchnyi dialog*. 2018. № 7. S. 53—65.]. — (In Rus.)

14. Dubrovskaya T. V. Online petition as a genre in the context of feminist discourse // *Speech Genres*. 2017. No. 1 (15). P. 111—117. [Dubrovskaya T. V. Zhanr onlain petitsii v kontekste feministiskogo diskursa // *Zhany Rechi*. 2017. № 1(15). S. 111—117.]

15. Fedosyuk M. Yu. Idea of a literary work as a type of its implicit content // *Speech Genres. Issue 8. Genre and Creativity*. Saratov; Moscow: Labyrinth, 2012. P. 251—264. [Fedosyuk M. Yu. Ideja khudozhestvennogo proizvedeniya kak raznovidnost' jego implitsitnogo soderzhanija // *Zhany rechi. Vyp. 8. Zhanr i tvorchestvo*. Saratov ; Moskva: Labirint, 2012. S. 251—264.] — (In Rus.)

16. Goroshko E. I., Pavlova L. V. Text transformation under the impact of genre system of social media services in the communication on the Internet (based on English language political websites) // *Speech Genres*. 2015. No. 1 (11). P. 122—136. [Goroshko E. I., Pavlova L. V. Transformatsiya teksta pod vozdeystviem zhanrovoy systemy sotsialnykh media servisov kommunikativnogo prostranstva (na material anglojazychnykh politicheskikh saitov) // *Zhany Rechi*. 2015. № 1 (11). S. 122—136]. — (In Rus.)

17. Grachev M. N. Political Communication: concept, essence // *Political Communication Studies: Theory, Methodology and Practice* / Ed. L. N. Timofeeva. — Moscow : Russian Association for Political Studies (RAPN) ; Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. P. 77—90. [Grachev M. N. Politicheskaya kommunikatsiya: teoriya, metodologiya i praktika / pod red. L. N. Timofeevoj. — M.: Rossijskaya asociatsiya politicheskoy nauki (RAPN) ; Rossijskaya politicheskaja entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. S. 77—90.] — (In Rus.)

18. Ioanesyan E. R. Implicit Assessment and Argumentation // *Scientific Dialogue*. 2020. No. 1. P. 62—77. [Ioanesyan E. R. Implitsitnaja otsenka i argumentatsiya // *Nauchnyi dialog*. 2020. № 1. S. 62—77.] — (In Rus.)

19. Kartsevskij S. O. On asymmetric dualism of the linguistic sign // *Introduction in Linguistics: Reader* / A. V. Blinov, I. I. Bogatyrev, V. P. Murat, G. I. Rapova. — Moscow : Aspect Press, 2000. P. 76—81. [Kartsevskij S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka // *Vvedeniye v yazykovedeniye: Khresomatija* / A. V. Blinov, I. I. Bogatyrev, V. P. Murat, G. I. Rapova. Moskva: Aspect Press, 2000. S. 76—81.] — (In Rus.)

20. Mukhanov I. L. Implicit meanings as part of semantic-pragmatic potential of an utterance // *Implicitness in Language and Speech* / Ed. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moscow : Languages of Russian Culture, 1999. — P. 81—87. [Mukhanov I. L. Implitsitnye smysly kak sostavnaja chast' semantiko-pragmaticheskogo potentsiala vyskazyvaniya // *Implitsitnost' v yazyke i rechi* / otv. red. E. G. Borisova, Yu. S. Martemyanov. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. — S. 81—87]. — (In Rus.)

21. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanation Dictionary of the Russian Language*. Moscow : Azbukovnik, 1997. 944 p. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj Slovar' Russkogo Jazyka*. Moskva: Azbukovnik, 1997. 944 c.] — (In Rus.)

22. Ruiz R. J. Implicit Discourse: Contributions to a Sociological Analysis // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. — 2014. — No. 146. P. 171—190.

23. Suponitskaja N. S. Means of linguistic marking of the author's implicit presence in scientific text // *Philological Studies. Theoretical and practical issues*. Tambov: Literacy, 2016. No. 7(61): in 3 parts. Part 1. P. 133—138. [Suponitskaja N.S. Sposoby jazykovogo markirovaniya implitsitnogo 'pristutstvija' avtora v nauchnom tekste // *Filologicheskije nauki. Voprosy teroii*

I praktiki. Tambov: Gramota, 2016. №7(61): v 3-kh ch. Ch.1. S. 133-138.] — (In Rus.)

24. Zagidullina M. V. Syntax of hybrids: is there regularity in the co-existence of verbal and non-verbal elements in polycode texts? // Language and Method. Russian Language in Linguistic Studies in the 21st century / Ed. D. Szumska, K. Ozga. — Issue 6. Syntax of Text. Text in Syntax. Linguistic Analysis in the Bermuda Triangle: combinatorics — semantics — pragmatics. Cracow:

Jagiellonian University, 2019. P. 69—79. [Zagidullina M.V. Sintaksis gibridov: jest li zakonomemost' v sosuchestvovanii verbalnykh i neverbalnykh elementov polikodovykh tekstov? // Jazyk i metod. Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh 21 veka / pod red. D. Shumskoj, K. Ozga. — Vyp. 6. Sintaksis teksta. Tekst v sintaksise. Lingvisticheskij analiz v Bermudskom treugol'nike. Krakov: izdatel'stvo Jagiellonskogo universiteta, 2019. S. 69—79.] — (In Rus.)

А. А. Карамова

Бирский филиал Башкирского государственного университета, г. Бирск, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: Kar_AA@mail.ru.

Средства репрезентации концепта «Россия» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ президентских выборов 2018 г.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются средства репрезентации концепта «Россия» в политическом дискурсе. Цель статьи — систематизация и описание этих речевых средств. В статье используется метод концептуального анализа, заключающийся в комплексном рассмотрении имени концепта — лексемы «Россия». В ходе анализа исследуется его этимологический, исторический, семантический, контекстуальный, грамматический, парадигматический, деривационный аспекты. Материалом исследования послужили тексты предвыборных программ президентских выборов 2018 г., где наиболее ярко проявляется вся сущность и специфика политического дискурса. Рассмотрение этимологии слова «Россия» свидетельствует об устойчивости его употребления с XVIII века, несмотря на меняющиеся официальные обозначения страны. Рассмотрение лексической и грамматической семантики слова, контекстов его употребления показывает, что в политике России отведено главное место: Россия — это средоточие всех политических событий, действий, основное место политики, объект политики, главное лицо политических действий (примеряющее разные метафорические роли). Парадигматические отношения лексемы «Россия» демонстрируют ее прагматический потенциал, направленный на эмоциональное и скрытое психологическое воздействие на адресата. Деривационные связи демонстрируют активность употребления слова «Россия» в речи, подтверждая ключевой характер концепта. Проведенный анализ позволяет: 1) определить место концепта в ряду других концептов; 2) определить структуру концепта (ядро, ближнюю и дальнюю периферию), коррелирующую со структурой лексико-семантического поля его репрезентантов. В связи с этим сделаны следующие выводы. Концепт «Россия», являясь ключевым (базовым) общенациональным концептом, занимает главное место в системе концептов российского политического дискурса. Концепт «Россия» представлен в языковом сознании многообразным концептуальными признаками, во многом осложнен прагматической составляющей его репрезентантов (их эмоциональной воздействующей силой и суггестивным потенциалом). Результаты проведенного исследования можно использовать в практике составления словарей концептов, в практике анализа и структурирования других концептов и средств их репрезентации, в разработке классификаций концептов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические концепты; средства репрезентации; структура концептов; выборы президента; российские президенты; избирательная кампания; предвыборная программа; политическая риторика; политические тексты; политические речи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Карамова Айгуль Айратовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Бирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет»; 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, к. 6; e-mail: Kar_AA@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карамова, А. А. Средства репрезентации концепта «Россия» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ президентских выборов 2018 г.) / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 32-39. — DOI.

Концепты — это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2009: 24]. Особое место занимают политические концепты, которые выделяются в рамках классификации, основанной на типах дискурса (институциональном или неинституциональном) [Карасик 2009: 25]. Под политическими концептами понимают элементы «национального политического сознания» [Чудинов 2007: 43].

Среди политических концептов выделяют базовые, общенациональные, групповые, индивидуальные [Юздова 2017: 502].

К базовым (ключевым) политическим концептам относят концепты «власть», «политик», «политика», «свой/чужой», «Россия», «кризис», «модернизация», «протест» «благо», «целестремление», «народ», «государство», «интерес» [Шейгал 2000: 95—131; Гаврилова 2003: 98; Карамова 2013: 78; Юздова 2017: 503].

К базовым (ключевым) относится и концепт «Россия». По справедливому мнению исследователей, его также можно считать общенациональным концептом, важным «для понимания ментальности народа — носителя языка» [Юздова 2017: 503]. Таким образом, данный концепт несколько сужается до границ российского политического дис-

курса, не переставая быть для него базовым (ключевым).

Цель статьи — систематизация и описание средств репрезентации концепта «Россия». Думается, что этот анализ позволит определить место рассматриваемого концепта в системе политических концептов, а также не только систематизировать языковые средства его репрезентации, но и структурировать сам концепт.

Рассмотрим средства репрезентации концепта «Россия» на материале предвыборных программ кандидатов в Президенты РФ 2018 г. Выбор текстов данного жанра случаен. Именно в предвыборных текстах наиболее ярко проявляется вся сущность политического дискурса, его специфика. Именно в них обсуждаются наиболее актуальные темы, обнажаются наиболее острые проблемы. Именно здесь адресант использует все имеющиеся средства воздействия на адресата-избирателя. Поэтому в текстах дискурса выборов, на наш взгляд, будут представлены средства репрезентации концепта во всем их многообразии.

В статье предлагается использовать методику концептуального анализа. Учитывая, что, по замечанию исследователей, «концептуальный анализ не представляет собой какой-то определенный метод экспликации концептов», у разных исследователей это скорее цель, пути достижения которой неодинаковы [Серова 2007: 17], предложим комплексное, разноаспектное рассмотрение имени концепта — лексемы *Россия* по следующей схеме: 1) этимологический и исторический аспект; 2) семантический аспект; 3) контекстуальный аспект; 4) грамматический аспект; 5) парадигматический аспект; 6) деривационный аспект.

1. Этимологический и исторический аспекты. Слово *Россия*, по материалам этимологического словаря М. Фасмера, было впервые зафиксировано в Московской грамматике в 1517 г. Оно производно от *Русия*, которое восходит к *Русь*. Форма на *о* происходит из греческого, из языка патриаршей канцелярии в Константинополе [Фасмер 1987: 505]. По материалам «Большой советской энциклопедии», до конца XVII в. слово употреблялось нечасто, чаще использовались наименования *Русь*, *Русская земля*, *Московское государство*. С XVII в. термины *Россия*, *Российская земля* стали широко употребляться в русской письменности. В начале XVIII в. при Петре I государство официально было названо *Российской империей* [Большая советская энциклопедия].

Рассмотрение этимологии и истории слова *Россия* свидетельствует о том, что

оно устойчиво употребляется с XVIII в., несмотря на то, что никогда не являлось официальным обозначением страны, параллельно с изменением официальных названий и актуализацией других наименований страны, связанных со сменами формаций.

2. Семантический аспект. Слово *Россия* имеет значение «страна (территория) и государство, населенное в основном русскими» [Большая советская энциклопедия].

В контекстах нередко употребляется в переносном метафорическом значении. В предвыборных программах кандидатов в президенты зафиксированы следующие типы метафор (в соответствии с классификацией А. П. Чудинова [Чудинов 2007: 136—137]):

1) антропоморфная метафора — «РОССИЯ — ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ»: *...Россия потеряла лицо и практически ушла из большой мировой политики* (Б. Ю. Титов);

2) социоморфная метафора — милитарная: «РОССИЯ — УЧАСТНИК БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ»: *Россия должна стремиться к интеграции, ...завоеывая право стать европейской производственной базой* (К. А. Собчак); актерская: «РОССИЯ — АКТЕР»: *Россия не должна стремиться к политической изоляции, играя роль сырьевой базы* (К. А. Собчак).

3) артефактная метафора — «РОССИЯ — ПУТЕШЕСТВЕННИК»: *Россия отстает от ведущих стран по производительности труда и энергоэффективности...* (В. В. Путин); «РОССИЯ — ДОМ»: *...по кирпичику строить новую Россию...* (Б. Ю. Титов); «РОССИЯ — МЕХАНИЗМ»: *В этих условиях Россия... стала хорoshiм амортизатором для западной экономики* (М. А. Сурайкин).

Рассмотрение семантики слова *Россия* показывает, что оно главным образом употребляется в своем прямом значении, при этом частотно метафорическое употребление, когда Россия мыслится как живой организм, как дом (объект строительства), как актер, как участник боевых действий, как механизм, как путешественник. Наиболее распространена модель «РОССИЯ — ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК» (45 % от всех употреблений слова «Россия» в метафорических контекстах), которая является частью ключевой политической модели «РАЗВИТИЕ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ» [Карамова 2013: 125—127]. Претенденты на пост президента видят развитие России как долгое путешествие, со свойственными ему препятствиями и сложностями. И это существенно для политического дискурса: страна должна развиваться, не стоять на месте, не отступать. Примечательно, что большая часть метафо-

рических моделей соотносит Россию с одушевленным существом — человеком (актером, участником боевых действий, путешественником). Это делает Россию участником политических действий, событий.

3. Контекстуальный аспект. Контексты, в которых используется слово *Россия*, денотативно соотносят его со следующими сферами политики:

1) политический строй России: *...капиталистическая Россия деградирует...* (М. А. Сурайкин);

2) направления политической деятельности России:

- внешняя политика России: *Россия не должна стремиться к политической изоляции, играя роль европейской сырьевой базы* (К. А. Собчак);
- общая внутренняя политика России: *Каким станет для России и наших детей XXI век — зависит от нас сегодня* (Г. А. Явлинский);
- экономическая политика: *Россия, пора предпринимать!* (Б. Ю. Титов);
- правовая политика: *Россия должна безусловно признавать и выполнять решения Европейского суда по правам человека* (К. А. Собчак);
- миграционная политика: *Надо разрешить миграцию в Россию только соотечественникам и профессионалам своего дела* (В. В. Жириновский);
- региональная политика: *Будущее России — в ее регионах* (В. В. Путин);
- силовая политика: *России необходима глубокая реформа силовых структур, делающая их реальным защитником граждан, а не орудием сохранения власти и передела собственности* (К. А. Собчак);
- социальная политика: *...Работающий человек в России не будет бедным* (В. В. Путин);
- научно-образовательная политика: *Высокие научные достижения всегда были конкурентным преимуществом России* (В. В. Путин);

3) субъекты политики России:

- граждане: *Государство обязано создать условия, чтобы права каждого гражданина России были надежно защищены* (В. В. Путин).

Рассмотрение контекстуального аспекта слова *Россия* показывает, что контексты денотативно соотносят его со всеми сферами политики. Это свидетельствует о том, что Россия — средоточие всех политических событий, действий, явлений. Всё, что происходит в политической сфере, связано с Рос-

сией. Исчерпывающее разнообразие контекстов, связывающих Россию со всеми сферами политической жизни, в очередной раз доказывает тот факт, что концепт «Россия» является ключевым в российском политическом дискурсе. Анализ показывает, что наиболее частотное употребление слова *Россия* в контекстах, связанных с международной политикой (более 30 % словоупотреблений). Активность использования индивидуального обозначения — онима *Россия* (вместо обезличенного *страна*), в том числе в контекстах международной политики, эксплицирует характеристику России как особой, самобытной страны со своей спецификой и своими путями развития, которой в предвыборном дискурсе предопределяется исключительная роль на международной арене.

4. Грамматический аспект. Анализ показывает, что наиболее частотны следующие грамматические связи словоформы *Россия*.

1) Управление:

- существительное + *Россия* в Р. п. (с определительным значением принадлежности): *внешней политики России* (Г. А. Явлинский); *в интересах России* (К. А. Собчак);
- глагол (отглагольное существительное) + *Россия* в П. п. с предлогом *в* (с локальным значением): *возрождение демократии в России* (К. А. Собчак); *оставаться в России* (В. В. Жириновский);
- глагол (отглагольное существительное) + *Россия* в В. п. с предлогом *в* (с локальным значением): *разрешить миграцию в Россию* (В. В. Жириновский); *в Россию вернулись заработанные здесь деньги* (В. В. Жириновский);
- отглагольное существительное + *Россия* в Р. п. (значение объекта): *меры для укрепления и дальнейшего развития России* (Г. А. Явлинский); *обеспечить возрождение «провинциальной» России* (П. Н. Грудинин);
- сущ. + *Россия* в В. п. (прямой объект): *укрепляем Россию* (С. Н. Бабурин); *по кирпичику строить новую Россию* (Б. Ю. Титов).

2) Независимая синтаксическая позиция — *Россия* в И. п. (в роли активного агенса): *...Россия потеряла лицо и практически ушла из большой мировой политики* (Б. Ю. Титов); в том числе в конструкциях со значением долженствования: *Россия не должна стремиться к политической изоляции* (К. А. Собчак).

3) Согласование: *Россия* + согласованное прилагательное: *постсоветская Россия*

(Г. А. Явлинский), в том числе с метафорическим прилагательным: *великая Россия* (С. Н. Бабурин).

Словосочетания с определительным значением принадлежности составляют 26 % всех употреблений словоформы. Думается, это также подтверждает ключевой характер анализируемого концепта: многое, что является предметом обсуждения в политическом дискурсе, принадлежит России, непосредственно связано с ней. Словосочетаний со значением локативности насчитывается более 23 %. Примечательно, что, по данным Национального корпуса русского языка, словоформа *в России* находится на 99 месте по частоте употребления. Грамматическая семантика локативности словосочетаний со словом «Россия» свидетельствует о том, что Россия в политическом дискурсе позиционируется в основном как место проведения политических действий, протекания политических процессов. Довольно частотное употребление слова в значении агенса в форме И. п. (почти 20 % употреблений) свидетельствует о том, что России отводится роль активного участника политических событий. Еще одна зафиксированная семантическая роль анализируемой словоформы делает Россию объектом политических действий. Анализ грамматического аспекта слово *Россия* свидетельствует о том, что все, что обсуждается и делается в политике, принадлежит России, что Россия — место проведения политики, это активный субъект политики, объект политики.

5. Парадигматический аспект.

1) Синонимы.

Самым активным синонимом является слово *страна* в значении «Территория, имеющая собственное государственное управление или управляемая другим государством» [Ожегов, Шведова 2003: 772], конкретизируемом в контекстах до значения «Россия»: *Гарантировать обороноспособность и безопасность страны...* (П. Н. Грудинин). Частотность его употребления в контекстах предвыборных программ по отношению к имени концепта составляет соответственно 1:1,4. Довольно частотно употребление данного слова в сочетании с притяжательным местоимением *наш* (почти 20 % от общего числа употреблений существительного *страна*): *Будущее, в котором наша страна станет неотъемлемой частью современного развитого мира...* (Г. А. Явлинский). Данное местоимение, наряду с местоимением *мы*, является в политических текстах средством выражения институциональности — одной из основных особенностей политического дискурса. Кроме того, в данных

примерах местоимение *наш* вбирает в себя семантику приобщения к народу местоимения *мы* инклюзивного в значении «мы-партия + народ», имеет значение «принадлежащий мы-партии + народу». В этом значении местоимение обладает сильным суггестивным потенциалом, способным внушить адресату-народу мысль о том, что адресант с ним заодно, что он действует во имя и во благо народа [Карамова 2016: 85—86]. Менее часто в качестве синонима к слову *Россия* употребляется официальное обозначение *Российская Федерация*: *Российская Федерация — самая большая в мире страна* (В. В. Путин), а также его аббревиатурный вариант *РФ*: *Расходы на образование в консолидированном бюджете РФ должны быть не менее 5 % ВВП* (К. А. Собчак).

Используются синонимы с высокой стилистической окраской:

- *держава*, имеющий оценочное значение «Большая и мощная страна» [Ожегов, Шведова 2003: 161], употребляющийся преимущественно в сочетании с эпитетами: *...мы вновь сделаем наше Отечество сильной и могучей державой* (П. Н. Грудинин);
- *Отечество*, имеющий значение «Страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит» [Ожегов, Шведова 2003: 470]: *...мы вновь сделаем наше Отечество сильной и могучей державой* (В. В. Жириновский). В этих примерах Россия позиционируется как родная для адресанта и адресата страна, высказывается стремление их единения, привносится оттенок значения «мы граждане одной страны, родной для нас»;
- *Родина*, имеющий значение «Отечество, родная страна» [Ожегов, Шведова 2003: 681], употребляющийся в контекстах, связанных с гражданами, находящимися за пределами России: *Необходимо вернуть на Родину всех военнослужащих, находящихся в плену в Украине* (К. А. Собчак).

Активно использование синонимических перифраз — с положительным оценочным значением: *экономический лидер Европы* (Б. Ю. Титов), *прогрессивное и процветающее государство* (Г. А. Явлинский); с отрицательным оценочным значением (примечательно, что реже, 1:4, а также — в одном антонимическом контексте с перифразами положительной семантики): *Перед Россией стоит задача перехода от суперпрезидентской республики... к полноформатной парламентской демократии* (К. А. Собчак).

2) Антонимы, в том числе контекстуальные: *Размещение нового производства в России должно быть более выгодным, чем в других странах* (Путин). В подобном противопоставлении отражается ключевая политическая оппозиция «свой — чужой», которая всегда коррелирует с аксиологической шкалой следующим образом: «свой (хороший) / чужой (плохой)» [Карамова, Карамов 2017: 37—43]. При этом полярность оценки декоррелирована: представлена констатация факта, что Россия в чем-то проигрывает по сравнению с другими странами, но, поскольку она находится в диапазоне «своего», то, по определению, располагается в зоне «положительного». И задача кандидата — сделать так, чтобы корреляция восстановилась, то есть Россия стала лучше других стран.

Анализ парадигматических связей слова *Россия* позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в политическом контексте сужается значение слова *страна* — самого частотного синонима слова *Россия*, до тождественного синонима. Факт того, что они *Россия* более частотен в текстах (нежели нарицательное обезличенное имя *страна*), свидетельствует, что в структуре концепта особое место занимает концептуальный признак самобытности, индивидуальности.

Во-вторых, парадигматические отношения демонстрируют прагматический потенциал слова *Россия*. Использование слов высокой стилистической окраски: *держава, Отечество, Родина*, — а также перифраз: *экономический лидер Европы, прогрессивное и процветающее государство* — направлено на эмоциональное воздействие на адресата-избирателя. При этом единичные случаи сочетаний с отрицательной окраской представлены в качестве антитезы положительной характеристики страны: *мощная индустриальная держава — сырьевой придаток стран т.н. золотого миллиарда*. Это может свидетельствовать о закреплении положительных коннотаций за лексическим значением слова *Россия*. Использование местоимения *наш* в сочетании со словом *страна* обладает потенциалом скрытого психологического воздействия на адресата-избирателя. Антонимичные отношения слова *Россия*, отражающие противопоставление с другими странами, репрезентирующие ключевую политическую оппозицию «свой/чужой», коррелирующую с аксиологической шкалой «положительный/отрицательный», также манипулятивно заряжены: если в диапазоне «свой (и, следовательно — положительный)» что-то выглядит невыигрышно, то кандидат имплицитно берет на себя обязательство выправить ситуацию.

6. Деривационный аспект.

Активно использование производного прилагательного *российский* (в соотношении 1:4 по отношению к употреблению производящего существительного, имени концепта) в значении «Относящийся к россиянам, к русским, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у россиян, как у русских, как в России» [Ожегов, Шведова 2003: 684]: *Мы вернем российскому образованию лидирующие в мире позиции* (В. В. Путин).

Рассмотрение деривационных связей свидетельствует об активности употребления слова *Россия* в речи, что подтверждает ключевой характер концепта.

Проведенный анализ подтверждает идею о том, что концепт «Россия» является ключевым, базовым концептом российского политического дискурса. Более того, это, на наш взгляд, главный концепт в системе ключевых общенациональных концептов. Россия — средоточие всего, что происходит в политике, это одновременно и место политических действий, и их объект. Вместе с этим это еще и активный субъект, главное лицо политических действий (примеряющее разные роли — путешественника, актера, участника боевых действий). Россия — индивидуальное, самобытное лицо, занимающее особое место на международной арене. Упоминание России — это средство воздействия (как эмоционального, так и скрытого психологического) на адресата-избирателя, который заинтересован в процветании страны, поскольку заинтересован в собственном благополучии и потому живо реагирует на то, что предлагается сделать для нее.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы не только о месте концепта «Россия» среди других политических концептов, но и определить его структуру.

Сам вопрос о выявлении структуры концептов не имеет в науке единого подхода к решению [Кононова 2014: 33—34]. Если исходить из понимания концепта как полевой структуры, где «к ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [Попова, Стернин 2001: 60] и которая, очевидно, будет коррелировать с лексико-семантическим полем его репрезентантов, то можно прийти к следующим выводам.

Ядро концепта «Россия» составляет когнитивный признак «страна, территория», репрезентируемая именем концепта *Россия* и его синонимами: *страна, Российская Федерация, РФ*.

Ближнюю периферию составляют концептуальные признаки «родная страна»: *Родина, Отечество*, «оценочная характеристика страны (с эксплицитной положительной оценкой)»: *держава, экономический лидер Европы, страна инноваций, одна из ведущих мировых держав*.

Дальняя периферия — концептуальные признаки «свой (положительный) в оппозиции „свой/чужой“»: *Россия отстает от ведущих стран*; «действующее лицо политики» — метафоры со значением лица, синтаксическая позиция активного агенса; «место проведения политики», «объект политики», «часть политики» — грамматические связи словоформы имени концепта; «принадлежащий мы-партии + народу» — местоимение *наш (наша страна)*; «связь со всеми сферами политики» — контексты употребления имени концепта; «особая, самобытная страна» — контексты; «относящийся к россиянам, к русским, к России; такой, как у россиян, как в России» — производное прилагательное *российский*.

Для политического дискурса (особенно предвыборного) актуальна прагматическая составляющая репрезентантов концепта. Указанные выше средства эмоционального психологического воздействия на адресата относятся к ближней периферии лексико-семантического поля и, соответственно, самого концепта. Средства, обладающие суггестивным (манипулятивным) потенциалом (имеющие наименьшую «чувственно-наглядную конкретность»), следует отнести к дальней периферии.

Таким образом, рассмотрение средств репрезентации концепта «Россия» в текстах политического (предвыборного) дискурса позволяет: 1) определить место концепта в ряду других концептов; 2) определить структуру концепта (ядро, ближнюю и дальнюю периферию), коррелирующую со структурой лексико-семантического поля его репрезентантов. Опыт проведенного анализа можно применить в практике составления словарей концептов, в практике анализа и структурирования других концептов и средств их репрезентации, в разработке классификаций концептов.

ИСТОЧНИКИ

1. Предвыборная программа С. Н. Бабурина. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-sergeja-baburina> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.
2. Предвыборная программа П. Н. Грудинина. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-pavla-grudinina> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.
3. Предвыборная программа В. В. Жириновского. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-vladimira-zhirinovskogo> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

4. Предвыборная программа В. В. Путина. — URL: <https://er.ru/news/71489/> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

5. Предвыборная программа К. А. Собчак. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

6. Предвыборная программа М. А. Сурайкина. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-maksima-surajkina> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

7. Предвыборная программа Б. Ю. Титова. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-borisa-titova> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

8. Предвыборная программа Г. А. Явлинского. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-grigorija-javlinskogo> (дата обращения: 01.06.2020). — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

9. Большая советская энциклопедия / под ред. С. И. Вавилова, Б. А. Введенского. — URL: <https://bse.slovaronline.com/36961-ROSSIYA> (дата обращения: 10.07.2020). — Текст : электронный.

10. Гаврилова, М. В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть» «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политекс. — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 98—108.

11. Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI в.): дис. ... д-ра филол. наук / Карамова А. А. — Уфа, 2013.

12. Карамова, А. А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета В. Н. Татищева. — 2016. — Т. 1. — № 3. — С. 84—90.

13. Карамова, А. А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11 (160). — С. 124—129.

14. Карамова, А. А. Идеология и политический дискурс / А. А. Карамова, Т. Д. Карамов. — Текст : непосредственный // Благополучие человека в многообразии научных подходов. — Западный, 2018. — С. 32—56.

15. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 406 с. — Текст : непосредственный.

16. Кононова, И. В. Структура лингвокультурного концепта / И. В. Кононова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2014. — № 5 (24). — С. 32—42.

17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва, 2003. — 944 с. — Текст : непосредственный.

18. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2001. — 191 с. — Текст : непосредственный.

19. Серова, И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности / И. Г. Серова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 1 (010). — С. 15—22.

20. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / М. Фасмер. — Москва, 1987. — 832 с. — Текст : непосредственный.

21. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.

22. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. — 440 с. — Текст : непосредственный.

23. Юздова, Л. П. Концепты российского политического дискурса (на примере анализа текстов Г. А. Зюганова) / Л. П. Юздова. — Текст : непосредственный // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2017. — С. 501—509.

A. A. Karamova

Birsk Branch of Bashkir State University, Birsk, Russia

ORCID ID: —

E-mail: Kar_AA@mail.ru.

Representation of the Concept «Russia» in Political Discourse (On the Material of 2018 Presidential Election Programs)

ABSTRACT. *The article studies the means of representation of the concept “Russia” in the texts of political discourse. The aim of the article is to systematize and describe these verbal means. The article employs the method of conceptual analysis that involves complex consideration of the concept name — the lexeme “Russia”. The paper analyzes its etymological, historical, semantical, contextual, grammatical, paradigmatical and derivational aspects. The research material includes texts of the 2018 presidential election programs in which the real nature and the specificity of political discourse are revealed to their best. The etymology of the word “Russia” testifies to the stability of its use since the 18th century despite the changing official names of the country. The study of the lexical and grammatical semantics of the word and the contexts of its use shows that top priority in politics is given to Russia: Russia is the center of all political events and actions, the main place of politics, the object of policy, and the number one in political actions (assuming different metaphorical roles). The paradigmatic relations of the lexeme “Russia” demonstrate its pragmatic potential aimed at emotional and hidden psychological impact on the addressee. The derivational relations display the active use of the word “Russia” in speech, acknowledging the key nature of the concept. The analysis conducted by the author allows her: 1) to determine the place of the concept among other concepts; 2) to determine the structure of the concept (the core, the near and the far periphery) correlating with the structure of the lexical and semantic field of its representatives. In this regard, the following conclusions have been made. The concept “Russia”, being a key national concept, takes the main place in the system of concepts of the Russian political discourse. The concept “Russia” is represented in linguistic consciousness by a diversity of conceptual features and is, to a large extent, complicated by the pragmatic constituent of its representatives (their emotional impact and suggestive potential). The results of the study can be used in compiling dictionaries of concepts, in practical analysis and structuring of other concepts and means of their representation, and in working out classifications of concepts.*

KEYWORDS: *political discourse; political concepts; means of representation; concept structure; presidential elections; Russian presidents; election campaign; election program; political rhetoric; political texts; political speeches.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Karamova Aygul' Ayratovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Philology, Birsk Branch of Bashkir State University, Birsk, Russia.*

FOR CITATION: *Karamova, A. A. Representation of the Concept «Russia» in Political Discourse (On the Material of 2018 Presidential Election Programs) / A. A. Karamova // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 32-39. — DOI000000000000.*

MATERIALS

1. The Election Program of S. N. Baburin. [Predvybornaya programma S. N. Baburina]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-sergeja-baburina> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
2. The Election Program of P. N. Grudinin. [Predvybornaya programma P. N. Grudinina]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-pavla-grudinina> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
3. V. V. Zhirinovskiy's Election Program. [Predvybornaya programma V. V. Zhirinovskogo]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-vladimira-zhirinovskogo> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
4. V. V. Putin's Election Program. [Predvybornaya programma V. V. Putina]. — URL: <https://er.ru/news/71489/> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
5. K. A. Sobchak's election program. [Predvybornaya programma K. A. Sobchak]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
6. The Election Program of M. A. Suraykin. [Predvybornaya programma M. A. Suraykina]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-maksima-surajkina> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
7. The Election Program of B. Yu. Titov. [Predvybornaya programma B. Yu. Titova]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-borisa-titova> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
8. The Election Program of G. A. Yavlinsky. [Predvybornaya programma G. A. Yavlinskogo]. — URL: <https://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-grigorija-javlinskogo> (date of access: 01.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

REFERENCES

9. Great Soviet Encyclopedia / ed. S. I. Vavilov, B. A. Vvedenskiy. [Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya / pod red. S. I. Vavilova, B. A. Vvedenskogo]. — URL: <https://bse.slovaronline.com/36961-ROSSIYA> (date of access: 10.07.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
10. Gavrilova, M. V. Key Concepts of the Russian Political Discourse “People”, “Power” “Russia” in the Inaugural Speeches of Russian Presidents / M. V. Gavrilova. — Text : unmediated // Politex. — 2006. — Vol. 2. — No. 1. — P. 98—108. [Klyuchevye kontsepty russkogo politicheskogo diskursa «narod», «vlast'» «Rossiya» v inaugurationsnykh vystupleniyakh rossiyskikh prezidentov / M. V. Gavrilova. — Tekst : neposredstvennyy // Politex. — 2006. — T. 2. — № 1. — S. 98—108]. — (In Rus.)
11. Karamova, A. A. Modern Political Discourse (late XX — early XXI century) : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. sciences / Karamova A. A. — Ufa, 2013. [Sovremennyy politicheskij diskurs (konets KhKh — nachalo KhKhI v.) : dis. ... d-ra filol. nauk / Karamova A. A. — Ufa, 2013]. — (In Rus.)
12. Karamova, A. A. Manipulative Potential of Grammatical Means in Modern Political Discourse / A. A. Karamova. — Text : unmediated // Bulletin of the Volga University V. N. Tatishchev. — 2016. — T. 1. — No. 3. — P. 84—90. [Manipulyativnyy potentsial grammaticheskikh sredstv v sovremennom politicheskom diskurse / A. A. Karamova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Volzhskogo universiteta V. N. Tatishcheva. — 2016. — T. 1. — № 3. — S. 84—90]. — (In Rus.)
13. Karamova, A. A. Metaphor as a Way of Structuring the Language Picture of the Political World / A. A. Karamova. — Text : unmediated // Bulletin of the Orenburg State University. — 2013. — No. 11 (160). — P. 124—129. [Metafora kak sposob strukturirovaniya yazykovoy kartiny politicheskogo mira /

A. A. Karamova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 11 (160). — S. 124—129]. — (In Rus.)

14. Karamova, A. A. Ideology and Political Discourse / A. A. Karamova, T. D. Karamov. — Text : unmediated // Human Well-being in a Variety of Scientific Approaches. — Zapadnyj, 2018. — P. 32—56. [Ideologiya i politicheskij diskurs / A. A. Karamova, T. D. Karamov. — Tekst : neposredstvennyy // Blagopoluchie cheloveka v mnogoobrazii nauchnykh podkhodov. — Zapadnyj, 2018. — S. 32—56]. — (In Rus.)

15. Karasik, V. I. Language Keys / V. I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2009. — 406 p. — Text : unmediated. [Yazykovye klyuchi / V. I. Karasik. — Moskva : Gnozis, 2009. — 406 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kononova, I. V. The Structure of the Linguocultural Concept / I. V. Kononova. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State University. — 2014. — No. 5 (24). — P. 32—42. [Struktura lingvokul'turnogo kontsepta / I. V. Kononova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2014. — № 5 (24). — S. 32—42]. — (In Rus.)

17. Ozhegov, S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moscow, 2003. — 944 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moskva, 2003. — 944 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Popova, Z. D. Essays on Cognitive Linguistics / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh, 2001. — 191 p. — Text : unmediated. [Ocherki po kognitivnoy lingvistike / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh, 2001. — 191 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Serova, I. G. Conceptual Analysis in Cultural Linguistics: Methods and Possibilities / I. G. Serova. — Text : unmediated //

Issues of Cognitive Linguistics. — 2007. — No. 1 (010). — P. 15—22. [Kontseptual'nyy analiz v lingvokul'turologii: metody i vozmozhnosti / I. G. Serova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2007. — № 1 (010). — S. 15—22]. — (In Rus.)

20. Fasmer, M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 volumes. Vol. 3. / M. Fasmer. — Moscow, 1987. — 832 p. — Text : unmediated. [Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. / M. Fasmer. — Moskva, 1987. — 832 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. Chudinov, A. P. Political Linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2007. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2007. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis ... Dr. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2000. — 440 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000. — 440 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Yuzdova, L. P. Concepts of Russian Political Discourse (on the example of the analysis of texts by G. A. Zyuganov) / L. P. Yuzdova. — Text : unmediated // Image of Russia in the Information War of the late XX — early XXI centuries. Trends in the renewal of political discourse : materials of International scientific conf. / ed. S. G. Shulezhkova. — 2017. — P. 501—509. [Kontsepty rossiyskogo politicheskogo diskursa (na primere analiza tekstov G. A. Zyuganova) / L. P. Yuzdova. — Tekst : neposredstvennyy // Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy vojny kontsa XX — nachala XXI v. Tendentsii obnovleniya politicheskogo diskursa : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. S. G. Shulezhkovoy. — 2017. — S. 501—509]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI

ГСНТИ 16.21.21

Код ВАК 10.02.19

Е. В. Бастун

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

ORCID ID: —

Т. А. Островская

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

ORCID ID: —

E-mail: elena-bastun@mail.ru; ostrovska.t@mail.ru.

Конверсационный анализ как метод анализа дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается современный подход к анализу политического дискурса — метод конверсационного анализа. Данный метод представляет собой структурно-семиотическое исследование текста. Его особенностью является то, что дискурс изучается не в изоляции, а с учетом контекста, который придает ему некоторую форму. Организованность беседы определяется правилами развертывания разговора, а каждый говорящий вносит свой вклад в речевое взаимодействие. Данное исследование основано на материале фрагмента интервью Б. Джонсона с редактором отдела политики ВВС. Целью исследования является выявление и описание особенностей вербальных и невербальных средств коммуникации политических деятелей. Речевое взаимодействие в интервью начинается с инициативной реплики Лоры Кунсберг, которой она обозначает свое коммуникативное намерение. Борис Джонсон отвечает так называемой реактивной репликой. Определение очереди происходит несколькими способами: следующий участник общения, которому дается слово, назначается посредством прямой номинации, обращения или же косвенного описания; посредством произнесения первой, инициативной части диалогического единства типа «вопрос — ответ» определяется следующий ход, но говорящий при этом не назначается; «нулевая» регуляция: сами участники общения должны решить, кто из них продолжит разговор и каким образом. Отмечается роль невербальных средств общения: чтобы добиться большего эффекта, коммуниканты дублируют вербальные и невербальные средства; происходит субституция, замена вербальных средств невербальными: вместо ответа «Да» или «Нет» премьер-министр утвердительно и отрицательно качает головой. Метод конверсационного анализа помогает не только интерпретировать содержание текста, но и выявить его скрытые смыслы, кроме того, позволяет моделировать механизмы коммуникации, анализировать структуру разговора и выявлять языковые способы организации взаимодействия участников дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический контент; политический дискурс; политические деятели; политическая коммуникация; речевое воздействие; конверсационный анализ; языковая личность; лингвоперсонология; политическая риторика; интервью; речевая деятельность; речевые жанры; политические речи; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бастун Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Кубанский государственный технологический университет; 350000, Россия, Краснодар, ул. Московская, 2; e-mail: elena-bastun@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Островская Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет; 385000, Россия, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Первомайская, 208; e-mail: ostrovska.t@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бастун, Е. В. Конверсационный анализ как метод анализа дискурса / Е. В. Бастун, Т. А. Островская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 40-46. — DOI.

Исследование политического дискурса находится в фокусе внимания отечественной и зарубежной лингвистики. Активное изучение политической коммуникации привело к появлению различных подходов и методов анализа дискурса. Е. И. Шейгал рассматривает два основных подхода: дескриптивный и критический. Дескриптивный, или риторический подход связан с анализом публичных выступлений (классическая риторика). В современной лингвистике в рамках дескриптивного подхода рассматривается поведение политиков, выбор языковых средств,

риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых ими в целях убеждения. Критический анализ направлен на изучение социального неравенства, которое выражено в дискурсе [Шейгал 2005: 17].

Т. А. ван Дейк выделяет ряд аналитических методов, которые включают текстовые, прагматические, этнометодологические и когнитивные подходы к анализу политического дискурса. В данной работе нами представлены результаты конверсационного анализа, который был разработан на основе этнометодологической традиции (термин Г. Гарфин-

келя) в социологии и в дальнейшем стал успешно применяться в лингвистике.

Метод конверсационного анализа (КА) начал развиваться как независимое направление в лингвистике в 60—70-х гг. XX столетия, когда произошел отход от модели Н. Хомского «говорящий — слушатель» и возрос интерес к исследованию речевых действий, что было мотивировано развитием прагматики, дискурс-анализа и теории речевых актов. Обширные исследования в этой области были проведены Х. Саксом, Э. А. Щегловым и Г. Джефферсоном и изложены в работе «Простейшая систематика организации очередности в разговоре» [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974: 696—673]. Авторы работы считаются основоположниками конверсационного анализа, который направлен на анализ текста естественных ситуаций, а также описание и экспликацию тех процедур, которые обычно участники разговора используют в целях достижения коммуникативного понимания. Цель анализа — выявить механизмы воспроизводства своего поведения и понимания поведения других. Исследователи анализируют поведение коммуникантов, затем формулируют единицы анализа и правила. Особый интерес для конверсационного анализа представляют механизмы социального взаимодействия.

Объектом исследования является организация смены реплик — центральный компонент системы взаимодействия. Система состоит из двух компонентов: компонент конструкции реплики и компонент расположения реплики, а также правила и комбинирование. Реплика — это понятие, которое используется для обозначения высказывания с того момента, когда говорящий начинает высказывание, и до того момента, когда в интеракцию вступает следующий говорящий [Водак 2017: 158—159].

Помимо термина «реплика», или «репликовый шаг», необходимо выделить следующие единицы анализа: речевое воздействие, речевой ход, простые и сложные обмены, трансакция, фаза, эпизод, целое коммуникативное событие. Основной интерес для КА представляет смена говорящего, так как это является наиболее эффективным средством организации разговора. Его центральным компонентом является организация смены реплик или порядок очередности высказываний. Согласно основному принципу Х. Сакса, «разговор целиком и полностью упорядочен». А это значит, что любой возникающий разговор каким-то образом организован и подчиняется определенному порядку, что позволяет сохранять понимание между коммуникантами.

Порядок назначения очередности в разговоре подчиняется следующим правилам:

1) следующий черед назначается текущим говорящим, выбирающим следующего говорящего;

2) следующий черед назначается посредством самовыбора.

«Смена говорящих реализуется не всегда и везде, а только в определенных местах». Такие места получили название «точки возможного завершения» или «релевантные места перехода» [Сакс 2015]. Это означает, что две реплики взаимно связаны между собой. Так, вопрос предполагает ответ, просьба — обещание, а приветствие — ответное приветствие. Такая структура носит название «предпочтительная деятельность». В случае если за вопросом следует вопрос, то такая структура называется «непредпочтительная» [Водак 2017: 161]. Производство звуков при его определенном понимании (фонология, интонация и т. д.) тоже играет очень важную роль в организации очередности, так как зависимость между репликами может быть создана не только синтаксически, но и интонационно.

Смена участников разговора в анализе представляет больший интерес, нежели произносимые слова.

На еще более высоком уровне, чем организация смены говорящего, находится принцип организации последовательности.

Таким образом, в конверсационном анализе подвергаются анализу те тексты, которые продуцируются несколькими людьми (больше чем один человек), а «фокус внимания в разговоре смещается с содержания говорения... на работу говорения, которая должна делаться объяснимой здесь и теперь самими участниками разговора» [Сакс 2015].

Материалом исследования служат естественные разговоры. Сначала разговор должен быть записан, а затем данные готовят к анализу с помощью транскрипции, которая не просто передает его содержание, а «представляет» его. Природа транскрипции субъективна, а это означает, что исследователь может привносить свое понимание разговора, видеть и слышать разные нюансы взаимодействия. Поэтому можно считать, что транскрипция является вторичным, хотя и необходимым источником данных, в то время как записи разговора первичны. Записи разговора используются вместе с транскрипцией и могут обновляться в результате повторного прослушивания.

В качестве примера нами был выбран фрагмент интервью (4,42 мин.) Бориса Джонсона с редактором отдела политики

ВВС Лорой Кунсберг, видеозапись которого была опубликована на канале «YouTube» 25 июня 2019 г. Встреча состоялась накануне выступления Б. Джонсона в должность главы правительства после сокрушительной победы на выборах лидера консерваторов.

Обозначения в транскрипте: L — Laura Kuenssberg; B — Boris Johnson.

1. L: Boris Johnson what would you do on day one in number 10= to make sure we leave the EU at Halloween

2. B: I would make sure that we have a ↑plan (throws his hands in the air), that will convince our European friends and partners that we are absolutely serious about coming out and the ↵key, things that you've got to do are to take the bits of the current withdrawal agreement which is dead take the bits that are serviceable and get them done (holding hands aside) The important thing is that there should be an agreement that the solution of the — border questions the Irish border the Northern Irish border questions all those issues need to be ↑tackled on the other side (waving his hands in a circle) of October the 31st during what's called the ↵ implementation period

[[

3. (B: repeats and)

4. L: The implementation period as it stands is

[[

5. B: = And

[[

6. L: = It's a part of the

7. B: , Of course

8. L: = you said that you wouldn't sign up to with the agreement and it's ↑dead

[[

9. B: that's right

10. L: = those two things both can't both be true

11. B: = no because you're going to need some kind of agreement and that's certainly what I'm — aiming for in order as you rightly say Лораквивает to get — an implementation period (nods) and I think (points his finger at himself) actually that there are politics has changed so much since March the 29th I think on↑ both sides of the channel there's a really different ↵ understanding of what is needed >

12. L: time and again whether it is Jean-Claude Juncker president Macro any EU leader they have been crystal clear there is — no ↑kind of deal without the backstop

Boris Johnson nods

[[

13. B No

14. L: = , and insurance policy for Northern Ireland so what evidence do you have you can get around that

15. B = nobody wants — a hard border (waves his palm)- in Northern Ireland — and indeed

↑nobody believes that it will be necessary (waves his palm)>

[[

16. L: if you want to be Prime Minister you have to tell people how

17. B. there are... there are

[[

18. L: Yeah

19. B: = , there are abundant abundant technical fixes (extends and waves his hand) that can be — introduced to make sure that you don't have to have checks (подтверждает рукой) at the border right Laura there's no single magic bullet waves his palm but what there is — is a ↑wealth of experience a ↑wealth of solutions and what's changed ↑now is that there's a real positive energy about getting it done↓

20. L: if you cannot get the agreement that sounds like you crossing your fingers you are clear we would leave you would take us out at Halloween without a deal

21. (B. nods)

22. B. I think

23. L: , an absolute guarantee

[[

24. B: you have to be -

25. B: = you have to be (nods) of course I my — pledge is to come out of the ↓EU at , Halloween err on the 31st of October you've got to understand or listening to what I just said that is not where — I — want us — to end up↓ it is not where I ↓believe — for a moment we will ↓end up but in order to get the result that we want the common sense thing to do is to ↑prepare (throws his hands up as if he says «it's obvious») for a WTO exit >

26. L: , would you really be willing as Prime Minister to face the consequences of no deal which could mean ↑crippling tariffs on some businesses it could mean↑huge uncertainty over what an RF happens at the Northern Irish border it could mean huge uncertainty , for people's livelihoods and people's real lives now in the real

Boris Johnson nods

[[

27. B: in the real

28. L: = in the world as Prime Minister I know you just how bad it would be but are you willing to face the consequences of what a No Deal ↑might mean for the people of this country↓

29. B: , In the real world the UK government is never going to impose checks Oh a hard border of any kind in Northern Ireland that's just number one. , Number two in the real world the UK government is not going to want (slightly shakes his head)

[[

30. L: And it's not just up to the UK

31. B: = to impose tariffs on goods coming in — it's not just stuff the whole time

32. L: it's not just up to the UK

33. B: = of course ,(open hands gesture) that's right Lauren it's not just up to us it's up to the other side as well (gives a wave of the hand) [Race to become UK PM... www].

Речевое взаимодействие в интервью начинается с инициативной реплики Лоры Кунсберг, которой она обозначает свое коммуникативное намерение. Борис Джонсон отвечает так называемой реактивной репликой. Таким образом, собеседники начинают речевое взаимодействие, соблюдая определенную очередность. «Очередность является базовой формой организации разговора — „базовой“ в том смысле, что она инвариантна по отношению к участникам, поэтому, какие бы вариации разговора ни осуществлялись его участниками, она приспосабливается к ним без изменения системы, но в то же время может испытывать избирательное и локальное влияние социальных аспектов контекста» [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974].

Назначение черед происходит несколькими способами:

1) следующий участник общения, которому дается слово, назначается посредством прямой номинации, обращения или же косвенного описания, при этом обычно от нового говорящего ожидается вполне определенный ход;

2) посредством произнесения первой, инициативной части диалогического единства типа «вопрос — ответ» определяется следующий ход, но говорящий при этом не назначается;

3) при «нулевой» регуляции сами участники общения должны решить, кто из них продолжит разговор и каким образом. При этом если из присутствующих никто не захотел взять слово, то говорящий может продолжить речь до следующей «точки перехода» [Макаров 2003: 190—191].

Другими словами, текущий говорящий может назначить следующий черед и следующего говорящего или следующий черед определяется посредством самовыбора.

В интервью первой порядок черед назначает Лора Кунсберг, задав вопрос Борису Джонсону. В такой форме выбор говорящего происходит в строках (1-2), (10-11), (12-13), (14-15), (28-29). В строках (11), (15) и (25) Б. Джонсон делает небольшую паузу, тем самым передавая очередь интервьюеру.

Конструкции типа «вопрос — ответ» или «обращение — ответ» являются не только способом назначения черед, но и типичными формами организации очередности. Та-

ким образом построено общение в выбранном нами фрагменте.

Назначение черед посредством самовыбора характерно для обоих участников беседы, но в большей степени для Л. Кунсберг. В строках (4), (12), (16), (32) она сама назначает свой черед, быстро переходя к следующим вопросам.

Беседа отличается систематическим возникновением наложений. Мена коммуникативных ролей с перебиванием наглядно видна в строках (6), (9), (15), (21), (26), (27), (30), (31). В некоторых случаях «нарушения» последовательности разговора происходили тогда, когда Б. Джонсон долго отвечал на вопрос (27) или когда Л. Кунсберг хочет перевести беседу в несколько другое русло (31). Однако в подавляющем большинстве реплик прерывание обеспечивало ранний старт, который участники осуществляли путем самовыбора (15, 21). Такого рода наложения в беседе могут говорить о некоторой конкуренции за следующий черед, вследствие чего каждый из участников диалога старается как можно раньше осуществить переход от одной коммуникативной роли к другой.

Следует отметить, что данная беседа не отличается «гладкой» меной ролей. «Нарушения» последовательности достаточно часты и связаны с желанием обоих собеседников удержать лидерские позиции в разговоре.

В целом беседа проходит спокойно, повышение тона и изменение скорости высказывания происходят тогда, когда собеседники акцентируют внимание на тех вещах, которые они считают наиболее значимыми. Так происходит, например, в строках (2), (11), (15), (26). Помимо паралингвистических средств, собеседники активно используют невербальные знаки. Б. Джонсон активно жестикулирует руками и кивает головой (19, 21) в подтверждение своих слов. Подобным образом акцентирование происходит в строках (2), (12), (25). Использование иллюстративных жестов (движение кистью руки, словно говорящий отбивает ритм) позволяет усилить высказывание, придает ему особый ритм, дает возможность жестами привлечь дополнительное внимание к важным компонентам высказывания.

Для того чтобы добиться большего эффекта, коммуниканты дублируют вербальные и невербальные средства. В чередях (11, 12) невербальные средства повторяют вербальные. В первом случае Б. Джонсон подкрепляет свою фразу «as you rightly say Lora» кивком головы, выражая свое согласие, а во втором примере указывает рукой на себя, когда произносит «I think». Однако в некоторых предложениях взаимодействие

вербальных и невербальных средств характеризуется контрадикцией, т. е. они друг другу противоречат: (29) Джонсон говорит о том, что не собирается вводить проверки или жесткие границы в Северной Ирландии (*UK government is never going to impose checks Oh a hard border of any kind in Northern Ireland*), но при этом отрицательно качает головой. В строках (21) и (26) произошла субституция, замена вербальных средств невербальными: вместо ответа «Да» или «Нет» премьер утвердительно кивает и отрицательно качает головой.

В результате анализа были выявлены языковые способы организации взаимодействия участников дискурса. Речь участников разговора организована и подчиняется определенному порядку. Очередность, как и назначение череда, организуется в форме «вопрос — ответ» или «обращение — ответ». Такая форма интеракции позволяет утверждать, что между коммуникантами установлено взаимопонимание и им нет необходимости подтверждать понимание действий друг друга. Кроме того, очередность дает право каждому участнику высказаться и передать слово другому. Порядок очередности и получение права говорить являются своеобразной борьбой за доминирующую позицию. В нашем примере мы видим, что диалог не отличается гладкой меной коммуникативных ролей. Систематически возникают наложения и происходит назначение череда путем самовыбора: Л. Кунсберг первая задает вопрос, время от времени сама назначает свой черед, конкурируя с Б. Джонсоном. Он, в свою очередь, отстаивает свою позицию. В процессе интервью премьер-министр ведет себя открыто и уверенно: он твердо заявляет о своем намерении провести Брекзит и о том, что собирается сделать это в ближайшее время. Слова Б. Джонсона подтверждают его жесты. Он утвердительно кивает головой, использует жесты-иллюстраторы (взмах кистью — вместо логического ударения), указательные жесты (когда говорит о странах ЕС). Невербальные средства сопровождают его речь и эксплицируют интенции. Б. Джонсон верит в необходимость выхода Британии из ЕС, считает такой шаг правильным. Он готов бороться и отстаивать свой план. Он уверенно ведет диалог и так же уверенно смотрит в будущее.

В заключение необходимо отметить, что конверсационный анализ является эффективным способом анализа дискурса, так как помогает не только интерпретировать содержание текста, но и выявить его скрытые

смыслы. Кроме того, метод конверсационного анализа позволяет моделировать механизмы коммуникации, анализировать структуру разговора и выявлять языковые способы организации взаимодействия участников дискурса. Применение метода способствует получению значимых практических и теоретических результатов в исследовании политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Е. А. Диалог аргументативного типа: когнитивные аспекты; структура, семантика, прагматика (на материале русских и английских текстов интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беляева Е. А. — Тюмень, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.
2. Дмитриев, И. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры / И. Дмитриев. — URL: <https://psyfactor.org/lib/k-a.htm>. — Текст : электронный.
3. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград : Перемена, 1997. — 139 с. — Текст : непосредственный.
4. Исупова, О. Т. Конверсационный анализ : представление метода / О. Т. Исупова. — Текст : непосредственный // Социология : 4М. — 2002. — № 15. — С. 33—52.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — Текст : непосредственный.
6. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Вып. 17 : Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. — С. 22—129.
7. Руженцева, Н. Б. Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 26—34.
8. Сакс, Х. Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Х. Сакс, Э. А. Шеглофф, Г. Джефферсон; пер. с англ. А. М. Корбут. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14. — № 1. — С. 142—202.
9. Чашина, А. М. Анализ дискурса политического интервью: стратегия самопрезентации / А. М. Чашина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2015. — Вып. 19 (730). — С. 273—281.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : 10.02.01; 10.02.19 : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 440 с. — Текст : непосредственный.
11. Levinson, S. C. Pragmatics / S. C. Levinson. — London : Oxford University Press, 1983. — 138 p. — Text : unmediated.
12. Chilton, P. Analyzing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. — London : Routledge, 2004. — 241 p. — Text : unmediated.
13. Dijk, T. A. van. What is political discourse analysis? / T. A. van Dijk. — Text : electronic // Political Linguistics / ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. — Amsterdam, 1998. — P. 34—35. — URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/bjl.11.03dij>.
14. Sacks, H. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation / H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson. — Text : electronic // Language. — 1974. — Vol. 50. — № 4. — P. 696—735. — URL: https://www.researchgate.net/publication/283618186_A_Simplest_Systematics_for_the_Organization_of_Turn-Taking_for_Conversation.
15. Race to become UK PM: Boris Johnson exclusive interview // BBC News. — URL: <http://youtu.be/a1Kxhhmq8U>. — Video : electronic.

E. V. Bastun

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

ORCID ID: —

T. A. Ostrovskaya

Adyge State University, Maykop, Russia

ORCID ID: —

E-mail: elena-bastun@mail.ru; ostrovskaya.t@mail.ru.

Conversation Analysis as a Discourse Analysis Method

ABSTRACT. *The article deals with a modern approach to political discourse analysis – the method of conversation analysis. This method represents structural-semiotic investigation of the text. Its specificity consists in the fact that discourse is not studied in isolation but in unity with the context which shapes it in a certain way. The talk organization is determined by the rules of text unfolding, and each speaker makes their contribution to the verbal interaction. This study is based on the material of a fragment from B. Johnson’s interview with the editor of the BBC political division. The aim of the study is to identify and describe the specific features of verbal and non-verbal communication means used by politicians. The verbal interaction begins in the interview with the initial utterance of Laura Kuennsberg which indicates her communicative intention. Boris Johnson responds with a so-called response utterance. The order of speaking is indicated in different ways: the next participant of the communication is directly named, addressed, or described indirectly; the pronouncing of the initial stimulating part of the dialogic unity “question – answer” determines the next utterance but the speaker is not designated; the speakers themselves are to decide who and how continues the conversation. The article stresses the role of the non-verbal means of communication: in order to achieve maximum effect, the communicators combine verbal and non-verbal means; we come across substitution or replacement of the verbal means by the non-verbal ones: instead of saying “Yes” or “No”, the Prime Minister either nods or shakes his head. The method of conversation analysis does not only help interpret the content of the text, but also allows one to reveal its hidden meanings and, into the bargain, to model the mechanisms of communication, to analyze the structure of the talk, and to distinguish the linguistic means of organization of interaction between the discourse participants.*

KEYWORDS: *political content; political discourse; politicians; political communication; verbal impact; conversation analysis; linguistic personality; linguopersonology; political rhetoric; interview; speech; speech genres; political speeches; media linguistics; media discourse; media texts; mass media.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Bastun Elena Vasilievna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages No 2, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ostrovskaya Tat’yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Adyge State University, Maykop, Russia.*

FOR CITATION: *Bastun, E. V. Conversation Analysis as a Discourse Analysis Method / E. V. Bastun, T. A. Ostrovskaya // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 40-46. — DOI.*

REFERENCES

1. Belyaeva, E. A. Dialogue of the Argumentative Type: Cognitive Aspects; Structure, Semantics, Pragmatics (based on Russian and English interview texts) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Belyaeva E.A. — Tyumen, 2007. — 24 p. — Text : unmediated. [Dialog argumentativnogo tipa: kognitivnye aspekty; struktura, semantika, pragmatika (na materiale russkikh i angliyskikh tekstov interv'yu) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Belyaeva E. A. — Tyumen', 2007. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Dmitriev, I. Content Analysis: Essence, Tasks, Procedures / I. Dmitriev. [Kontent-analiz: sushchnost', zadachi, protsedury / I. Dmitriev]. — URL: <https://psyfactor.org/lib/k-a.htm>. — Text : electronic. — (In Rus.)
3. Vodak, R. Language. Discourse. Politics / R. Vodak. — Volgograd : Change, 1997. — 139 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Diskurs. Politika / R. Vodak. — Volgograd : Peremena, 1997. — 139 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Isupova, O. T. Conversion Analysis: Presentation of the Method / O. T. Yusupova. — Text : unmediated // Sociology: 4M. — 2002. — No. 15. — P. 33—52. [Konversatsionnyy analiz : predstavlenie metoda / O. T. Yusupova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologiya : 4M. — 2002. — № 15. — S. 33—52]. — (In Rus.)
5. Makarov, M. L. Foundations of the Theory of Discourse / M. L. Makarov. — Moscow : ITDGG “Gnosis”, 2003. — 280 p. — Text : unmediated. [Osnovy teorii diskursa / M. L. Makarov. — Moskva : ITDGG «Gnozis», 2003. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Austin, J. L. Word as Action / J. L. Austin. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow : Progress, 1986. — Issue 17 : Theory of speech acts / under general ed. of B. Yu. Gorodetsky. — P. 22—129. [Slovo kak deystvie / J. L. Ostin. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva : Progress, 1986. — Vyp. 17 : Teoriya rechevykh aktov / obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo. — S. 22—129]. — (In Rus.)
7. Ruzhentseva, N. B. Manipulative Component and Pre-knowledge in Political Interview: Questions and Commentaries of the Interviewer / N. B. Ruzhentseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No 1 (55). — P. 26—34. [Manipulyativnyy komponent i predposylochnoe znanie v politicheskom interv'yu: voprosy i kommentarii interv'yuera / N. B. Ruzhentseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 1 (55). — S. 26—34]. — (In Rus.)
8. Sachs, H. The Simplest Systematics of the Organization of Turn-taking in Conversation / H. Sachs, E. A. Schegloff, G. Jefferson ; transl. from English by A. M. Korbut. — Text : unmediated // Sociological Review. — 2015. — Vol. 14. — No. 1. — P. 142—202. [Prosteyschaya sistematika organizatsii ocherednosti v razgovore / Kh. Saks, E. A. Shchegloff, G. Dzhefferson ; per. s angl. A. M. Korbut. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologicheskoe obozrenie. — 2015. — T. 14. — № 1. — S. 142—202]. — (In Rus.)
9. Chashchina, A. M. Analysis of the Discourse of Political Interviews: Strategy of Self-presentation / A. M. Chashchina. — Text : unmediated // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Ser.: Humanities. — 2015. — Issue 19 (730). — P. 273—281. [Analiz diskursa politicheskogo interv'yu: strategiya samoprezentatsii / A. M. Chashchina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo

universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. — 2015. — Vyp. 19 (730). — S. 273—281]. — (In Rus.)

10. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse: 10.02.01; 02/10/19 : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. sciences / Sheygal E.I. — Volgograd, 2000. — 440 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa : 10.02.01; 10.02.19 : dis. ... d-ra filol. nauk / Sheygal E. I. — Volgograd, 2000. — 440 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Levinson, S. C. Pragmatics / S. C. Levinson. — London : Oxford University Press, 1983. — 138 p. — Text : unmediated.

12. Chilton, P. Analyzing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. — London : Routledge, 2004. — 241 p. — Text : unmediated.

13. Dijk, T. A. van. What is political discourse analysis? /

T. A. van Dijk. — Text : electronic // Political Linguistics / ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. — Amsterdam, 1998. — P. 34—35. — URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/bjl.11.03dij>.

14. Sacks, H. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation / H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson. — Text : electronic // Language. — 1974. — Vol. 50. — № 4. — P. 696—735. — URL: https://www.researchgate.net/publication/283618186_A_Simplest_Systematics_for_the_Organization_of_Turn-Taking_for_Conversation.

15. Race to become UK PM: Boris Johnson exclusive interview // BBC News. — URL: <http://youtu.be/a1Kxhmq8U>. — Video : electronic.

В. И. Космодемьянская

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4292-1540

 E-mail: kosmoviktoria@gmail.com.

Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности

АННОТАЦИЯ. Политическая и экономическая ситуации современного мира определяют необходимость и актуальность исследования коммуникативного поведения участников речевого общения, особенно в сфере политического взаимодействия. Данная область представляет огромный интерес с точки зрения коммуникативных стратегий и тактик, которые используют политические деятели и которые оказывают прямое влияние на успешность/неуспешность политической коммуникации. Для достижения желаемого результата в процессе коммуникации коммуникант, руководствуясь определенной прагматической целью, выбирает установку на кооперативное сотрудничество и реализует ту или иную коммуникативную стратегию. В статье рассматривается кооперативное взаимодействие участников политических дебатов, которое характеризуется тем, что кандидаты придерживаются норм кооперативного поведения. Целью статьи является рассмотрение коммуникативных стратегий согласия и несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности, а также описание тактик выражения прямого кооперативного согласия и несогласия, используемых участниками политических дебатов для реализации той или иной стратегии и необходимых прагматических установок. Исходя из анализа англоязычных текстов политических дебатов, стратегия несогласия может быть использована коммуникантами наравне со стратегией согласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности. Стратегии согласия и несогласия являются преобладающими в политических дебатах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические дебаты; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; коммуникативное поведение; политическая риторика; политические речи; оперативная реактивная интенциональность; политические деятели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, ассистент (преподаватель) кафедры английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 14, к. 206.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности / В. И. Космодемьянская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 47-52. — DOI.

Политический дискурс представляет собой особый вид институционального общения и предоставляет широкий спектр возможностей для ведения разного рода политических дискуссий, включающих в себя политические споры, дебаты, столкновения мнений и др. В ходе таких политических дискуссий коммуникантам (оппонентам) приходится прибегать к разного рода речевым актам, а также использовать многообразные стратегии и тактики ведения диалога [Cowley 2011: 3—5; Иссерс 2008: 135—139]. Политические дебаты как особый вид политических дискуссий представляют собой структурированный и четко организованный обмен мыслями между двумя (или более) коммуникантами и могут осуществляться в рамках определенной речевой (коммуникативной) ситуации, регламентированной интенциональностью форм взаимообращенной речи по поводу обсуждаемого общественно-политического вопроса или актуального положения дел в политической среде. Данный институциональный регламент вынуждает партне-

ров по коммуникации взаимодействовать друг с другом определенным образом в рамках соответствующей речевой ситуации с целью успешной реализации своей интенции, несмотря на то, что их мнения и убеждения, стратегические или тактические цели могут противоречить друг другу или полностью расходиться [Кравченко 2011: 98—99; Седов 2004: 199—203].

Успешность политических дебатов зависит от поведения коммуникантов, а также стратегий, тактик и языковых средств, которые коммуниканты используют в своих ответных репликах с целью переконструировать коммуникативное пространство оппонента и наблюдателей (аудиторию) и добиться необходимого эффекта, тем самым убедив третью сторону в правомерности своих суждений и убеждений [Куприянова 2009: 7]. Одними из наиболее распространенных коммуникативных стратегий, используемых участниками коммуникации в рамках прямой ответной реплики, являются стратегии согласия/несогласия, которые и рас-

смаstrиваются в данной статье. Актуальность статьи состоит в том, что стратегия несогласия рассматривается в аспекте прямой кооперативной интенциональности наравне со стратегией согласия, поскольку, несмотря на заложенную в данном понятии сему отрицания, имеет положительную прагматическую интенцию.

Согласие представляет собой совпадение желаний и намерений, одобрение убеждений, совпадение мнений, принятие точки зрения собеседника [Маслова 207: 57]. Языковая личность, выражая согласие, демонстрирует свою толерантную установку и готовность к кооперативному сотрудничеству. Как «одна из важнейших форм диалогических отношений согласие очень богато разновидностями и оттенками» [Бахтин 1986: 304]. В политическом диалогическом дискурсе

выделяют два основных типа согласия и несогласия: констативно ориентированный и импозитивно ориентированный, которые, в свою очередь, определяются свойствами иницилирующей реплики.

Констативно ориентированное согласие является позитивной реакцией адресата на речевой стимул и представляет собой констативное высказывание, в то время как импозитивное согласие — ответная реакция на иницилирующую реплику импозитивной направленности. Каждый из типов согласия может быть также полным или частичным, неуверенным согласием, согласием-подтверждением и др.

Проиллюстрируем вышесказанное некоторыми примерами коммуникативной кооперативной стратегии согласия.

Таблица 1. Примеры стратегии согласия

Стратегия	Тактики / языковые средства
<p>1. Кооперативное прямое констативно ориентированное полное согласие</p> <p>ОБАМА: President Castro, you said in Panama that “we might disagree on something today on which we would agree tomorrow.” And that’s certainly been the case over the past 15 months and the days leading up to this visit. And today, I can report that we continue to move forward on many fronts when it comes to normalizing relations.</p> <p>PRESIDENT CASTRO: Of course, there can be and will be controversial issues. And we welcome that constructive dialogue as well — because we truly believe that when we share our deepest beliefs and ideas with an attitude of mutual respect, that we can both learn and make the lives of our people better [President Obama Visits Cuba 2016].</p>	<p>– кооперативная тактика поддержания тональности разговора и перефразирования своего высказывания (<i>Of course, there can be and will be controversial issues</i>)</p> <p>– тактика развернутого ответа, принцип позитивной вежливости (<i>And we welcome that constructive dialogue as well — because we truly believe that when we share our deepest beliefs and ideas with an attitude of mutual respect, that we can both learn and make the lives of our people better</i>)</p> <p>– тактика генерализации и сближения (<i>we truly believe... we share... we can both...</i>)</p> <p>– эмоционально окрашенные лексические единицы (<i>deepest beliefs, mutual respect</i>)</p>
<p>2. Кооперативное прямое полное согласие-поддержка</p> <p>WALLACE: And Senator Shelby, you got the final word on this.</p> <p>SHELBY: I will really support General Shinseki. He’s a great soldier. He’s a great leader!!</p> <p>WALLACE: And you think he’d be good in veterans’ affairs?!</p> <p>SHELBY: Absolutely superb [Transcript: Sens. Shelby, Levin on “FNS” 2008].</p>	<p>– тактика полного и категоричного одобрения (<i>I will really support...He’s a great soldier. He’s a great leader!!</i>)</p> <p>– позитивно окрашенный экспрессив (<i>Absolutely superb</i>)</p> <p>– аллокуторы-интенсификаторы: прилагательные <i>great, superb</i>, наречия <i>really, absolutely</i>.</p>
<p>3. Кооперативное прямое неуверенное согласие</p> <p>MCCAIN: You know, that’s a tough question and there’s a lot of qualified Americans. But I think the first criteria, would be to stabilize some of the difficulties in the markets and with companies and corporations, institutions today.</p> <p>ОБАМА: Sen. McCain is right that we’ve got to stabilize housing prices. But underlying that is loss of jobs and loss of income. That’s something that the next treasury secretary is going to have to work on [The Second McCain-Obama Presidential Debate 2008].</p>	<p>– аллокутивная тактика уточнения (<i>...But underlying that is loss of jobs and loss of income...</i>), помогающая сделать стратегию более гибкой и мягкой</p>

<p>4. Кооперативное прямое согласие-подтверждение BAIER: Governor Bush,...So taking care of veterans is obviously a huge issue in the country that has asked so many to serve and sacrifice so much. BUSH: Of course. And there's all sorts of ways that can be done at the state, local and federal level to...police these charity organizations that say they're helping vets [7th Republican debate transcript... 2016].</p>	<p>– тактика подтверждения и усиления согласия (<i>Of course. And there's all sorts of ways that can be done at the state...</i>) – наречие-интенсификатор <i>of course</i> для усиления безусловности согласия</p>
---	--

Несогласие, так же как и согласие, принадлежит к сфере реагирующей модальности. Однако, несмотря на то что в понятие несогласия заложена сема отрицания, т. е. коммуникант изначально имеет отрицательное (или негативное) отношение к каким-либо высказываниям, точке зрения, мнению или действиям партнера по коммуникации и не солидаризируется с ними, коммуникативная стратегия несогласия достаточно часто и широко используется в кооперативной сфере общения [Колокольцева 2001: 134]. Стремясь к урегулированию отношений, демонстрации уважительного отношения к оппоненту в процессе коммуникации, адресат в своей ответной реплике может прибегать к кооперативной стратегии прямого несогласия. Несогласие наравне с согласием может

быть как констативно ориентированным, при котором адресат не принимает точку зрения оппонента или оценивает его высказывание как необоснованное или ложное, так и импозитивно ориентированным, в рамках которого участник коммуникации выражает негативную реакцию на импозитивный речевой акт просьбы, приказа, совета, запрета, при этом объясняя причину своего несогласия, имея кооперативную установку на речевое общение. Каждый из типов несогласия может быть также полным или частичным, согласием-опровержением, вежливым несогласием, отвергающим несогласием и др.

Проиллюстрируем вышесказанное некоторыми примерами коммуникативной кооперативной стратегии несогласия.

Таблица 2. Примеры стратегии несогласия

Стратегия	Тактики / языковые средства
<p>1. Кооперативное прямое констативно ориентированное несогласие CLINTON: Donald ...has said repeatedly that he didn't care if other nations got nuclear weapons. Japan, South Korea, even Saudi Arabia. TRUMP: Wrong. That's lies. That line's getting a little bit old, I must say. Listen —I would like to— —So I just wanted —just to respond. I agree with her on one thing. The single greatest problem the world has is nuclear weapons [Presidential debate: Hillary Clinton and Donald Trump's first clash 2016].</p>	<p>– тактика объяснения причины несогласия (<i>That line's getting a little bit old, I must say</i>) – тактика частичного согласия с мнением оппонента (<i>I agree with her on one thing. The single greatest problem the world has is nuclear weapons</i>)</p>
<p>2. Кооперативное прямое импозитивно ориентированное несогласие COOPER: That first one goes to Secretary Clinton. CLINTON: No, go ahead, Donald. TRUMP: No, I'm a gentlemen, Hillary. Go ahead. (SMILING) [FACT CHECK: Clinton And Trump Debate For The 2nd Time 2016].</p>	<p>– тактика шутки и сближения с собеседником (<i>No, I'm a gentlemen, Hillary. Go ahead</i>) – отрицательная частица <i>no</i> – тактика доверия и концепт «джентльмен», в котором заложены положительные характеристики мужчины</p>
<p>3. Кооперативное прямое несогласие-опровержение ROOK: President Bush, gentlemen, I acknowledge that all of you have women and ethnic minorities working for you and working with you. But when we look at the circle of the key people closest to you, your inner circle of advisers, we see white men only. Why? And when will that change?</p>	<p>– тактика опровержения (<i>I don't agree... There are many</i>) – тактика аргументации, принципы кооперации Г. Грайса — максимы количества, качества и способа (<i>For most of my time as governor a woman was my chief of staff. An African American was my chief cabinet of-</i></p>

<p>CLINTON: Susan, I don't agree that there are no women and minorities in important positions in my campaign. There are many. But I think even more relevant is my record at home. For most of my time as governor a woman was my chief of staff. An African American was my chief cabinet officer. An African American was my chief economic development officer [The Third Clinton-Bush-Perot Presidential Debate 1992].</p>	<p><i>ficer. An African American was my chief economic development officer)</i></p>
<p>4. Кооперативное прямое вежливое несогласие</p> <p>PEROT: I grew up 5 blocks from Arkansas. Let's put it in perspective. It's a beautiful state. It's a fairly rural state. So I think probably we're making a mistake night — after night — after night to cast the nation's future on a unit that small. It's irrelevant!</p> <p>CLINTON: Mr. Perot, with all respect, I think it is highly relevant, and I think that ... the fact that I took a state that was one of the poorest states in the country and tried my best to modernize its economy...I think it's been pretty impressive [The Third Clinton-Bush-Perot Presidential Debate 1992].</p>	<p>– тактика проявления уважения к своему оппоненту (<i>Mr. Perot, with all respect, I think it is highly relevant</i>)</p> <p>– тактика объяснения (<i>I think that ... the fact that I took a state that was one of the poorest states in the country and tried my best to modernize its economy...I think it's been pretty impressive</i>)</p> <p>– маркер вежливости <i>with all respect</i> усилительного наречия <i>highly (highly relevant)</i></p>

Итак, участники политических дебатов, осуществляя совместную коммуникативную деятельность, как правило, стремятся к слаженному и гармоничному взаимодействию и стараются согласовывать и контролировать свое речевое поведение с целью сохранения более-менее кооперативного общения и поддержания своего позитивного/негативного социального лица и репутации. Несмотря на то, что в большинстве случаев политические дебаты представляют собой агрессивный и напряженный вид политических дискуссий, коммуниканты, имея расхождения в политических убеждениях или приходя к неизбежному столкновению мнений, стремятся как можно более толерантно и адекватно представить свое видение ситуации и рациональным образом обосновать свою точку зрения как наиболее верную и правильную. Используя свой аргументативный потенциал, соблюдая принцип вежливости П. Браун и С. Левинсона, а также максимы Г. Грайса, участники политических дебатов выбирают кооперативную установку общения и используют в своих прямых ответах репликах коммуникативные стратегии согласия/несогласия, реализуемые различными кооперативными тактиками, для того чтобы сохранить гармоничное взаимодействие и сгладить возможные «острые углы» в ходе политических дебатов, тем самым выставляя себя в наилучшем свете и демонстрируя качества толерантного и мобильного коммуниканта.

ИСТОЧНИКИ

1. 7th Republican debate transcript, annotated: Who said what and what it meant // The Washington Post : site. — 2016. —

29 Jan. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/01/28/7th-republican-debate-transcript-annotated-who-said-what-and-what-it-meant/> (date of access: 15.02.2017). — Text : electronic.

2. FACT CHECK: Clinton And Trump Debate For The 2nd Time // NPR : site. — 2016. — 9 Oct. — URL: <https://www.npr.org/2016/10/09/497056227/fact-check-clinton-and-trump-debate-for-the-second-time> (date of access: 26.12.2016).

3. President Obama Visits Cuba; President Obama and President Castro Begin Media Event / CNN. — 2016. — 21 March. — URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1603/21/cnr.05.html> (date of access: 25.11.2016). — Text : electronic.

4. Presidential debate: Hillary Clinton and Donald Trump's first clash - full transcript // Independent : site. — 2016. — 27 Sept. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/first-presidential-debate-full-transcript-read-hillary-clinton-donald-trump-a7332081.html>.

5. The Second McCain-Obama Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates : site. — 2008. — 7 Oct. — URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-7-2008-debate-transcript/> (date of access: 10.02.2016). — Text : electronic.

6. The Third Clinton-Bush-Perot Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates : site. — 1992. — 19 Oct. — URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-19-1992-debate-transcript/> (date of access: 13.11.2015).

7. Transcript: Sens. Shelby, Levin on "FNS" / Fox News Channel : site. — 2008. — 7 Dec. — URL: <https://www.foxnews.com/story/transcript-sens-shelby-levin-on-fns> (date of access: 22.11.2015). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с. — Текст : непосредственный.

9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : УРСС : ЛКИ, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.

10. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. — 260 с. — Текст : непосредственный.

11. Кравченко, А. В. Значение и коммуникация как лингвистическая проблема и корни ее непонимания / А. В. Кравченко. — Текст : непосредственный // Acta Neophilologica 13. — Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2011. — С. 91—104.

12. Куприянова, В. И. «Дебаты»: от теории к практике : руководство / В. И. Куприянова, А. И. Назаров. — Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2009. — 103 с. — Текст : непосредственный.

13. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект : 10.02.19 : дис. ... канд. филол. наук / Маслова Любовь Николаевна. — Москва, 2007. — 192 с. — Текст : непосредственный.

14. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — Текст : непосредственный.

15. Cowley, S. J. Distributed Language / S. J. Cowley. — Text : unmediated // Distributed Language / ed. by S. J. Cowley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. — P. 1—14.

V. I. Kosmodem'yanskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4292-1540

 E-mail: kosmoviktoria@gmail.com.

Communicative Strategies of Agreement and Disagreement in Direct Cooperative Response Intentionality

ABSTRACT. *The political and the economic situations of the modern world determine the urgency of the study of communicative behavior of communicators, especially in the sphere of political interaction. This area presents special interest from the point of view communicative strategies and tactics which are used by politicians and which directly influence success/failure of political communication. To achieve the desired effect in the process of communication, the communicator, driven by a certain pragmatic purpose, chooses the aim to ensure cooperative interaction and realizes this or that communicative strategy. The article deals with the communicative interaction between the participants of political debates, which is characterized by the fact that the candidates keep to the norms of cooperative behavior. The aim of the article is to study the communicative strategies of agreement and disagreement in the framework of direct cooperative response intentionality and to describe the tactics of expression of direct cooperative agreement and disagreement used by the participants of political debates to realize a certain strategy and to achieve the necessary pragmatic aims. According to the analysis of the texts of English political debates, the strategy of disagreement can be used by communicators along with the strategy of agreement within the framework of direct cooperative response intentionality. The strategies of agreement and disagreement prevail in political debates.*

KEYWORDS: *political debates; communicative strategies; communicative tactics; communicative behavior; political rhetoric; political speeches; cooperative response intentionality; politicians.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Lecturer of Department of English and Linguoculturology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kosmodem'yanskaya, V. I. Communicative Strategies of Agreement and Disagreement in Direct Cooperative Response Intentionality / V. I. Kosmodem'yanskaya // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 47-52. — DOI.*

MATERIALS

1. 7th Republican debate transcript, annotated: Who said what and what it meant // The Washington Post : site. — 2016. — 29 Jan. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/01/28/7th-republican-debate-transcript-annotated-who-said-what-and-what-it-meant/> (date of access: 15.02.2017). — Text : electronic.

2. FACT CHECK: Clinton And Trump Debate For The 2nd Time // NPR : site. — 2016. — 9 Oct. — URL: <https://www.npr.org/2016/10/09/497056227/fact-check-clinton-and-trump-debate-for-the-second-time> (date of access: 26.12.2016).

3. President Obama Visits Cuba; President Obama and President Castro Begin Media Event // CNN. — 2016. — 21 March. — URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1603/21/cnr.05.html> (date of access: 25.11.2016). — Text : electronic.

4. Presidential debate: Hillary Clinton and Donald Trump's first clash - full transcript // Independent : site. — 2016. — 27 Sept. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/first-presidential-debate-full-transcript-read-hillary-clinton-donald-trump-a7332081.html>.

5. The Second McCain-Obama Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates : site. — 2008. — 7 Oct. — URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-7-2008-debate-transcrip/> (date of access: 10.02.2016). — Text : electronic.

6. The Third Clinton-Bush-Perot Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates : site. — 1992. — 19 Oct. — URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-19-1992-debate-transcript/> (date of access: 13.11.2015).

7. Transcript: Sens. Shelby, Levin on "FNS" / Fox News Channel : site. — 2008. — 7 Dec. — URL: <https://www.foxnews.com/story/transcript-sens-shelby-levin-on-fns> (date of access: 22.11.2015). — Text : electronic.

REFERENCES

8. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity / M. M. Bakhtin. — Moscow : Art, 1986. — 445 p. — Text : unmediated. [Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — Moskva : Iskusstvo, 1986. — 445 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers. — Moscow : URSS : LKI, 2008. — 288 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi / O. S. Issers. — Moskva : URSS : LKI, 2008. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Kolokol'tseva, T. N. Specific Communicative Units of Dialogic Speech / T. N. Kolokol'tseva. — Volgograd : VolGU Publishing House, 2001. — 260 p. — Text : unmediated. [Spetsificheskie kommunikativnye edinytsy dialogicheskoy rechi / T. N. Kolokol'tseva. — Volgograd : Izd-vo VolGU, 2001. — 260 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Kravchenko, A. V. Meaning and Communication as a Linguistic Problem and the Roots of its Misunderstanding / A. V. Kravchenko. — Text : unmediated // Acta Neophilologica 13. — Irkutsk : Baikal State University of Economics and Law, 2011. — P. 91—104. [Znachenie i kommunikatsiya kak lingvisticheskaya problema i korni ee neponimaniya / A. V. Kravchenko. — Tekst : neposredstvennyy // Acta Neophilologica 13. — Irkutsk : Baikal. gos. un-t ekonomiki i prava, 2011. — C. 91—104]. — (In Rus.)

12. Kupriyanova, V. I. "Debates": from Theory to Practice: Leadership / V. I. Kupriyanova, A. I. Nazarov. — Khabarovsk : Publishing House DVAGS, 2009. — 103 p. — Text : unmediated. [«Debaty»: ot teorii k praktike : rukovodstvo / V. I. Kupriyanova, A. I. Nazarov. — Khabarovsk : Izd-vo DVAGS, 2009. — 103 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Maslova, L. N. Expression of Agreement // Disagreement in Oral Scientific Communication: Gender Aspect : 02/10/19 : thesis

... of Cand. of Philol. Sciences / Maslova Lyubov Nikolaevna. — Moscow, 2007. — 192 p. — Text : unmediated. [Vyrazhenie soglasiya/nesoglasiya v ustnoy nauchnoy kommunikatsii: gendernyy aspekt : 10.02.19 : dis. ... kand. filol. nauk / Maslova Lyubov' Nikolaevna. — Moskva, 2007. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Sedov, K. F. Discourse and Personality: the Evolution of Communicative Competence / K. F. Sedov. — Moscow : Laby-

rinth, 2004. — 317 p. — Text : unmediated. [Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoĭ kompetentsii / K. F. Sedov. — Moskva : Labirint, 2004. — 317 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Cowley, S. J. Distributed Language / S. J. Cowley. — Text : unmediated // Distributed Language / ed. by S. J. Cowley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. — P. 1—14.

Л. В. Коцюбинская

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** l.kocubinskaya@lengu.ru.

Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой описание методологического алгоритма изучения текстов информационно-психологической войны. В российском информационном пространстве эти тексты номинируются информационными атаками. Разработанный подход включает в себя три составляющих: 1) определение мишени информационной атаки (с учетом заявлений официальных лиц, дающих соответствующую характеристику определенному пласту информации); 2) сбор данных, соотношенных с мишенью; 3) анализ содержания информационной атаки. Каждый из названных этапов предполагает использование определенного метода исследования, нацеленного на решение соответствующей задачи. Сбор сведений осуществляется посредством кейс-метода, в то время как содержание изучается с помощью контент-анализа (метод количественного анализа текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей). Хотя кейс-метод и контент-анализ рассматриваются в качестве основных методов исследования, представляется целесообразным использовать их в сочетании с другими методологическими подходами, что позволяет получить всестороннее представление об изучаемом явлении. Применение предложенного алгоритма демонстрируется на примере рассмотрения информационной атаки на российский спорт в зарубежных СМИ в 2014—2016 гг. Источниками по данному кейсу служат широкополосные британские и американские газеты («The Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times»), а также ряд документальных фильмов. При контент-анализе единицами выступают как ключевые слова (символы), так и тематические кластеры (применительно к атаке на спорт ключевым словом стало «cheat», а основными топосами — следующие: «Россия — это лгуномошенник»; «Россия — это средневековое феодальное государство»; «Президент России — единоличный правитель государства»; «Спорт — способ реализации амбиций главы государства»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическая война; информационные атаки; кейс-метод; контент-анализ; топосы; российский спорт; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; британские СМИ; американские СМИ; английский язык; языковые средства; лингвистические исследования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: l.kocubinskaya@lengu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коцюбинская, Л. В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования / Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 53-59. — DOI 00000000.

К числу дискуссионных тем современной политической лингвистики относится вопрос о методологических принципах изучения текстов информационной войны. Основной трудностью, по мнению А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной, является создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие [Сковородников 2016: 43]. Другая проблема, по замечанию А. П. Чудинова, касается валидности методов исследования, используемых в процессе изучения таких текстов [Чудинов 2016].

Цель настоящей работы — разработать методологический алгоритм квалифицирования текстов информационной войны и их дальнейшего изучения. Методология исследования основана на описательном методе, включающем такие методики, как наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация.

Материалом исследования послужили тексты англоязычных и русскоязычных СМИ.

Прежде чем обратиться непосредственно к описанию разработанного методологического подхода, важно определить ключевые понятия, используемые в рамках исследования. Неотъемлемой составляющей современного межгосударственного противостояния является информационная война, нацеленная на достижение подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки и использования информации [Бедрицкий 2008; Щекотихин, Королев, Королева 2011]. В лингвистическом преломлении информационная война трактуется как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, кол-

лектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Сковородников 2017: 13]. Объектом информационной войны выступает сознание, а мишенью — «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке» [Сковородников 2017: 23]. Элементом ведения информационной войны является информационная атака [см., например: Libicki 1995].

Информационная атака представляет собой «планируемое, целенаправленное, массированное информационное воздействие с целью внедрения и/или изменения определенных убеждений, взглядов, оценок и, в конечном итоге, поведения личности» [Коцюбинская 2018(а): 98]. Информационные атаки транслируются адресату посредством массмедиа.

Представляется, что методологический алгоритм исследования текстов информационной войны включает в себя следующие составляющие: 1) определение мишени информационной атаки; 2) сбор данных, соотношенных с этой мишенью; 3) анализ содержания информационной атаки. Остановимся на подробном описании каждого из названных этапов.

1. Основанием для выявления мишени информационной атаки служат заявления официальных лиц РФ, в которых определенный пласт информации, появившийся в зарубежных СМИ, номинируется российскими высокопоставленными лицами как информационная атака:

- **Официальный представитель Минобороны России генерал-майор Игорь Конашенков утверждает, что зарубежные государства готовят информационные атаки против командования Вооружённых сил России всех уровней** [<https://russian.rt.com>];

- **Владимир Путин называет информационными атаками сообщения западных СМИ об имеющих жертвах среди мирного населения Сирии от ударов российской авиации** [<http://putininfo.com>];

- **Песков: авторы информационных атак на Путина задумали кампанию с „прицелом“ на выборы** [<https://tass.ru/politika/3166182>];

- **„...Продолжается информационная атака на российский спорт. Это как эстафета, передается от одного зарубежного средства массовой информации другому...“ — сказал Мутко** [tass.ru].

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что в настоящее время мишенями информационных атак являются Пре-

зидент РФ, командование Вооруженных сил РФ, действия российских военных в Сирии, российский спорт.

2. Выявить пласт информации, соотношенной с определенной мишенью, позволяет кейс-метод, который служит основным инструментом данного исследовательского этапа. Обращение к кейс-методу, или методу анализа ситуаций, обусловлено тем, что он, по мнению отечественных и зарубежных авторов, является надежным и валидным инструментом получения данных, вследствие чего используется в различных предметных областях современной науки, включая лингвистические и коммуникативные исследования [см., напр.: Case-study — образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте 2013].

Кейс-метод включает в себя «детальное и интенсивное изучение целостных коммуникативных явлений в их естественном окружении» [Леонтович 2011: 42]. Речь здесь идет об описании целостной коммуникативной ситуации (кейса), которая имеет под собой реальную основу, ее участников, контекста (в широком и узком значении этого слова) [Там же]. Условиями, обеспечивающими достоверность кейса, являются, во-первых, установление хронологии развития событий, во-вторых, наличие в ситуации проблемы, требующей разрешения, и наконец, учет окружения, выступающего как контекст коммуникации [Леонтович 2011: 44].

Для иллюстрации сказанного обратимся к рассмотрению кейса, соотношенного с информационной атакой на российский спорт. Хронологически данный кейс обусловлен следующими событиями:

- 1) декабрь 2014 г. — на немецком телеканале ARD выходит документальный фильм о систематическом применении допинга российскими легкоатлетами из России: „*Geheimsache Doping — wie Russland seine Sieger macht*“ / „Секретное дело — допинг. Как в России делают победителей“;

- 2) ноябрь 2015 г. — комиссия Всемирного антидопингового агентства (WADA) публикует расследования деятельности Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА) и рекомендует Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) дисквалифицировать ВФЛА за систематические нарушения, связанные с применением допинга;

- 3) март 2016 г. — ARD показывает новый фильм „*Geheimsache Doping: Russlands Täuschungsmanöver*“ / „Секретное дело о допинге: российский отвлекающий маневр“;

- 4) июль 2016 г. — появляется первая часть доклада Р. Макларена, главы комиссии

WADA, о злоупотреблениях с допингом в российском олимпийском спорте;

5) декабрь 2016 г. — презентуется вторая часть доклада Р. Макларена.

Исходя из хронологии, источником кейса служат широкополосные британские и американские газеты («The Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times») за период с декабря 2014 по декабрь 2016 г., а также упомянутые выше документальные фильмы. Статьи отбирались методом выборки по их тематике. Объем кейса составляет 31 статью и два документальных фильма, названных выше.

Особый интерес представляет изучение не отдельно взятого кейса, а множественных кейсов, поскольку множественные кейсы, по утверждению О. А. Леонтович, позволяют расширить теорию, провести необходимые сопоставления, выявить системность изучаемых коммуникативных явлений и раскрыть их закономерности [Леонтович 2011: 43]. В частности, изучение кейсов, соотносящихся с обозначенными выше мишенями, позволит выявить характерные свойства лингвистического и коммуникативного моделирования информационных атак.

3. Переход к анализу содержания текстов информационных атак сопряжен с использованием одного из основных методов междисциплинарных исследований, проводимых на стыке лингвистики с социологией, культурологией, политологией и другими науками, а именно контент-анализа (content analysis). То, что этот метод занимает ведущее место в исследованиях политической коммуникации, не вызывает сомнений [см., напр.: Lasswell, Leites 1965; Будаев 2016: 229—239]. Г. Лассуэлл и Н. Лейтес в предисловии к своему труду «Язык политики» / «Language of Politics» писали, что «*the language of politics can be usefully studied by quantitative methods*» [Lasswell, Leites 1965: preface].

Характерными признаками контент-анализа являются объективность, системность, воспроизводимость и квантитативность: «...*a research technique for the objective, systematic, and quantitative description of the manifest content of communication*» [Berelson 1952: 12]. В результате этого сведения, полученные с помощью контент-анализа, являются надежными и валидными. Важным проверочным механизмом становится повторяемость результатов при обращении к одному и тому же материалу разными исследователями [Пашинян 2012].

Говоря об истории развития контент-анализа, следует сказать, что он восходит к количественному методу (quantitative tech-

nique), основоположниками которого считают группу зарубежных исследователей — Г. Лассуэлл, де Сола Пул, Д. Лернер: «...*content analysis was born as a quantitative technique. Harold D. Lasswell, Lerner and de Sola Pool, the father founders of the technique...*» [Franzosi 2007: 21].

Известно, что впервые Г. Лассуэлл использовал метод контент-анализа для изучения сообщений пропаганды периода Первой мировой войны, основные процедуры контент-анализа были связаны с переводом качественной информации (содержания сообщений массовой текстовой информации) в количественные показатели [Lasswell 1938].

О. А. Леонтович указывает на то, что название метода нередко вводит исследователей в заблуждение — исходя из него, они полагают, что это метод интерпретации содержания текста [Леонтович 2011: 69]. Вместе с тем контент-анализ — это «количественный метод, основная цель которого представить содержание текста (как печатного, так и визуального) в численном выражении в соответствии с заранее заданными категориями» [Там же].

Несмотря на то, что «лассуэлловское направление» получило повсеместное распространение [Таршис 2012: 9], контент-анализ постоянно совершенствуется и модифицируется [Семёнова, Корсунская 2010: 9]. Существующие сегодня подходы не противоречат друг другу, а скорее дополняют в зависимости от области применения и исследовательской цели.

Т. Г. Добросклонская трактует контент-анализ как количественно-статистический метод, направленный на изучение содержательного компонента текста путем подсчета частотности его использования в достаточно представительном корпусе материала [Добросклонская 2005: 31].

Н. Н. Богомолова и Т. Г. Стефаненко усматривают специфику контент-анализа в его процедуре, предусматривающей подсчет частоты и объема упоминаний тех или иных смысловых единиц исследуемого текста. Количественные характеристики текста, полученные таким образом, дают возможность сделать вывод о качественном, в том числе латентном, неявном содержании документа. Поэтому контент-анализ нередко обозначается как качественно-количественный метод [Богомолова, Стефаненко 1992: 18].

В современной модификации контент-аналитические методики, по мнению А. В. Семенов и М. В. Корсунской, представляют собой эмпирическое пересечение количественного и качественного подходов к анализу содержания текстов [Семёнова, Корсунская 2010: 9].

В свете рассмотренных выше подходов применительно к настоящей работе контент-анализ определяется как метод количественного анализа текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей [Аберкромби, Хилл, Тернер 2004; Чернобровкина 2011: 125].

Контент-анализ позволяет применять к одному и тому же массиву материалов несколько методик, ориентированных на анализ различных пластов и аспектов содержания [Таршис 2012: 14]. Так, например, в ходе изучения текстов СМИ, соотнесенных с информационной атакой на спорт, единицами анализа выступают как ключевые слова (символы), так и тематические кластеры. Выбор этих единиц анализа обусловлен подходом, разработанным Г. Л. Лассуэллом, который полагал, что «*the operations of content analysis consist in classifying the signs occurring in a communication into a set of appropriate categories*» [Lasswell, Leites 1965: 51].

Выделяя в качестве основной единицы ключевые слова, исходим из того, что они не просто составляют важную часть любого сообщения — они являются смысловыми центрами содержания текста [см., напр.: Вежбицкая 2001; Иванова 2016], «представляя собой свернутое, компрессионное содержание» [Таршис 2012: 31]. Ключевые слова позволяют выявить не только некоторые закономерности в актуализации (вербализации) определенных смыслов, но и скрытые намерения коммуникантов [Lasswell 1938; Berelson 1952].

Что касается тематических исследований, то в качестве предмета исследования выступает топос, который, по утверждению А. Е. Бочкарева, совпадает отчасти с темой [Бочкарев 2014: 272]. Главное отличие темы от топоса заключается, по замечанию Ф. Растье, в том, что тематический компонент воспроизводится в одном тексте, а топос — в текстах разных авторов [Rastier 1995: 223—249 (цит. по: Бочкарев 2014: 268)]. Топос, как и тему, с точки зрения А. Е. Бочкарева, можно отобразить в виде устойчивого набора рекуррентных семантических признаков, актуализируемых с полной или переменной лексикализацией в некотором множестве текстов [Бочкарев 2014: 272]. В то же время топос может включать не одну, а несколько тем или тематических компонентов (тем), каждый из которых способен по-разному лексикализироваться в контексте [Бочкарев 2014: 273].

Выполненный анализ текстов информационной атаки на спорт [Коцюбинская 2018(б)] позволяет утверждать, что ключе-

вым словом является *cheat*. Данные сведения были получены посредством программы «Textus Pro». В этой связи следует заметить, что процедуры контент-анализа, в частности его частотная модель, тесно связаны с использованием специального программного обеспечения для статистической обработки данных [Будаев 2016].

Как было сказано выше, само по себе установление частоты употребления языковой единицы не является сутью контент-анализа, поскольку все данные статистики вербального материала используются для формулирования выводов о невербальных аспектах [Почепцов 2001: 378—379]. Так, например, частотное употребление слова *cheat* и его производных: *cheating stars*, *cheating athletes*, *full extent of cheating*, *the Russian who cheated* и др. — работало на формирование образа России как лгуна-мошенника (*Russia is a cheater*). Данный лейтмотив служил веским и убедительным аргументом в принятии решения о введении спортивных санкций против России, поскольку страна, попирающая фундаментальные принципы и ценности спортивного движения, не может быть его частью [Коцюбинская 2018(б)].

Анализ исследовательского материала демонстрирует, что основными топосами являются следующие:

1. Россия — это лгун-мошенник.
2. Россия — это средневековое феодальное государство.
3. Президент России — единоличный правитель государства.
4. Спорт — способ реализации амбиций главы государства.

Каждый из названных топосов требует тщательного самостоятельного исследования, в том числе и на предмет языкового способа репрезентации определенных смыслов, что обуславливает использование не только контент-анализа, но и других методов лингвистического анализа. Сочетание различных методологических подходов позволяет получить всестороннее представление об изучаемом явлении [Комарова 2016].

Выбор методологии и методики исследования текстов политической лингвистики обусловлен исследовательскими целями. Тексты зарубежных СМИ квалифицируются как оружие информационно-психологической войны, если в российском информационном пространстве они номинируются информационной атакой. Представленный здесь методологический алгоритм состоит из трех последовательных шагов: определения мишени информационной атаки; сбора данных, соотнесенных с этой мишенью; анализа со-

держания информационной атаки. Каждый этап предполагает использование валидного метода исследования, нацеленного на решение соответствующей задачи. Выявить пласт информации, соотношенной с определенной мишенью, позволяет кейс-метод. Результатом использования данного метода является детальное изучение целостной коммуникативной ситуации, соотношенной с конкретной информационной атакой. Вместе с тем содержание текстов информационной атаки исследуется с помощью контент-анализа. Применение методик контент-анализа к одному и тому же массиву текстов позволяет исследовать разные аспекты его содержания. Несмотря на то, что основными самостоятельными методами выступают кейс-метод и контент-анализ, всё же представляется целесообразным применять их в сочетании с другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. — Москва : Экономика, 2004. — 619 с. — Текст : непосредственный.
2. Бедрицкий, А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США / А. В. Бедрицкий ; под общ. ред. д-ра ист. наук Е. М. Кожокина ; Рос. ин-т стратег. исслед. — Москва : Российский ин-т стратегических исследований, 2008. — 183 с. — Текст : непосредственный.
3. Богомолова, Н. Н. Контент-анализ / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1992. — 60 с. — Текст : непосредственный.
4. Бочкарев, А. Е. Семантика. Основной лексикон / А. Е. Бочкарев. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2014. — 320 с. — Текст : непосредственный.
5. Будаев, Э. В. Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба и др. — Екатеринбург, 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.
6. Case-study — образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте : сборник научных статей по итогам междисциплинарного научного семинара кадрового резерва «Проблемы и перспективы использования метода case-study: междисциплинарный опыт», 30—31 мая 2013 года / [отв. ред. Е. В. Веретенник]. — Санкт-Петербург, 2013. — 188 с. — Текст : непосредственный.
7. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — Москва : Язык славянской культуры : А. Кошелев, 2001. — 287 с. — Текст : непосредственный.
8. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Едиториал УРСС, 2005. — 288 с. — Текст : непосредственный.
9. Иванова, С. В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум / С. В. Иванова. — Текст : электронный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2016. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-izuchaya-lingvokulturnyy-universum> (дата обращения: 20.05.2020).
10. Комарова, З. И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики : учебное пособие / З. И. Комарова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 209 с. — Текст : непосредственный.
11. Коцюбинская, Л. В. Семантическое описание лексической единицы «информационная атака» / Л. В. Коцюбинская. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018 (а). — № 1. — С. 104—109.
12. Коцюбинская, Л. В. Метафорическое представление информационного события «Спорт в России» в британских средствах массовой информации / Л. В. Коцюбинская. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018 (б). — № 2-1 (80). — С. 87—90.
13. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. — Москва : Гнозис, 2011. — 224 с. — Текст : непосредственный.
14. Пашинян, И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И. А. Пашинян. — Текст : электронный // Научная периодика: проблемы и решения. — 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-kak-metod-issledovaniya-dostoinstva-i-ogranicheniya> (дата обращения: 11.01.2020).
15. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — Москва, 2001. — URL: <http://www.niv.ru/doc/communications/pochepcov/index.htm> (дата обращения: 16.01.2020). — Текст : электронный.
16. Семёнова, А. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / А. В. Семёнова, М. В. Корсунская. — Москва : Институт социологии РАН, 2010. — Текст : непосредственный.
17. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2016. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 20.01.2019).
18. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны : монография / отв. ред. проф. А. П. Сковородников. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.
19. Таршис, Е. Я. Исторические корни контент-анализа: два базовых текста по методологии контент-анализа / Е. Я. Таршис. — Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2012. — 155 с. — Текст : непосредственный.
20. Чернобровкина, Е. П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях / Е. П. Чернобровкина. — Текст : электронный // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. — 2011. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 01.12.2019).
21. Чудинов, А. П. Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.
22. Щекотихин, В. М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика : моногр. / В. М. Щекотихин, А. В. Королев, В. В. Королева ; под общ. ред. канд. техн. наук, проф. В. М. Щекотихина. — Москва : Академия ФСО России : ЦАТУ, 2011. — 999 с. — Текст : непосредственный.
23. Berelson, B. Content analysis in communication research / B. Berelson. — New York : Free press of Glencoe, 1952. — 220 p. — Text : unmediated.
24. Franzosi, R. Content Analysis: Objective, Systemic, and Quantitative Description of Content / R. Franzosi. — 2007. — URL: https://www.unive.it/media/allegato/ScuolaDottorale/2011/allegato/Content_Analysis_-_Introduction.pdf (date of access: 05.09.2019). — Text : electronic.
25. Lasswell, H. D. Propaganda technique in the world war / H. D. Lasswell. — London : Kogan Paul, Trench, Trubner & Co., 1938. — 233 p. — Text : unmediated.
26. Lasswell, H. D. Language of politics : Studies in quantitative semantics / H. D. Lasswell, N. Leites. — Cambridge (Mass.) : Massachusetts inst. of technology press, 1965. — 398 p. — Text : unmediated.
27. Libicki, M. C. What is Information Warfare? / M. C. Libicki. — Washington, 1995. — Text : unmediated.

L. V. Kotsyubinskaya

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: l.kocubinskaya@lengu.ru.

Information Warfare: Methodological Principles of Linguistic Research

ABSTRACT. *The article describes the methodological algorithm of investigation of the texts of information-psychological warfare. In the Russian information environment, these texts are nominated by information attacks. The approach worked out by the author includes three constituents: 1) identification of the target of the information attack (taking into account statements of officials characterizing a certain layer of information); 2) collection of the data correlated with the target; 3) analysis of the information attack content. Each of the above mentioned stages needs a certain research method aimed at solution of the corresponding problem. The data are collected with the help of the case method, while the content is studied using content analysis (the method of qualitative analysis of texts and text corpuses with the purpose of further content interpretation of the revealed numerical regularities). Though the case method and content analysis are regarded as the main research methods, it seems feasible to use them in combination with other methodological approaches, which makes it possible to get a complete picture of the phenomenon under study. The use of the suggested algorithm is illustrated by the example of the information attack upon the Russian sport in foreign mass media in 2014-2014. The British and American broadsheet papers («The Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times») and a number of documentaries serve as sources of material for the case study. Content analysis regards both keywords (symbols) and thematic clusters (with reference to attacks on sport, the lexeme “cheat” became the keyword, and the main topoi included the following: “Russia is a liar and swindler”; “Russia is a medieval feudal state”; “President of Russia is a totalitarian ruler of the state”; “Sport is a means of realization of ambitions of the Head of the State”.*

KEYWORDS: *information-psychological warfare; information attacks; case method; content analysis; topoi; Russian sport; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; British mass media; American mass media; English; linguistic means; linguistic studies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kotsyubinskaya Lyubov' Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kotsyubinskaya, L. V. Information Warfare: Methodological Principles of Linguistic Research / L. V. Kotsyubinskaya // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 53-59. — DOI.*

REFERENCES

1. Aberkrombi, N. *Sociological Dictionary* / N. Aberkrombie, S. Hill, B. S. Turner. — Moscow : Economics, 2004. — 619 p. — Text : unmediated. [Sotsiologicheskii slovar' / N. Aberkrombi, S. Khill, B. S. Turner. — Moskva : Ekonomika, 2004. — 619 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Bedritskiy, A. V. *Information War: Concepts and Their Implementation in the USA* / A. V. Bedritskiy ; under total. ed. of Dr. of Historical Sciences E. M. Kozhokin; Rus. Institute of strategist. studies. — Moscow : Russian Institute for Strategic Studies, 2008. — 183 p. — Text : unmediated. [Informatsionnaya vojna: kontseptsii i ikh realizatsiya v SShA / A. V. Bedritskiy ; pod obshch. red. d-ra ist. nauk E. M. Kozhokina ; Ros. in-t strateg. issled. — Moskva : Rossiyskiy in-t strategicheskikh issledovaniy, 2008. — 183 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Bogomolova, N. N. *Content Analysis* / N. N. Bogomolova, T. G. Stefanenko. — Moscow : Publishing House of Moscow University, 1992. — 60 p. — Text : unmediated. [Kontent-analiz / N. N. Bogomolova, T. G. Stefanenko. — Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1992. — 60 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Bochkarev, A. E. *Semantics. Basic Vocabulary* / A. E. Bochkarev. — Nizhny Novgorod : DECOM, 2014. — 320 p. — Text : unmediated. [Semantika. Osnovnoy leksikon / A. E. Bochkarev. — Nizhniy Novgorod : DEKOM, 2014. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Budaev, E. V. *Theory and Methodology of Linguistic Analysis of Political Text* : monograph. / resp. ed. A. P. Chudinov ; E. V. Budaev, E. V. Dzyuba et al. — Ekaterinburg, 2016. — 308 p. — Text : unmediated. [Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. / otv. red. A. P. Chudinov ; E. V. Budaev, E. V. Dzyuba i dr. — Ekaterinburg, 2016. — 308 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Case-study — Educational and Research Experience in an Interdisciplinary Context : a collection of scientific articles based on the results of the interdisciplinary scientific seminar of the personnel reserve “Problems and prospects of using the case-study method: interdisciplinary experience”, May 30-31, 2013 / [otv. ed. E. V. Veretennik]. — St. Petersburg, 2013. — 188 p. — Text : unmediated. [Case-study — obrazovatel'nyy i issledovatel'skiy opyt v mezhdistseplinarnom kontekste : sbornik nauchnykh statey po itogam mezhdistseplinarnogo nauchnogo seminaru kadrovogo rezerva «Problemy i perspektivy ispol'zovaniya metoda case-study: mezhdistseplinarnyy opyt», 30—31 maya 2013 goda / [otv. red. E. V. Veretennik]. — Sankt-Peterburg, 2013. — 188 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Vezhbitskaya, A. *Understanding of Cultures through Key Words* / A. Vezhbitskaya. — Moscow: Language of Slavic culture : A. Koshelev, 2001. — 287 p. — Text : unmediated. [Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / A. Vezhbitskaya. — Moskva : Yazyk slavyanskoy kul'tury : A. Koshelev, 2001. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Dobrosklonskaya, T. G. *Questions of Studying of Media-texts (the experience of researching modern English media speech)* / T. G. Dobrosklonskaya. — Moscow : Editorial URSS, 2005. — 288 p. — Text : unmediated. [Voprosy izucheniya mdiatekstov (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi) / T. G. Dobrosklonskaya. — Moskva : Editorial URSS, 2005. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Ivanova, S. V. *Culturology Linguistics: Studying the Linguocultural Universe* / S. V. Ivanova. — Text : electronic [Lingvokul'turologiya: izuchaya lingvokul'turnyy universum / S. V. Ivanova. — Tekst : elektronnyy // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. — 2016. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokul'turologiya-izuchaya-lingvokul'turnyy-universum> (date of access: 20.05.2020)]. — (In Rus.)
10. Komarova, Z. I. *Technology of Scientific Research in the Systemic Methodology of Modern Linguistics* : textbook / Z. I. Komarova ; Ural State Ped. Univ. - Ekaterinburg, 2016. — 209 p. — Text : unmediated. [Tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v sistemnoy metodologii sovremennoy lingvistiki : uchebnoe posobie / Z. I. Komarova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. — 209 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Kotsyubinskaya, L. V. *Semantic Description of the Lexical Unit “Information Attack”* / L. V. Kotsyubinskaya. — Text : unmediated // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2018 (a). — No. 1. — P. 104—109. [Semanticheskoe opisanie leksicheskoy edinitsy «informatsionnaya ataka» / L. V. Kotsyubinskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Ekologiya yazyka i

kommunikativnaya praktika. — 2018 (a). — № 1. — S. 104—109]. — (In Rus.)

12. Kotsyubinskaya, L. V. Metaphorical Presentation of the Information Event “Sport in Russia” in the British Mass Media / L. V. Kotsyubinskaya. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — 2018 (b). — No. 2-1 (80). — P. 87—90. [Metaforicheskoe predstavlenie informatsionnogo sobytiya «Sport v Rossii» v britanskikh sredstvakh massovoy informatsii / L. V. Kotsyubinskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2018 (b). — № 2-1 (80). — S. 87—90]. — (In Rus.)

13. Leontovich, O. A. Methods of Communication Research / O. A. Leontovich. — Moscow, 2011. — 224 p. — Text : unmediated. [Metody kommunikativnykh issledovaniy / O. A. Leontovich. — Moskva : Gnozis, 2011. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Pashinyan, I. A. Content Analysis as a Research Method: Advantages and Limitations / I. A. Pashinyan. — Text : electronic // Scientific Periodicals: Problems and Solutions. — 2012. — No. 3. [Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya / I. A. Pashinyan. — Tekst : elektronnyy // Nauchnaya periodika: problemy i resheniya. — 2012. — № 3]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-kak-metod-issledovaniya-dostoinstva-i-ogranicheniya> (date of access: 11.01.2020). — (In Rus.)

15. Pocheptsov, G. G. Communication Theory / G. G. Pocheptsov. — Moscow, 2001. [Teoriya kommunikatsii / G. G. Pocheptsov. — Moskva, 2001]. — URL: <http://www.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/index.htm> (date of access: 16.01.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

16. Semenova, A. V. Content Analysis of the Media: Problems and Experience of Application / A. V. Semyonova, M. V. Korsunskaya. — Moscow : Institute of Sociology RAS, 2010. — Text : unmediated. [Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya / A. V. Semenova, M. V. Korsunskaya. — Moskva : Institut sotsiologii RAN, 2010. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Skovorodnikov, A. P. Linguistics of Information and Psychological Warfare: to the Substantiation and Definition of the Concept / A.P. Skovorodnikov, G.A. Kopnina. — Text : electronic // Political Linguistics. — 2016.— No. 1. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya / A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina. — Tekst : elektronnyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 1]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya> (date of access: 20.01.2019). — (In Rus.)

18. Skovorodnikov, A. P. Linguistics of Information-psychological War : monograph / resp. ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2017. — 340 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya / otv. red. prof. A. P. Skovorodni-

kov. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. — 340 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Tarshis, E. Ya. Historical Roots of Content Analysis: Two Basic Texts on the Methodology of Content Analysis / E. Ya. Tarshis. — Moscow : URSS: LIBROKOM, 2012. — 155 p. — Text : unmediated. [Istoricheskie korni kontent-analiza: dva bazovyykh teksta po metodologii kontent-analiza / E. Ya. Tarshis. — Moskva : URSS : LIBROKOM, 2012. — 155 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Chernobrovkina, E. P. Content Analysis in Linguistic Research / E. P. Chernobrovkina. — Text : electronic // Bulletin of BSU. Language, Literature, Culture. — 2011. — No. 11. [Kontent-analiz v lingvisticheskikh issledovaniyakh / E. P. Chernobrovkina. — Tekst : elektronnyy // Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kul'tura. — 2011. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyakh> (data obrashcheniya: 01.12.2019)]. — (In Rus.)

21. Chudinov, A. P. Theory and Methodology of Linguistic Analysis of Political Text : monograph / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2016. — 308 p. — Text : unmediated. [Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. /otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. — 308 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Shchekotikhin, V. M. Information War. Information Confrontation: Theory and Practice : monograph. / V. M. Shchekotikhin, A. V. Korolev, V. V. Koroleva ; under total. ed. of Cand. of tech. sciences, prof. V. M. Shchekotikhina. — Moscow : Academy of the FSO of Russia : TsATU, 2011. — 999 p. — Text : unmediated. [Informatsionnaya voyna. Informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika : monogr. / V. M. Shchekotikhin, A. V. Korolev, V. V. Koroleva ; pod obshch. red. kand. tekhn. nauk, prof. V. M. Shchekotikhina. — Moskva : Akademiya FSO Rossii : TsATU, 2011. — 999 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Berelson, B. Content analysis in communication research / B. Berelson. — New York : Free press of Glencoe, 1952. — 220 p. — Text : unmediated.

24. Franzosi, R. Content Analysis: Objective, Systemic, and Quantitative Description of Content / R. Franzosi. — 2007. — URL: https://www.unive.it/media/allegato/ScuolaDottorale/2011/allegato/Content_Analysis_-_Introduction.pdf (date of access: 05.09.2019). — Text : electronic.

25. Lasswell, H. D. Propaganda technique in the world war / H. D. Lasswell. — London : Kogan Paul, Trench, Trubner & Co., 1938. — 233 p. — Text : unmediated.

26. Lasswell, H. D. Language of politics : Studies in quantitative semantics / H. D. Lasswell, N. Leites. — Cambridge (Mass.) : Massachusetts inst. of technology press, 1965. — 398 p. — Text : unmediated.

27. Libicki, M. C. What is Information Warfare? / M. C. Libicki. — Washington, 1995. — Text : unmediated.

Н. В. Погребняк

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: natasha-kr@yandex.ru.

Коммуникативные стратегии формирования образа политика в немецком медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Цель статьи заключается в системном описании коммуникативных стратегий и тактик формирования образа политика в медиадискурсе. Объектом исследования выступают прагмалингвистические средства создания образа политика в современном медиадискурсе. Предметом исследования являются коммуникативные стратегии и тактики репрезентации положительного и отрицательного образа политика в медиадискурсе. Материалом послужили тексты выступлений и речей, а также интервью с политическими деятелями, опубликованные в немецких СМИ в период с 2017 г. по 2020 г. Методы исследования — описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию полученных фактов, а также приемы контекстуального и ситуативного анализа. Анализируются языковые средства коммуникативных стратегий и тактик на повышение и понижение как способа актуализации положительного или отрицательного образа политика в современном немецком медиадискурсе. В результате определения закономерностей между выбором той или иной коммуникативной стратегии и тактики в процессе формирования образа политика делается вывод о том, что рассмотренные коммуникативные стратегии представляются мотивированными, целенаправленными и иллокутивно обусловленными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; образ политика; политическая коммуникация; политический дискурс; политические деятели; немецкий язык; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; немецкие СМИ; языковые средства; манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; политические метафоры; политическая метафорология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Погребняк Наталья Владимировна, соискатель кафедры общего языкознания, Адыгейский государственный университет; преподаватель кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина; 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13; e-mail: natasha-kr@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Погребняк, Н. В. Коммуникативные стратегии формирования образа политика в немецком медиадискурсе / Н. В. Погребняк // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 60-67. — DOI 000000000.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена незатухающим научным интересом к проблеме изучения процесса медийного конструирования образа политика, а также выбора тех или иных коммуникативных стратегий и тактик для успешной реализации этой цели. Проблема изучения воздействующего потенциала языковых особенностей коммуникативных стратегий и тактик в процессе формирования нужного образа того или иного политического деятеля требует системного осмысления и комплексного исследования.

Цель статьи — описать основные коммуникативно-прагматические особенности конструирования образа политика в немецком медиадискурсе. Материалом послужили тексты интервью с политическими деятелями или экспертами о политиках, опубликованные в немецких СМИ с 2017 по 2020 г.

В работе мы использовали описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию

полученных фактов, а также приемы контекстуального и ситуативного анализа.

Научная новизна проведенного исследования обусловливается тем, что в статье анализируется набор коммуникативных стратегий и тактик, наиболее часто участвующих в конструировании образа политика на просторах современного медиадискурса. В работе выявляется специфика выбора данных стратегий в зависимости от интенций адресанта.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении закономерных корреляций между выбором той или иной коммуникативной стратегии, тактики и формируемым в результате образом политика. Результаты проведенного нами исследования могут использоваться для дальнейшей работы над аспектами создания положительного/отрицательного образа политика, политического лидера и исследований в рамках медиадискурса и политической лингвистики, прагмалингвистики, социолингвистики.

В современной науке изучением воздействующего потенциала коммуникативных стратегий и тактик в рамках политического дискурса занимались такие ученые, как О. С. Иссерс [Иссерс 1997], О. Л. Михалева [Михалева 2004], О. Н. Паршина [Паршина 2005], Н. Б. Руженцева [Руженцева 2004], Т. С. Комиссарова [Комиссарова 2008], Н. С. Ширяев (2017) и др. В рамках научных концепций данных исследователей были разработаны классификации коммуникативных (речевых) стратегий и тактик. Образ политика в прагмалингвистическом аспекте выступил объектом диссертационных исследований Е. С. Прониной [Пронина 2015], Е. А. Слободенюк (2016), А. Эбру (2017) и др.

Понятие «стратегия» было заимствовано из военной науки, в лингвистике его определяют по-разному. В прагмалингвистическом подходе стратегия рассматривается как «совокупность речевых действий», их последовательная реализация [Труфанова 2001: 58]. О. С. Иссерс связывает понятие стратегии с комплексом «речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 182]. Н. П. Формановская считает, что стратегии «связаны с общим замыслом конечной цели общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии» [Формановская 1998: 72]. Вслед за О. Н. Паршиной мы будем понимать под стратегией «сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего; определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения целей коммуникации» [Паршина 2007: 19]. Реализация нужной стратегии происходит с помощью тактик, которые представляют собой конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, характеризующийся применением определенного набора приемов с использованием тех или иных языковых средств. «В целом, та или иная коммуникативная стратегия и конкретная тактическая схема ее реализации находятся в отношениях „общее-частное“» [Руженцева 2004: 11—12].

Эффективность речевой стратегии определяется результатом общения индивидов. Таким образом, семантическое, лексическое и прагматическое наполнение стратегии будет зависеть от тактик, которые выбирает автор сообщения. А они, в свою очередь, будут зависеть от коммуникативной интенции [Клюев 2002].

Анализ теоретического материала показал, что существуют разные виды речевых стратегий и их классификаций, но к единой общепризнанной классификации в научном сообществе так и не пришли.

Интерес представляет классификация, предложенная О. Н. Паршиной. В зависимости от коммуникативных целей, преследуемых в политическом дискурсе, исследователь выделяет следующие речевые стратегии: «самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную» [Паршина 2005: 22]. На наш взгляд, некоторые из предложенных стратегий, например, такие как стратегия борьбы за власть и удержания власти, обладают расплывчатой характеристикой, к которой можно отнести очень многое. Манипулятивная стратегия, в свою очередь, — это слишком глобальное понятие, которое можно рассматривать как макростратегию или составляющую практически каждой речевой стратегии, используемой в политическом дискурсе, так как борьба за власть и приемы манипулирования сознанием стали неразделимыми понятиями в современном мире.

Самые распространенные с точки зрения О. Л. Михалевой манипулятивные стратегии, применяемые в политическом дискурсе, — «стратегия на повышение, стратегия на понижение и стратегия театральности» [Михалева 2004: 256]. Н. Б. Руженцева считает, что «в политической и предвыборной конкурентной борьбе СМИ используют три основные коммуникативные стратегии. Одна из них призвана дискредитировать конкурента, умалить его авторитет (игра на понижение). Две другие стратегии (самопрезентация и презентация) реализуют апологетические цели (игра на повышение)» [Руженцева 2004: 9]. Е. А. Ханина выделяет коммуникативную стратегию превознесения, которая строится на использовании тактик (само)презентации, поляризации и тактики нейтрализации негативного представления о себе [Ханина 2013: 158—160]. По мнению Е. С. Прониной, «все речевые стратегии воздействия, по сути, строятся на двух базовых когнитивных стратегиях — интенсификации и приуменьшения» [Пронина 2014: 62].

При исследовании особенностей репрезентации образа политика в медиадискурсе мы опирались на представления о существовании следующих видов коммуникативных стратегий: стратегии на понижение, стратегии на повышение (вслед за О. Л. Михалевой), а в качестве третьей, альтернативной вышеназванным стратегиям на повышение/понижение, предлагаем рассматривать «стратегию нейтральности» [Диманте 2015: 57], что считаем обусловленным логикой. Стратегия нейтральности (или же сохране-

ния нейтральности) — это реализация стремления фактического изложения событий и объективных, непредвзятых характеристик участников событий. «По содержанию и форме выражения данные стратегии относятся к мотивированным, целенаправленным, иллокутивно обусловленным коммуникативным стратегиям. Они выражаются продуманным выбором языковых единиц и в современной прагмалингвистической трактовке представляются как имиджеобразующие» [Матвеева (и др.) 2007: 6].

Коммуникация в рамках немецкого политического дискурса характеризуется стратегическим планированием реализации коммуникативной цели. При этом известно, что «в политическом дискурсе речевое планирование достигает уровня технологий» [Иссерс 2011: 177]. Образ политического деятеля складывается из определенных черт, чтобы усилить образ и эффективность воздействия, эти черты и характеристики должны быть дополнительно акцентированы в медиатекстах. «С одной стороны, он представляет собой отражение реальных характеристик политика, с другой — проекцию ожидаемый адресата. Положительный образ политика формируется при помощи акцентирования черт идеального политика, в то время как качества, не совпадающие с образом идеального политика, наделяются отрицательной оценкой» [Пронина 2014: 82].

В репрезентации образа политика **стратегия на понижение** реализуется главным образом при помощи тактик анализа-«минус», обвинения и обличения. **Анализ-«минус»** [Михалёва 2004] — это тактика, заключающаяся в негативном описании деятельности оппонента, ее цель — формирование у адресата «отрицательного отношения к предмету описания», причем отрицательное отношение адресанта обычно выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Рассмотрим роль метафоры в формировании образа политика. В рамках исследования мы придерживаемся классификации метафорических моделей, предложенной А. П. Чудиновым [Чудинов 2001: 53].

Использование метафоры со сферой-источником «болезнь» является ярким примером функционирования тактики «анализ-минус», ведь болезнь — это всегда «минус», воспринимаемое отрицательно. Например: *Amerika wird nicht so bleiben wie unter Donald Trump. Aber es wird nie wieder so werden, wie es einmal war. Obama war der erste US-Präsident, der Amerika als „pazifische Nation“ und nicht mehr als transatlantische Nation bezeichnet hat. Der heutige US-Präsident ist nur Symptom, aber nicht die Ursache* (Bild. 14 Jul.

2019). — *Amerika не останется такой, какой была при Дональде Трампе. Но она никогда не будет прежней, той, что была когда-то. Обама был первым президентом США, который назвал Америку „тихоокеанской нацией“, а не трансатлантической нацией. Сегодняшний президент США — это только симптом, а не причина, говорит экс-министр иностранных дел Зигмар Габриэль.*

Слово «симптом» проводит аналогию с болезнью, неявную, но позволяющую выразить неприятие ситуации. Болезнь не может быть положительной характеристикой. Здесь имплицитно реализуется тактика «анализ-минус», стратегия «на понижение».

Красочной артефактной метафорой со сферой-источником «транспорт» Майкл Вольф характеризует перспективы деятельности Трампа: *Wenn ich Vorhersagen treffen müsste, würde ich sagen, dass dies ein Zug ist, der auf eine Mauer zurast. Wir wissen nur nicht, wann die Mauer kommt, aber wir wissen, dass da eine Mauer ist, und wir wissen, dass es krachen wird. Wir wissen nur nicht wann* (Spiegel. 13 Feb. 2018). — *Если бы мне пришлось делать прогнозы, я бы сказал, что это поезд, несущийся по направлению к стене. Мы просто не знаем, когда на его пути появится стена, но мы знаем, что она есть, и мы знаем, что поезд разобьется. Мы просто не знаем когда.* Поезд, локомотив — это сильный образ, часто символизирующий мощь и силу. Ситуация с прогнозируемым крахом может послужить примером использования тактики «анализ-минус». Имплицитно признается масштабность деятельности Трампа — в его сравнении с поездом, и в то же время общее впечатление, создаваемое характеристикой, отрицательное, так как аудитория чувствует, что подспудно просматривается намек на виновность в предполагаемом будущем крахе самого президента. Он антигерой.

Еще одна тактика стратегии на понижение — **обвинение** [Михалёва 2004], т. е. приписывание кому-либо вины, часто голословное и бездоказательное, с использованием негативно окрашенных лексических единиц.

Der wichtigste Rat: Putin nicht trauen. Nie und in nichts. Putin manipuliert mit allem: Mit Sinn, Fakten, Ziffern, Landkarten, Gefühlen, warnt Poroschenko da, und er fügt hinzu: Ein Treffen unter vier Augen mit Putin würde ich vermeiden oder, wenn das unmöglich ist, mich nicht seinen Manipulationen und Schmeicheleien hingeben (Spiegel. 09 Dez. 2019). — *„Самый важный совет: не доверять Путину. Никогда и ни в чем. Путин манипулирует*

всем: содержанием, фактами, цифрами, картами, эмоциями», — предупреждает Порошенко и добавляет: „Советовал бы избежать встречи с глазу на глаз с Путиным, если этого не избежать, то не поддаваться его лести и манипуляциям“. Этот совет бывшего украинского президента Порошенко нынешнему президенту Зеленскому — яркий пример использования тактики обвинения, совершенно бездоказательного, с целью дискредитации российского президента в глазах общественности. Отсутствие каких-либо аргументов в данном высказывании на фоне агрессивного стиля изложения позволяет адресовать выступление любому политику из лагеря противника, просто заменив имя «обвиняемого» «врага». Таким образом, Порошенко пытается сформировать у аудитории образ российского президента — «врага» и антигероя № 1.

Ярким примером использования тактики обвинения может послужить интервью с автором скандальной книги «Feuer und Zorn» («Огонь и ярость») журналистом Майклом Вольфом об американском президенте Дональде Трампе. В своей книге он приводит меткую цитату о Трампе и его сотрудниках:

Trump sei ein „Idiot, umgeben von Clowns“ (Spiegel. 13 Feb. 2018). — *Трамп — идиот в окружении клоунов*. Подобная характеристика, данная американскому президенту — это просто бездоказательное обвинение.

Dieser Präsident ist weder in der Lage, das zu tun, noch intellektuell kompetent genug, um zu verstehen, was zu tun ist. Auch hat er nicht die emotionale Reife, die für diesen Job notwendig ist. Trotzdem ist er immer noch der Mann am Ruder, und das ist das Problem. So hat es mir fast jeder aus seinem Umfeld auf die eine oder andere Weise erklärt: Trump ist einer, der diesen Job buchstäblich nicht erledigen kann (Spiegel. 13 Feb. 2018). — *Этот президент (Трамп) не способен сделать это, более того, он недостаточно компетентен, чтобы понять, что делать. Он также не обладает эмоциональной зрелостью, необходимой для этой работы. Тем не менее он все еще тот, кто находится у руля, и в этом проблема. Как почти все из его окружения так или иначе объяснили мне, Трамп — тот, кто буквально не может выполнять эту работу*. Обвинения в некомпетентности и эмоциональной незрелости американского президента снова ничем не подкреплены, что очень характерно для избранной Вольфом тактики обвинения. Ссылка на слова «почти всех из его окружения» не может быть убедительной по определению.

Обличение отличается от обвинения указанием на конкретную вину оппонента с

приведением фактов, аргументов [Михалёва 2004]. Примером использования тактики обличения может служить высказывание сербского президента Вучича о деятельности ЕС: *Glauben Sie, man würde Serbien fast 400 Millionen Euro an EU-Mitteln spendieren, damit von diesem Geld mithilfe chinesischer Arbeiter eine Brücke gebaut wird, wie das gerade an der kroatischen Adria passiert? Geschähe das bei uns, ich würde wahrscheinlich in Brüssel gehängt* (Spiegel. 22 Nov. 2019). — *Думаете ли вы, что Сербия пожертвует почти 400 миллионов евро в бюджет ЕС, чтобы эти деньги могли быть использованы для строительства моста с помощью китайских рабочих, как это происходит в настоящее время на хорватской Адриатике? Если бы это произошло с нашей страной, меня бы, наверное, повесили в Брюсселе*. Вучич не просто обвиняет, а обличает ЕС в недостаточно разумном способе потратить средства, полученные от стран — членов ЕС: на строительство моста **китайцами**. Ироничное замечание, что его бы повесили за такое — это не шутка, а пример действия стратегии на понижение, где в отрицательном свете выступают руководители ЕС. И разоблачающие факты приведены.

Далее рассмотрим тактики, с помощью которых реализуется **стратегия на повышение**. Тактика презентации заключается в представлении какого-либо лица в положительном свете с помощью языковых единиц, обладающих положительной коннотацией. Тактика самопрезентации отличается тем, что адресант дает положительные характеристики не кому иному, как себе и своей партии. Следует отметить, что важную роль в реализации тактики (само)презентации играет привлечение внимания к говорящему, его партии. Выражается эта отсылка к себе в большинстве примеров с помощью личных местоимений «*wir*» (мы), «*ich*» (я). Ангела Меркель в своих интервью употребляет местоимение *wir* (мы) для того, чтобы подчеркнуть единство целей себя и народа. *Wichtig ist, dass wir in Europa erkennen, dass wir für unsere eigene Sicherheit verantwortlich sind* (Bundeskanzlerin.de. 3 Jun. 2018). — *Важно, чтобы мы в Европе осознали, что несем ответственность за нашу собственную безопасность*. В это «мы» Меркель включает весь немецкий народ, говоря об общей ответственности всех граждан за безопасность в Европе.

Еще одной тактикой на повышение является **отвод критики** [Михалёва 2004], заключающийся в приведении аргументов и фактов, которые объясняют и оправдывают какие-либо действия и поступки. Примеры

использования данной тактик можно найти в интервью Ангелы Меркель: *FAS: Warum reagieren Sie so gelassen auf die Veränderungen in Italien?*

Merkel: Es ist meine grundsätzliche Überzeugung, dass jedes Wahlergebnis und jede demokratisch gewählte Regierung Respekt verdienen. Je respektvoller wir miteinander umgehen und unsere wechselseitigen Interessen berücksichtigen, desto besser. So haben wir auch in dem Konflikt, den wir mit Griechenland über die notwendigen Reformen hatten, eine tragfähige Lösung gefunden (Bundeskanzlerin.de. 3 Jun. 2018). — В вопросе журналиста «Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung»: *Почему вы так спокойно относитесь к изменениям в Италии?* — скрыто неявное обвинение. Ответ Ангелы Меркель — это и есть отвод критики: *Я глубоко убеждена, что любой результат выборов и каждое демократически избранное правительство заслуживают уважения. Чем более уважительно мы относимся друг к другу и учитываем наши взаимные интересы, тем лучше. Таким образом, мы нашли жизнеспособное решение в конфликте с Грецией по поводу необходимых реформ.* Так, Ангела Меркель объясняет «спокойное отношение» к ситуации в Италии уважением к выбору народа, что позволяет сохранять такое же уважительное отношение к ней, как к миролюбивому политику, действующему в рамках общечеловеческих ценностей взаимоуважения и стремления избежать конфликтов. Что положительно характеризует политика.

Одной из тактик стратегии на повышение является **тактика анализ-«плюс»** [Михалёва 2004]. При ее применении объектом анализа является сам адресант, и ситуация описывается с выгодной для него позиции, но так, чтобы положительное отношение выражалось имплицитно.

В следующем высказывании Меркель использует несколько тактик, «работающих» на повышение — местоимение *wir* для самопрезентации и отождествления себя со своим народом, «анализ-плюс» в положительной характеристике достигнутого к данному моменту: *Mit den Afrikapolitischen Leitlinien der Bundesregierung haben wir dieser Politik bereits im Jahr 2014 einen umfassenden Rahmen gegeben. Wir dürfen hier jedoch nicht stehenbleiben. Wir müssen uns den vielfältigen Herausforderungen in Afrika gemeinsam mit unseren Partnern stellen, um eine friedliche und nachhaltige Entwicklung auch im Sinne der UNO-Agenda 2030 zu erreichen.*

Mit den EU-Migrationspartnerschaften haben wir einen Schwerpunkt auf die Eindämmung der von kriminellen Schleppern und

Schleusern organisierten illegalen Migration, die bereits Tausende das Leben gekostet hat, gelegt. Wir haben Maßnahmen auf den Weg gebracht, die helfen können, die Fluchtursachen in den Herkunftsländern zu vermindern. Wir haben unser Engagement zur Stärkung von Frieden und Sicherheit in Afrika sowohl im zivilen als auch militärischen Bereich ausgebaut. Und wir haben Afrika zu einem Schwerpunkt unserer G20-Präsidentschaft gemacht (Bundeskanzlerin.de. 3 Jun. 2018). — Руководствуясь рекомендациями федерального правительства по политике в отношении Африки, мы обозначили круг вопросов, требующих решения, еще в 2014 году. Тем не менее мы не можем останавливаться на достигнутом. Вместе с нашими партнерами нам нужно справляться с различными проблемами в Африке, чтобы достичь мирного и устойчивого развития в соответствии с Программой ООН до 2030 года. В рамках партнерских отношений членов ЕС по вопросам миграции мы сосредоточились на борьбе с нелегальной миграцией, организованной преступниками, контрабандистами, которая уже унесла тысячи жизней. Мы предприняли меры, которые могут помочь сократить число поводов для побега из родных стран. Мы еще в большей мере поспособствовали укреплению мира и безопасности в Африке, как в гражданской, так и в военной сферах. И мы сделали Африку одним из ключевых вопросов встречи G20.

В данном отрывке мы не наблюдаем особенных слов с положительной коннотацией, тем не менее то, как подается информация: *wir* в каждом предложении, акцент на том, «сколько нами уже сделано», — служит формированию положительного образа политика, здесь — Ангелы Меркель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические деятели и журналисты применяют коммуникативные стратегии с целью формирования нужного им образа политика. Попытки остаться нейтральным в изображении существующей политической ситуации и политиков встречаются не так часто. При игре на повышение на передний план выдвигаются мнимые и реальные достижения для формирования положительного образа компетентного политика, отлично справляющегося со своими обязанностями, многое сделавшего для своего народа. В результате проведенного нами анализа выяснилось, что чаще других используются тактики, действующие в рамках стратегий на понижение. Обвинение, обличение и очернение оппонентов с использованием все-

возможных риторических средств представляется политикам и журналистам более действенным и/или более привычным.

В рамках стратегии на повышение наиболее продуктивными для создания положительного образа политика являются тактика самопрезентации и отвода критики, анализ-плюс. Именно эти тактики помогают конструировать запоминающиеся яркие образы такого политика, которого всем хотелось бы слушать, поддерживать и приводить к власти на выборах.

«Воздействующий потенциал политического медиадискурса реализуется через специфическое функционирование языковых средств» [Погребняк 2019: 123]. В конечном счете все это осуществляется для манипулирования сознанием аудитории, аудитории, у которой удалось сформировать нужные манипулятору образы, причем политики, а также журналисты, которые говорят и пишут о политиках, «используют осознанные манипуляции» — когда есть 100-процентное осознание того, что они манипулируют, т. е. «у них есть скрытая цель и они понимают, какими способами к ней придут» [Степанов 2019 www]. То есть мы говорим о целенаправленном использовании в политическом медиадискурсе соответствующих коммуникативных стратегий.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Использование коммуникативных стратегий подтверждает существование стратегического планирования для реализации коммуникационной цели, что способствует оказанию воздействия на аудиторию с целью формирования того или иного отношения к сообщаемому, а следовательно нужного образа политика. В политических медиатекстах выбор той или иной коммуникативной стратегии является целенаправленным, осознанным, прагматически обусловленным в соответствии с коммуникативной целью говорящего. Не следует забывать, что «прочитанный» образ политика — это не зеркальное отражение его реальных профессиональных и личностных характеристик, а результат планомерной стратегической работы над выстраиванием образа, требуемого адресанту. Критический подход и анализ огромного потока информации, в том числе и сточки зрения функционирования задействованных коммуникативных стратегий — это ключ к пониманию и осознанию, которых так не хватает в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диманте, И. В. Инструментарий профессионального коммуникатора (приемы речевого воздействия) / И. В. Диманте. — Текст : непосредственный // Коммуникативные

исследования. — Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского. — 2015. — № 4 (6). — С. 52—64.

2. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 1997. — № 2. — С. 51—54.

3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука. — 2011. — 224 с. — Текст : непосредственный.

4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.

5. Клоев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клоев. — Москва : Рипол Классик. — 2002. — 320 с. — Текст : непосредственный.

6. Комисарова, Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализации в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шрёдера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Комисарова Т. С. — Орёл, 2008. — 22 с. — Текст : непосредственный.

7. Матвеева, Г. Г. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики : моногр. / Г. Г. Матвеева, А. В. Бутусова, О. Е. Ломова, Л. А. Моисенко, И. В. Одарюк, Н. Ю. Чигридова. — Ростов на Дону : ИУБиП, 2007. — Текст : непосредственный.

8. Михалёва, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михалева О. Л. — Кемерово, 2004. — 32 с. — Текст : непосредственный.

9. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук / Паршина О. Н. — Саратов, 2005. — 325 с. — Текст : непосредственный.

10. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / Паршина О. Н. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 232 с. — Текст : непосредственный.

11. Погребняк, Н. В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе / Н. В. Погребняк. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 3 (136). — С. 118—125.

12. Пронина, Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук / Пронина Е. С. — Москва, 2015. — 197 с. — Текст : непосредственный.

13. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург, 2004. — 294 с. — Текст : непосредственный.

14. Степанов, И. С. Манипуляции в общении: плохо или хорошо? / И. С. Степанов. — URL: <http://ilyastepanov.ru/blog/manipulatsii-emotsii.html> (дата обращения: 31.01.2020). — Текст : электронный.

15. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 3.

16. Формановская, Н. П. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. П. Формановская. — Москва : Ин-т рус. яз., 1998. — 291 с. — Текст : непосредственный.

17. Ханина, Е. А. Формирование положительного имиджа политика при реализации коммуникативной стратегии превознесения / Е. А. Ханина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 156—161.

18. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

19. Selenskyjs Feuertaufe. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-gipfel-praesident-wolodymyr-selenskyj-trifft-erstmal-auf-wladimir-putin-a-1300282.html> (date of access: 31.01.2020). — Text : electronic.

20. Serbiens Präsident Vucic: “Ich würde in Brüssel gehängt”. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/serbiens-praesident-aleksandar-vucic-im-interview-ich-wuerde-in-bruessel-gehaengt-a-1297524.html> (date of access: 31.01.2020). — Text : electronic.

21. Sigmar, Gabriel. Das große Abrechnungs-Interview mit der SPD / Gabriel Sigmar. — URL: <https://www.bild.de/>

politik/inland/politik-inland/sigmar-gabriel-das-grosse-abrechnungs-interview-mit-der-spd-63278060.bild.html (date of access: 13.01.2020). — Text : electronic.

22. «Trump ist zu dumm, um sich zu verschwören». — URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/michael-wolff-fire-and-fury->

autor-spricht-ueber-donald-trump-a-1193074.html (date of access: 14.02.2018).

23. ZUKUNFT EUROPAS. Interview mit Angela Merkel: Europa muss handlungsfähig sein. — URL: <https://www.bun-desregierung.de/Content/DE/Interview/2018/06/2018-06-04-merk-el-fas.html> (date of access: 30.07.2018). — Text : electronic.

N. V. Pogrebnyak

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: natasha-kr@yandex.ru

The Communicative Strategies of Politician Image Formation in the German Media Discourse

ABSTRACT. *The purpose of the article is to provide a systematic description of communicative strategies and tactics of formation of the image of a politician in media discourse. The scope of the study covers pragmalinguistic means of creation of the image of a politician in modern media discourse. The object of the study includes the communicative strategies and tactics of representation of positive and negative images of a politician in media discourse. The study analyzes German media texts of speeches of politicians and interviews with politicians in the media from 2017 to 2020. The research methods used by the author embrace the descriptive method including observation, comparison, generalization and interpretation of the facts obtained, as well as the methods of contextual and situational analysis. The article analyzes the linguistic means of the communicative strategies and tactics aimed to “praise” and “run down” as ways of actualizing the positive or negative image of a politician in modern German media discourse. Having studied the regularities determining the choice of one or another communicative strategy or tactic in the process of formation of the image of a politician, the author concludes that the communicative strategies under consideration seem to be motivated, purposive and illocutionary bound.*

KEYWORDS: *communicative strategies; communicative tactics; image of a politician; political communication; political discourse; politicians; German language; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; German mass media; linguistic means; manipulation of consciousness; manipulative impact; political metaphors; political metaphorology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pogrebnyak Natal'ya Vladimirovna, Candidate of Philology Degree Applicant of Department of General Linguistics, Adyge State University; Lecturer of Department of Foreign Languages, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Pogrebnyak, N. V. The Communicative Strategies of Politician Image Formation in the German Media Discourse / N. V. Pogrebnyak // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 60-67. — DOI00000000000000000000.*

REFERENCES

1. Dimante, I. V. Toolkit of a Professional Communicator (methods of speech influence) / I. V. Diamante. — Text : unmediated // Communication Research. — Omsk : OSU named after F. M. Dostoevsky. — 2015. — No. 4 (6). — P. 52—64. [Instrumentariy professional'nogo kommunikatora (priemy rechevogo vozdeystviya) / I. V. Diamante. — Tekst : neposredstvennyy // Kommunikativnye issledovaniya. — Omsk : OGU im. F. M. Dostoevskogo. — 2015. — № 4 (6). — S. 52—64]. — (In Rus.)
2. Issers, O. S. Pasha — “Mercedes”, or Speech Strategy of Discrediting / O. S. Issers. — Text : unmediated // Bulletin of Omsk University. — 1997. — No. 2. — P. 51—54. [Pasha-«Mercedes», ili Rehevaya strategiya diskreditatsii / O. S. Issers. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Omskogo universiteta. — 1997. — № 2. — S. 51—54]. — (In Rus.)
3. Issers, O. S. Speech Impact : teaching aid / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science. — 2011. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka. — 2011. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers. — Moscow, 2008. — 288 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. — Moskva, 2008. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Klyuev, E. V. Speech Communication / E. V. Klyuev. — Moscow : Ripol Classic. — 2002. — 320 p. — Text : unmediated. [Rehevaya kommunikatsiya / E. V. Klyuev. — Moskva : Ripol Klassik. — 2002. — 320s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Komisarova, T. S. Mechanisms of Speech Influence and their Implementation in Political Discourse (based on the speeches of G. Schroeder) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol.

Sciences / Komisarova T. S. — Oryol, 2008. — 22 p. — Text : unmediated. [Mekhanizmy rechevogo vozdeystviya i ikh realizatsiya v politicheskom diskurse (na materiale rechey G. Shredera) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Komisarova T. S. — Orel, 2008. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Matveeva, G. G. Theory and Practice of Text Analysis in the Aspect of Hidden Pragmalinguistics : monograph / G. G. Matveeva, A. V. Butusova, O. E. Lomova, L. A. Moisenko, I. V. Odaryuk, N. Yu. Chigridova. — Rostov on Don : IUBiP, 2007. — Text : direct. [Teoriya i praktika analiza teksta v aspekte skrytoy pragmalingvistiki : monogr. / G. G. Matveeva, A. V. Butusova, O. E. Lomova, L. A. Moisenko, I. V. Odaryuk, N. Yu. Chigridova. — Rostov na Donu : IUBiP, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Mikhaleva, O. L. Political Discourse as a Sphere of Realization of Manipulative Influence : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Mikhaleva O. L. — Kemerovo, 2004. — 32 p. — Text : unmediated. [Politicheskiy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Mikhaleva O. L. — Kemerovo, 2004. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Parshina, O. N. Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Modern Political Elite of Russia : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. sciences / Parshina O. N. — Saratov, 2005. — 325 p. — Text : unmediated. [Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk / Parshina O. N. — Saratov, 2005. — 325 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Parshina, O. N. Russian Political Speech: Theory and Practice / Parshina O. N. — Moscow : Publishing house of LKI, 2007. — 232 p. — Text : unmediated. [Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika / Parshina O. N. — Moskva : Izd-vo LKI, 2007. — 232 s. — Tekst : neposredstven-

nyy]. — (In Rus.)

11. Pogrebnyak, N. V. Influencing Potential of Metaphor in Modern Political Media Discourse / N. V. Pogrebnyak. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2019. — No. 3 (136). — P. 118—125. [Vozdeystvuyushchiy potentsial metafory v sovremennom politicheskom mediadiskurse / N. V. Pogrebnyak. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2019. — № 3 (136). — S. 118—125]. — (In Rus.)

12. Pronina, E. S. Linguistic Means of Forming the Image of a Woman-politician in the English-language Press : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Pronina E. S. — Moscow, 2015. — 197 p. — Text : unmediated. [Yazykovye sredstva formirovaniya obraza zhenshchiny-politika v angloyazychnoy presse : dis. ... kand. filol. nauk / Pronina E. S. — Moskva, 2015. — 197 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Ruzhentseva, N. B. Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse / N. B. Ruzhentseva. — Ekaterinburg, 2004. — 294 p. — Text : unmediated. [Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse / N. B. Ruzhentseva. — Ekaterinburg, 2004. — 294 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Stepanov, I. S. Manipulations in Communication: Bad or Good? / I. S. Stepanov. [Manipulyatsii v obshchenii: plokho ili khorosho? / I. S. Stepanov]. — URL: <http://ilyastepanov.ru/blog/manipulyatsii-emotsii.html> (date of access: 31.01.2020). — Text : electronic.

15. Trufanova, I. V. On the Differentiation of Concepts: Speech Act, Speech Genre, Speech Strategy, Speech Tactics / I. V. Trufanova. — Text : unmediated // Philological Sciences. — 2001. — No. 3. [O razgranichenii ponyatii: rechevoy akt, rechevoy zhanr, rechevaya strategiya, rechevaya taktika / I. V. Trufanova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. — 2001. — № 3]. — (In Rus.)

16. Formanovskaya, N. P. Communicative and Pragmatic Aspects of Communication Units / N. P. Formanovskaya. — Moscow : Institute of Rus. Lang., 1998. — 291 p. — Text : unmediated. [Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshche-

niya / N. P. Formanovskaya. — Moskva : In-t rus. yaz., 1998. — 291 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Khanina, E. A. Formation of A Positive Image of a Politician in the Implementation of the Communicative Strategy of Exaltation / E. A. Khanina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2013. — No. 4 (46). — P. 156—161. [Formirovanie polozhitelnogo imidzha politika pri realizatsii kommunikativnoy strategii prevozneseniya / E. A. Khanina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2013. — № 4 (46). — S. 156—161]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Selenskijs Feuertaufe. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-gipfel-praesident-wolodymyr-selenskiy-trifft-erstmal-auf-wladimir-putin-a-1300282.html> (date of access: 31.01.2020). — Text : electronic.

20. Serbiens Präsident Vucic: “Ich würde in Brüssel gehängt”. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/serbiens-praesident-aleksandar-vucic-im-interview-ich-wuerde-in-bruessel-gehaengt-a-1297524.html> (date of access: 31.01.2020). — Text : electronic.

21. Sigmar, Gabriel. Das große Abrechnungs-Interview mit der SPD / Gabriel Sigmar. — URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/sigmar-gabriel-das-grosse-abrechnungs-interview-mit-der-spd-63278060.bild.html> (date of access: 13.01.2020). — Text : electronic.

22. «Trump ist zu dumm, um sich zu verschwören». — URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/michael-wolff-fire-and-fury-autor-spricht-ueber-donald-trump-a-1193074.html> (date of access: 14.02.2018).

23. ZUKUNFT EUROPAS. Interview mit Angela Merkel: Europa muss handlungsfähig sein. — URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Interview/2018/06/2018-06-04-merkel-fas.html> (date of access: 30.07.2018). — Text : electronic.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42
ББК Ш05.51
DOI

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

И. Г. Аникеева

Московский авиационный институт, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

 E-mail: february_02@mail.ru.

К вопросу об антропоцентрическом подходе к изучению метафоры

АННОТАЦИЯ. В форме обзора раскрывается роль антропоцентрического подхода к изучению метафоры в лингвополитологии. Антропоцентричность представляет собой научную парадигму и понимается как принцип познания реальной действительности, окружающей нас. В лингвистике антропоцентризм восходит к трудам Вильгельма фон Гумбольдта, который подчеркивал, что познание человека нельзя считать полным без изучения языка, которым владеет субъект (долгое время в науке доминировал иной подход, основанный на идеях системоцентризма, сформулированный Ф. де Соссюром: к языку нужно относиться как к наивысшей абстракции; сейчас эти кажущиеся противоположными направления исследований являются взаимодополняющими). Сегодня антропоцентризм можно рассматривать в трех аспектах: 1) как метод анализа языковых явлений; 2) как проявление антропоморфизма; 3) как методологический поиск, направленный на преодоление влияния философии позитивизма в лингвистике и проявляющийся в отказе от естественно-научной модели описания явлений языка. Данный научный подход актуализируется при изучении метафор. Среди различных функций, выполняемых метафорой, невозможно выделить какую-либо доминантную (к таким функциям относятся, например, конспирирующая, эмоционально-оценивающая, ритуальная, познавательная, или когнитивная, оценочная, смыслообразующая, риторическая, концептуальная). Перечисляются имена российских специалистов по политической метафорологии, отмечается вклад в эту область научной школы, созданной в Уральском государственном педагогическом университете. Метафоры ярко представляют ценности, важные для человека. В контексте анализа метафоры как языкового явления, функций, выполняемых метафорой, и самого процесса метафоризации необходимо выделить важность изучения связи языка и мышления. В статье делается вывод о том, что для получения максимально полного описания человека необходимо рассмотрение лингвистической природы человека наряду с его социальной, индивидуально-психологической и биологической составляющими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; антропоцентрический подход; антропоцентризм; лингвополитология; лингвоперсоналогия; когнитивная лингвистика; концепты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Аникеева Ирина Годерзовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Лингвистика и переводоведение», Московский авиационный институт; 118263, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, 5 А; e-mail: anikeeva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аникеева, И. Г. К вопросу об антропоцентрическом подходе к изучению метафоры / И. Г. Аникеева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 68-72. — DOI.

Метафора широко применяется в текстах самых различных функциональных стилей, в том числе военных, авиационных, экономических, исторических, дипломатических, технических и других специальных текстах.

Метафора, отражая жизненный опыт индивида, его мировоззренческий взгляд на реальную действительность, которая непосредственно окружает его, представляет собой сложное языковое явление. Метафора выполняет множество функций. Подчеркнем, что среди самых различных функций, выполняемых метафорой, невозможно выделить какую-либо доминантную.

Отметим некоторые из функций метафоры, важные с точки зрения рассматриваемой в статье темы. Мы опирались на список выполняемых метафорой функций, выделенных в работе Т. Г. Поповой [Попова 2003: 283]. Среди них следует указать такие, как

конспирирующую, эмоционально-оценивающую, ритуальную, познавательную, или когнитивную, оценочную, смыслообразующую, риторическую, концептуальную и другие.

При исследовании метафоры мы обращаем внимание на то обстоятельство, что это языковое явление антропоцентрично. При этом подчеркнем, что под антропоцентричностью мы понимаем научную парадигму как принцип познания реальной действительности, окружающей нас. Антропоцентризм, считающий человека главным звеном языковой действительности, является одним из ключевых направлений современного языковедения. Можно сказать, что антропоцентрический подход в лингвистике описывает язык в действии с учетом самого субъекта.

В этой связи считаем небесполезным привести наблюдение В. С. Ли [Ли 2014: 375], сделанное в статье «О лингвоцентри-

ческом и антропоцентрическом подходах к языку (к вопросу о человеческом факторе в языке)». Согласно данному исследователю, для получения максимально полного описания человека, его интересов и предпочтений, действий, чаяний и желаний необходимо рассмотрение лингвистической природы человека наряду с его социальной, индивидуально-психологической и физико-биологической составляющими.

Принципы антропоцентризма описывал Вильгельм фон Гумбольдт, подчеркивая мысль, что познание человека нельзя считать полным без изучения языка, которым владеет субъект. Нужно констатировать, что, в отличие от Вильгельма фон Гумбольдта, основоположник системцентризма Фердинанд де Соссюр придерживался противоположной точки зрения, согласно которой к языку нужно относиться как к наивысшей абстракции.

Может создаться впечатление, что взгляды Вильгельма фон Гумбольдта и Фердинанда де Соссюра входят в противоречие друг с другом и соответственно идеи системцентризма и антропоцентризма противопоставляются друг другу. Однако эти направления изучения языка, делая акцент на том или ином языковом явлении, наоборот, дополняют друг друга, и, следовательно, их совместное использование позволяет получить более полное понимание особенностей языка.

На современном этапе развития лингвистики об антропоцентризме можно говорить 1) как о методе анализа языковых явлений; 2) антропоморфизме и 3) методологическом поиске, который «имеет самое непосредственное отношение к преодолению философии позитивизма в лингвистике и, соответственно, проявляющем себя в отказе от естественно-научной модели языковедческого описания» [Татаринцева 2011: 45].

Итак, мы приходим к заключению, что антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений как особый принцип анализа языкового материала заключается в описании интересующих науку предметов и объектов на основе выполняемой ими роли в деятельности человека, их функции и назначения. Иначе говоря, антропоцентрический подход к исследованию языковых систем подталкивает к анализу роли человеческого фактора в языке.

Антропоцентрический подход проявляется в исследованиях метафоры, в том числе политической метафоры. Изыскания в сфере политической метафорологии в отечественной лингвистике начались с фундаментальных работ таких ученых, как А. Н. Баранов [Баранов 2001], Ю. Н. Карау-

лов [Караулов 1987], А. П. Чудинов [Чудинов 2001] и других лингвистов. Отмечается большой интерес к политической метафоре как со стороны российских, так и зарубежных исследователей. Так, например, значительный вклад в изучение данной проблематики внесла школа политической метафорологии, созданная в Уральском государственном педагогическом университете А. П. Чудиновым [Чудинов 2001; 2003; 2009; 2012; Будаев 2001; 2006; 2008; Ворошилова 2013 и др.].

Кроме того, необходимо назвать работы по политической лингвистике таких авторов, как Е. И. Шейгал [Шейгал 2000], Т. Г. Попова и Е. В. Курочкина [Попова 2009, 2014, 2015; Popova, Kurochkina 2014]. Их исследования являются значимыми в изучении метафоры и процессов метафоризации, в частности политической метафорологии.

Названные работы убедительно показывают, что метафора ярко и образно аккумулирует важные для человека ценности. Необходимым условием понимания и адекватного объяснения природы человека является изучение взаимосвязи мышления и языка. Рассмотрение этой связи, с нашей точки зрения, является важным аспектом при анализе метафоры как языкового явления, функций, выполняемых метафорой, и самого процесса метафоризации. Об этом свидетельствуют труды многих ученых, занимающихся исследованиями в области метафоризации; особо хотелось бы выделить работы Дэвида Юма [Юм 1996: 379].

Таким образом, в статье обоснована важность антропоцентрического подхода в изучении метафоры как явления языка и сделан вывод, что метафора является важным элементом речезыковой деятельности. Метафора обогащает нашу речь, делает ее образной, яркой, красочной, способствуя тому, что индивидуальность человека раскрывается более полно и многогранно. Также мы пришли к выводу о том, что метафора, с одной стороны, помогает закодировать передаваемую информацию, а с другой — способствует декодированию получаемой информации на основе нашего жизненного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Политическая лингвистика / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 402 с.
2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Будаев Э. В. ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2010. — Текст : непосредственный.
3. Будаев, Э. В. Методология политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Зарубежная политическая лингвистика : учебное пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — С. 42—68.
4. Будаев, Э. В. Методология современной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непо-

средственный // Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 34—52.

5. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 194 с.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 257 с. — Текст : непосредственный.

8. Ли, В. С. О лингвоцентрическом и антропоцентрическом подходах к языку (к вопросу о человеческом факторе в языке) / В. С. Ли. — Текст : непосредственный // Интеграция отечественной науки в мировую: проблемы, тенденции и перспективы. — Москва : Научное обозрение, 2014. — С. 375.

9. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : моногр. / Т. Г. Попова. — Москва, 2003. — 176 с. — Текст : непосредственный.

10. Попова, Т. Г. Интеграция языка и культуры как культурологическая реальность в процессе перевода / Т. Г. Попова. — Текст : непосредственный // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст : материалы III Межвуз. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (26 июня 2009 года — Военный университет. Факультет иностранных языков). — Москва : Военный университет, 2009. — С. 361—372.

11. Попова, Т. Г. Метафора в концептуальной системе / Т. Г. Попова. — Текст : непосредственный // Языки и культуры в современном мире: XI Междунар. конф. Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ) / НОПриЛ ; Постоянное представительство России при ЮНЕСКО ; Посольство Российской Федерации во Франции (г. Париж) ; Российский центр науки и культуры в Париже. — Париж, 2014. — С. 178—187.

12. Попова, Т. Г. Metaphor as a mental and language mechanism / Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина. — Текст : непосредственный // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения : сборник статей и научных сообщений Меж-

дународного научного семинара (26 октября 2014 года — 2 ноября 2014 года). — Прага, Чешская Республика, 2015. — С. 174—178. = Jazyk, literatura a kultura jako prostor mezinárodní komunikace: Sborník přednášek Mezinárodní vědecký seminář (26. října 2014 — 2. listopadu 2014). — Praha, Česká republika, 2015. Str. 174—178. = Cross-cultural communication and translation questions // Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. — November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. — P. 174—178.

13. Татаринцева, Е. Н. О некоторых теоретико-методологических вопросах современной антропоцентрической лингвистики / Е. Н. Татаринцева. — Текст : непосредственный // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2011. — № 1. — С. 45.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2001. — 328 с. — Текст : непосредственный.

15. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

16. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с. — Текст : непосредственный.

17. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.

18. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 359 с.

19. Юм, Дэвид. Сочинения : в 2 томах. Т. 1 / Дэвид Юм. — Москва, 1996. — 436 с.

20. Popova, T. G. Metaphor as a language and mental mechanism in artwork / T. G. Popova, Y. V. Kurochkina // Language and culture. Academic periodical journal / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "National Research Tomsk State University". — 2014, Tomsk. — Number 2. — P. 68—76.

I. G. Anikeeva

Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

 E-mail: february_02@mail.ru.

On the Anthropocentric Approach to the Study of Metaphor

ABSTRACT. *The article is an overview of the works dealing with the role of the anthropocentric approach to the investigation of the metaphor in linguopolitology. Anthropocentricity is a scientific paradigm and is interpreted as a principle of cognition of the world of reality around us. In linguistics, anthropocentrism goes back to the works of Wilhelm von Humboldt who stressed that human cognition cannot be considered complete without studying the language the subject speaks (for a long time, science was dominated by another approach based on the ideas of systemocentrism formulated by Ferdinand de Saussure: language should be treated as a highest abstraction; nowadays, these seemingly opposite approaches in scientific research are treated as mutually complementing each other). Today, anthropocentrism can be considered from three perspectives: 1) as a method of analysis of linguistic phenomena; 2) as a manifestation of anthropomorphism; 3) as a methodological search aimed at overcoming the influence of the positivist philosophy in linguistics and manifested in rejection of the natural-scientific model of description of linguistic phenomena. This scientific approach is used for studying metaphors. The functions performed by the metaphor include the hiding, emotional-evaluative, ritual, cognitive, axiological, sense-forming, rhetorical and conceptual ones. It is impossible to single out a dominant function out of them. The article mentions the names of the leading Russian specialists in political metaphorology and states the contribution to this field made by the metaphorological school created at the Ural State Pedagogical University. The metaphors saliently express the values important for the person. In the contexts of analysis of the metaphor as a linguistic phenomenon, of the functions performed by metaphors and the process of metaphorization itself it is necessary to stress the importance of investigation of the connections between language and thought. The article makes a conclusion that to achieve a maximally complete description of a person, it is necessary to consider the linguistic nature of man alongside their social, individual-psychological and biological constituents.*

KEYWORDS: metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models; anthropocentric approach; anthropocentrism; linguopolitology; linguopersonology; cognitive linguistics; concepts.

AUTHOR'S INFORMATION: Anikeeva Irina Goderzovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of

FOR CITATION: Anikeeva, I. G. On the Anthropocentric Approach to the Study of Metaphor / I. G. Anikeeva // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 68-72. — DOI.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Political linguistics // Introduction to applied linguistics : textbook. — Moscow : Editorial URSS, 2001. — 402 p. — Text : unmediated. [Politicheskaja lingvistika // Vvedenie v prikladnuju lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Jeditorial URSS, 2001-402 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
2. Budaev Je. V. Comparative political metaphorology : author-abstr. dis. ... Dr. Filol. Sciences / USPU. — Ekaterinburg, 2010. — Text : unmediated. [Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologija : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / UrGPU. — Ekaterinburg, 2010. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
3. Budaev Je. V., Chudinov A. P. Methodology of political linguistics // Foreign political linguistics: textbook. — Moscow : Flinta : Science, 2008. — P. 42—68. — Text : unmediated. [Metodologija politicheskaj lingvistiki // Zarubeznaja politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie. — M.: Flinta: Nauka, 2008. S. 42—68. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
4. Budaev Je. V., Chudinov A. P. Methodology of modern political linguistics // Modern Political Linguistics : textbook. — Yekaterinburg : Ural State University Publishing House, 2006. — P. 34—52. — Text : unmediated. [Metodologija sovremennoj politicheskaj lingvistiki // Sovremennaja politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2006. S. 34—52. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
5. Voroshilova M. B. Political Creole Text: Reading Keys : Monograph. — Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2013. — 194 p. — Text : unmediated. [Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju: Monografija. — Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2013.-194 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
6. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. — Volgograd, 2002. — 477 p. — Text : unmediated. [Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. — Volgograd, 2002. — 477 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
7. Karaulov Ju. N. Russian language and linguistic personality / Yu. N. Karaulov. — Moscow : Science, 1987. — 257 p. — Text : unmediated. [Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Ju. N. Karaulov. — Moskva: Nauka, 1987. — 257 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
8. Li V. S. About linguocentric and anthropocentric approaches to language (to the question of the human factor in language) // Integration of Russian science into the world: problems, trends and prospects. — Moscow : Scientific Review, 2014. — P. 375. — Text : unmediated. [O lingvocentricheskom i antropocentricheskom podhodah k jazyku (k voprosu o chelovecheskom faktore v jazyke) // Integracija otechestvennoj nauki v mirovujuju: problemy, tendencija i perspektivy. — M.: Nauchnoe obozrenie, 2014. — S. 375. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
9. Popova T. G. National-cultural semantics of the language and cognitive-socio-communicative aspects (based on English, German and Russian languages) : Monograph. — Moscow, 2003. — 176 p. — Text : unmediated. [Nacional'no-kul'turnaja semantika jazyka i kognitivno-sociokomunikativnye aspekty (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov): Monografija. — M. 2003. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
10. Popova T. G. Integration of language and culture as a cultural reality in the translation process // Spaces and language metaspheres: Structure, discourse, metatext : Materials of the III Interuniversity Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication Theory (June 26, 2009 — Military University. Department of Foreign Languages). — Moscow : Military University, 2009. — P. 361—372. — Text : unmediated. [Integracija jazyka i kul'tury kak kul'turologičeskaja real'nost' v processe perevoda // Prostranstva i metasfery jazyka: Struktura, diskurs, metatekst: Materialy III Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii po aktual'nym problemam teorii jazyka i komunikacii (26 ijunya 2009 goda — Voennyj universitet. Fakultet inostrannyh jazykov). — M.: Voennyj universitet, 2009. — S. 361—372. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Popova T. G. Metaphor in the conceptual system // Languages and cultures in the modern world: XI International Conference of the National Society of Applied Linguistics (NOPriL) / NOPriL ; Permanent Mission of Russia to UNESCO. Embassy of the Russian Federation in France (Paris). Russian Center for Science and Culture in Paris. — Paris, 2014. — P. 178—187. — Text : unmediated. [Metafora v konceptual'noj sisteme // Jazyki i kul'tury v sovremennom mire: XI Mezhdunarodnaja konferencija Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki (NOPriL). Postojannoe predstavitel'stvo Rossii pri JuNESKO. Posol'stvo Rossijskoj Federacii vo Francii (g. Parizh). Rossijskij centr nauki i kul'tury v Parizhe. — Parizh, 2014. — S. 178- 187. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
12. Popova T. G., Kurochkina E. V. Metaphor as a mental and language mechanism // Cross-cultural communication and translation questions // Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. — November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. — P. 174—178. — Text : unmediated. [Jazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshhenija: Sbornik statej i nauchnyh soobshhenij Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru (26 oktjabrja 2014 goda — 2 nojabrja 2014 goda). — Praga, Cheshskaja Respublika, 2015. — S. 174—178. // Jazyk, literatura a kultura jako prostor mezinárodní komunikace: Sbornik přednášekju Mezinárodní vědecký seminář (26.října 2014 — 2. listopadu 2014). — Praha, Česká republika, 2015. Str. 174—178.
13. Tatarinceva E. N. About some theoretical and methodological issues of modern anthropocentric linguistics // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. — No. 1, 2011. P. 45. — Text : unmediated. [O nekotoryh teoretiko-metodologičeskix voprosah sovremennoj antropocentricheskaj lingvistiki // Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava. — № 1, 2011, S.45. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
14. Chudinov A. P. Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991—2000) : Monograph / Ural State Pedagogical University. — Ekaterinburg, 2001. — 328 p. — Text : unmediated. [Rossija v metaforičeskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskaj metafor (1991-2000) : Monografija / Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. — Ekaterinburg, 2001. — 328 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
15. Chudinov A. P. Metaphorical mosaic in modern political communication : Monograph / Ural State Pedagogical University. — Yekaterinburg, 2003. — 248 p. — Text : unmediated. [Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj politicheskaj komunikacii: Monografija / Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. — Ekaterinburg, 2003. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
16. Chudinov A. P. Modern political communication: Textbook / Resp. Ed. A. P. Chudinov / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2009. — 292 p. — Text : unmediated. [Sovremennaja politicheskaja komunikacija: Uchebnoe posobie / Otv. Red. A. P. Chudinov / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2009. — 292 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
17. Chudinov A. P. Political Linguistics : Textbook. — 4th ed. — Moscow : Flinta : Science, 2012. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie. — 4-e izd. — Moscow : Flinta : Nauka, 2012. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
18. Shejgal E. I. The semiotics of political discourse. — Volgograd : Change, 2000. — 359 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd: Peremena, 2000. — 359 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
19. Jum Djevid. Works in two volumes. T. 1. — Moscow, 1996. — 436 p. — Text : unmediated. [Sochinenija v dvuh tomah. T.1, M., 1996. —436 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
20. Popova T. G., Kurochkina Y. V. Metaphor as a language and mental mechanism in artwork // Language and culture. Academic periodical journal / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "National Research

Н. Г. Бурмакина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2102-4258

Л. В. Куликова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1622-8304

Я. В. Попова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7321-7102

 E-mail: nburmakina@mail.ru, kulikova_l@list.ru, yanapopov@yandex.ru.

Интернационализация опыта клинической лингвистики: анализ европейских подходов к тестированию речевых нарушений афазического типа

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме патологии речевой деятельности, возникающей при локальных поражениях мозга, и анализу тестов, применяемых в европейских странах для диагностирования афазических расстройств. Цель исследования состоит в обзоре четырех методик, две из которых прошли полномасштабную апробацию и широко применяются для тестирования речи пациентов с афазиями (Аахенский афазиологический тест и западная афазиологическая батарея); две другие (тест-сценарий и протокол исследования металингвистических навыков при афазии) были созданы относительно недавно и отражают современное состояние клинической лингвистики, а также новые направления поиска эффективных нейролингвистических инструментов работы с людьми, страдающими распадом речевого мышления. Применяется описательный метод исследования. Изучение показало, что типологии нарушений речевой деятельности, возникающих при повреждениях коры головного мозга, в европейских странах отличаются от принятых в отечественной традиции классификаций афазических расстройств. Отмечается, что существует проблема расхождений в постановке диагнозов при использовании различных методик. Очевидным является культурно-специфичный маркер диагностики в соответствии с исследовательскими традициями стран и когнитивно-ментальными особенностями пациентов, говорящих на разных языках. Современные подходы к работе с афазиями в европейской науке лежат в сфере нейропрагматики, исследовании метаязыковых умений и аугментативной/альтернативной коммуникации. Перспективы диагностики речевой локализации в мозге лежат в комбинировании методов нейропсихологии и нейровизуализации и в использовании искусственного интеллекта. Актуальность проблемы постинсультного распада механизмов речевой деятельности требует объединения усилий логопедов, лингвистов, неврологов, нейропсихологов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нарушения речи; речевые нарушения; логопедия; афазиологические тесты; тесты-сценарии; афазии; клиническая лингвистика; речевая деятельность; патология речи; афазические расстройства; локальные поражения мозга.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бурмакина Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660042, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: nburmakina@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Куликова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660042, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: kulikova_l@list.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Яна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660042, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: yanapopov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бурмакина, Н. Г. Интернационализация опыта клинической лингвистики: анализ европейских подходов к тестированию речевых нарушений афазического типа / Н. Г. Бурмакина, Л. В. Куликова, Я. В. Попова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 73-80. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Восстановление способности к вербальной коммуникации, утраченной в результате нарушений функционирования отдельных зон мозга, обеспечивающих речевую деятельность, остается актуальной задачей в наши дни ^[1].

В настоящей работе предлагается анализ афазиологических тестов, используемых в европейских странах для исследования распада речевого мышления, возникающего в результате нарушений мозгового кровообращения.

Отечественными нейропсихологами и нейролингвистами создано значительное

© Бурмакина Н. Г., Куликова Л. В., Попова Я. В., 2020

количество валидных инструментов для выявления афазий^[2] [Цветкова 1988; Вассерман и др. 1997; Визель 2005], однако поиск новых эффективных методик продолжается [Солоухина и др. 2017; Прокопенко и др. 2010; Котов, Щербакова 2017]. Рассмотрение существующих альтернативных вариантов обследования для оценки сохранности мозговых механизмов понимания и порождения речи позволит внести определенный вклад в развитие отечественной клинической лингвистики.

В статье представлены четыре методики: Аахенский афазиологический тест и Западная афазиологическая батарея, созданные в 80-х гг. прошлого века и нашедшие широкое применение при тестировании речи людей, страдающих афазией; тест-сценарий и протокол исследования естественных металингвистических навыков при афазии отражают новые направления поиска эффективных инструментов работы с пациентами с речевыми нарушениями.

ОПИСАНИЕ ТЕСТОВЫХ ДИАГНОСТИК

Аахенский афазиологический тест (Der Aachener Aphasie-Test, AAT) был разработан в 1983 г. в Рейнско-Вестфальском техническом университете г. Ахена. Его авторами выступили В. Хубер, К. Поэк, Д. Венигер и К. Вильмес [Huber и др. 1983]. Тест нашел широкое применение среди логопедов, клинических лингвистов и врачей в Германии и других немецкоговорящих странах; позднее были созданы версии для английского [Miller 2000], португальского [Lauterbach 2008] и других европейских языков.

Тест позволяет констатировать наличие афазии; диагностировать один из четырех типов афазиологического синдрома (глобальная афазия, афазия Брока, афазия Вернике, амнестическая афазия); идентифицировать наличие афазии, не попадающей в классификацию, и другие нарушения речи; оценить степень выраженности дефекта (легкая, средняя, тяжелая степень); выполнить сравнительный анализ в динамике речевой реабилитации.

Тест включает шесть разделов, анализирующих степень выраженности распада речевого мышления. Успешное выполнение каждой пробы оценивается по шкале от нуля до трех баллов.

Первый раздел контролирует способность к спонтанной устной коммуникации (Spontaneous language rating). Тестирующий задает ряд открытых личностно ориентированных вопросов. Тематика вопросов — семья, профессия и другие, на основе которых проверяется адекватность коммуникативного поведения, артикуляция, просодические

характеристики, использование языковых автоматизмов, корректность семантических структур, правильность синтаксических структур. Фиксируется наличие эхоталий, лексических и вербальных парафазий, повторов, темп речи и латентный период поиска необходимых номинаций.

Следующий субтест направлен на контроль понимания звучащей речи, способность к концентрации внимания и сохранность когнитивных способностей (Token Test). Испытуемому предъявляется ряд геометрических фигур разных цветов, он должен показать определенные фигуры какого-либо конкретного цвета, следуя устной инструкции. Шкала оценивания включает два варианта: правильно/неправильно. Данный субтест позволяет выявить наличие коморбидных с афазией расстройств.

Третий субтест проверяет способность к отраженной речи (Repetition). Испытуемый должен повторить изолированные звуки, односложные слова, слова иностранного происхождения, сложные слова и целые предложения. Принимается во внимание качество произношения.

Четвертый субтест контролирует навыки владения письменной речью (Written Language). Испытуемому предлагается прочитать отдельные лексемы и предложения вслух; составить из напечатанных отдельно элементов слова и высказывания под диктовку, написать диктант. В общей сложности предъявляются 10 заданий.

Следующий субтест направлен на выявление синдрома номинативных трудностей (Naming). Испытуемому предлагается выполнить ряд проб — назвать изображенный предмет, цвет, составить предложение к визуальному стимулу, описать ситуацию, изображенную на рисунке. Каждая следующая проба стимулирует производство более сложной речевой продукции.

Шестой субтест направлен на проверку понимания звучащей речи (Comprehension). Испытуемому предлагается серия из четырех изображений, он должен выбрать рисунок, который соответствует предъявляемому устно слову либо предложению. Всего субтест включает десять серий изображений.

Результаты токен-теста и проверки письменной речи в совокупности визуализируются при помощи графика и используются для диагностирования наличия афазии и степени выраженности дефекта. Далее баллы, полученные за каждый из субтестов, сопоставляются со специально разработанными шкалами, что позволяет диагностировать тип афазии. Для оценки результатов используется компьютерная программа ALLOC.

Западная афазиологическая батарея (Western Aphasia Battery, WAB) была разработана британским афазиологом, сотрудником Центра когнитивной неврологии и исследований болезни Альцгеймера в лондонском госпитале Святого Иосифа Э. Кертесом, первые материалы о ее использовании были опубликованы в 1982 г. [Risser, Spreen 1985].

Батарея тестов используется в работе с англоговорящими пациентами, позволяет диагностировать наличие, тип и степень выраженности афазии; позволяет поставить топический диагноз, также применяется для оценки эффективности восстановления речи.

Классификация типов афазии, на диагностику которых направлена Западная афазиологическая батарея: глобальная; Брока; изоляционная, транскортикальная сенсорная; проводниковая; амнестическая; транскортикальная моторная; Вернике; смешанная; неклассифицируемая.

Батарея включает субтесты, оценивающие информационное содержание речи пациента, беглость, способность к аудированию, отраженной речи, называнию предметов, чтение, письмо; также невербальные способности: рисование, визуальное мышление, праксис.

Тест начинается с оценки способности говорить спонтанно, что проверяется шестью общими вопросами (*How are you today? What is your occupation?* и др.) и описанием изображения жанрового фрагмента (*Tell me what you see. Try to talk in sentences*). При слишком лаконичном описании тестируемого просят высказаться более развернуто. Полученные ответы анализируются для оценки содержания (0—10 баллов). Учитывается, на какое количество вопросов были даны ответы, сложность и развернутость предложений при описании изображения. Также данное задание используется для оценки беглости речи (0 до 10 баллов).

Понимание речи на слух (аудирование) проверяется 20 альтернативными вопросами, относящимися к ориентации личности, окружению и общим знаниям (*Is your name Smith? Is the door closed? Is a horse larger than a dog?*). При ответе на альтернативные вопросы достаточным является использование соответствующего жеста. Также контролируется сохранность узнавания слов. Используются карточки с изображением объектов, чисел, букв, частей тела, геометрических фигур. Узнавание слов проверяется через указание на необходимое изображение или реальный объект. Озвучивание осуществляет проверяющий (*Show me the...*). При назывании частей тела задание усложняется, испытуемый должен правильно вы-

брать между правой и левой ногой, рукой и т. д. Следующее задание заключается в выполнении озвучиваемых команд (*Shut your eyes. Put the pen on top of the book then give it to me*).

Способность к отраженной речи проверяется через предъявление 15 субтестов, первый из которых представлен одним словом, последний сложным предложением, неестественным для языка. При оценивании принимается во внимание артикуляционная корректность реакций испытуемого.

Тест на наличие номинативных трудностей включает называние объектов (животных), завершение предложения и ответы на вопросы. В случае грубого отчуждения смысла слова испытуемому предоставляется поддержка.

Выполнение названных выше лингвистических тестов занимает в среднем 1,5 часа. Проверка других навыков проводится отдельной сессией. Контролируется чтение, письмо, сохранность неязыковых когнитивных способностей (рисование, счет, выбор правильного геометрического узора) и праксис.

Задания на чтение включают выполнение прочитанных команд, сопоставление написанных слов и изображений, распознавание букв.

Выполнение всех субтестов позволяет получить в общей сложности 100 баллов. Количество баллов от 76 и выше свидетельствуют о легкой, 51—75 — средней, 26—50 — тяжелой, 0—25 — крайне тяжелой степени выраженности афазии. Результат в 93 и более баллов свидетельствует об отсутствии афазии у тестируемого.

Тест-сценарий (The Scenario Test) был разработан в Нидерландах, первые результаты его применения опубликованы в 2010 г. Авторами выступили I. Van der Meulen, W. M. E. van de Sandt-Koenderman, H. J. Duijvenvoorden, G. M. Ribbers [Van der Meulen и др. 2010]. В настоящее время осуществляется апробация немецкоязычной версии.

Тест разработан для оценки способности к коммуникации пациентов с тяжелыми формами афазии. Инновационный характер данной методики заключается в ориентации на мультимодальное общение, использование не только вербальных, но и компенсаторных невербальных форм взаимодействия. При создании тестовых заданий опора была сделана на повседневные коммуникативные ситуации. Процедура тестирования проходит в форме интеракции с подчеркнута заинтересованным, поддерживающим партнером по общению.

Тест является частью терапевтической работы с пациентом, направленной на раз-

витие навыков аугментативной альтернативной коммуникации [Jacobs 2004]. Человека с тяжелыми нарушениями речи обучают использовать весь арсенал невербальных коммуникативных средств (жесты, рисование, коммуникативные тетради), чтобы обеспечить возможность осуществлять интеракцию в повседневной жизни. Таким образом тест позволяет проверить, в какой степени человек способен отправлять коммуникативные сообщения, используя любые доступные каналы коммуникации.

Пациенты с выраженными нарушениями механизмов понимания и порождения речи утрачивают способность к коммуникативной независимости. Успех взаимодействия с ними напрямую зависит от поведения коммуникативного партнера, от его готовности к мультимодальному общению. Этот фактор стал причиной выбора тестовых методик, осуществляемых исключительно в формате диалога с применением широкого спектра как остаточных вербальных, так и невербальных средств (письмо, рисование, жесты и др.) с предоставлением дискурсивной поддержки проверяющим.

Тест представлен 18 заданиями, репрезентующими 6 повседневных для жителя Нидерландов ситуаций (совершение покупок, посещение врача, поездка в такси, встреча с друзьями, коммуникация с сиделкой, ужин в ресторане). Например, ситуация «в ресторане» включает следующие задания: 1. «Вы с друзьями обедаете в ресторане, Вам необходимо в туалет, как Вы задаете вопрос официанту». 2. «Вы хотите посмотреть меню, как Вы попросите принести его Вам?» 3. «Вам подали суп, а ложку не принесли. Каковы Ваши действия?» При ответе на третий, например, вопрос достаточно, чтобы пациент сделал жест «есть ложкой», чтобы передать сообщение «Мне нужна ложка». Тестирующий формулирует задание устно, затем пациенту демонстрируется черно-белый рисунок, репрезентирующий ситуацию, для облегчения понимания вопроса. Далее тестируемого просят ответить на вопрос. Если он затрудняется, ему предоставляется коммуникативная помощь в соответствии с регламентом проведения теста. Каждый ответ оценивается по шкале от 0 до 3 баллов. Три балла выставляются, если отвечающий смог передать ключевой элемент, содержащийся в вопросе, без дополнительной помощи, канал передачи сообщения не играет роли; если отвечающему потребовалась помощь в переходе к альтернативным каналам коммуникации, ему озвучили предложение показать жестом, нарисовать и т. д., после чего он справился с

заданием, выставляются 2 балла; если пациент не может сам передать сообщение, но адекватно отвечает на альтернативные вопросы «да/нет», ставится один балл; если ответ ни в какой форме не последовал, в том числе на вспомогательные альтернативные вопросы, ставится 0 баллов. Вся процедура фиксируется на видео, оценка выставляется в результате его просмотра, что позволяет не пропустить отдельные невербальные вклады отвечающего. Максимальное количество баллов равно 54. Кроме количественной оценки, проводится качественный анализ, в результате которого отмечается, какой канал общения является для пациента предпочтительным; насколько эффективно человек пользуется этим каналом; легкость перехода от одного модуса к другому; объем и качество помощи, предоставляемой партнером по коммуникации; понимание повседневных сценариев. Данный профиль позволяет сформулировать задачи для восстановительного обучения коммуникации.

Данный тест не контролирует сохранность речевой функции, а скорее выявляет, в какой степени пациент с афазией способен компенсировать дефицит вербального общения другими формами коммуникации. Он применим для оценки прогресса в работе с пациентами, которые получают минимальное количество баллов при использовании других диагностических методик (например, Аахенского афазиологического теста).

Протокол исследования металингвистических навыков при афазии (Protocolo de exploración de habilidades metalingüísticas naturales en la afasia, MetAphAs) был разработан в Университете Валенсии. Результаты работы междисциплинарной группы, объединившей усилия исследователей психологии языка, логопедов и клинических лингвистов, были опубликованы в 2014 г. [Clari, Sacristán 2014].

Данный тест позволяет оценить сохранность метакогнитивных функций у людей, страдающих афазией и другими расстройствами, возникающими в результате поражений мозга различной этиологии.

Разработчики теста считают, что он позволяет выявить сохранность внутренней речи и факторы, которые тормозят процесс преобразования ее во внешнюю речь.

Протокол включает шесть разделов:

- 1) контроль сохранности внутренней речи, способности к отложенной речи;
- 2) проверка способности использовать различные модусы коммуникации;
- 3) тестирование парафрастических навыков и связанных с ними феноменов;
- 4) контроль способности понимать и воспроизводить чужую (прямую и косвенную) речь;

5) оценка способности контролировать речь;

6) выявление способности обсуждать события, не мотивированные ситуацией.

Первый раздел посвящен контролю сохранности внутренней речи и навыка отложенной речи. Он реализуется в шести заданиях, включающих озвучивание по просьбе испытующего мыслей пациента, складывание пазлов с речевым сопровождением деятельности, повтор за испытующим фраз шепотом, чтение текста про себя с последующим обсуждением содержания, ответ на вопросы испытующего после двадцатисекундной паузы, отложенное (на 20 секунд) описание рецепта любимого блюда тестируемого.

Второй раздел направлен на выявление способности симультанно использовать различные модусы коммуникации. В него включены задания напеть мелодию популярной песни, произнести эмоционально интонированную фразу, воспроизвести по просьбе испытующего несколько высказываний с различным интонационным рисунком. Данный раздел включает также оценку невербальных средств коммуникации, используемых при выполнении всех иных заданий протокола, частоту и уместность употребления пациентом дискурсивных маркеров.

Третий раздел состоит из заданий, позволяющих выявить способность испытуемого перефразировать сказанное. В него входят следующие субтесты: формулирование дефиниции к словам, обозначающим конкретные предметы и абстрактные явления; описание цели использования изображенных предметов; оценивается наличие парафазий и наличие номинативных трудностей.

Следующий раздел контролирует способность понимать и воспроизводить чужую (прямую и косвенную) речь. В него входят следующие субтесты: тестируемый должен передать третьему лицу просьбу испытующего; передать прямую речь; принять на себя роль вымышленного персонажа и повторить за испытующим реплики этого персонажа, имитируя интонацию и другие просодические характеристики; пересказать прочитанный или услышанный нарратив.

Пятый раздел выявляет способность контролировать речь. В него включены следующие задания: деление слов на слоги; использование фразового ударения для выделения определенного слова в речевом потоке; разыгрывание ситуаций (разговор по телефону, работа с автоответчиком, диалог со знакомым и др.); намеренное совершение ошибки в речи по типу вербальной или литеральной парафазии; исправление ошибок в речи собеседника; завершение незакон-

ченной фразы; оценивание высказываний собеседника.

Последний раздел посвящен выявлению способности обсуждать события, не мотивированные ситуацией. В качестве заданий предлагается описать рисунок (визуальный стимул после минутного предъявления убирается); описать события, происходившие с испытуемым в недалеком прошлом (в течение последней недели); обсудить события, произошедшие в отдаленном прошлом (описание первого места работы испытуемого); обсудить события, которые произойдут в будущем (обсуждение планов на следующие выходные); принять на себя роли героя, изображенного на картинке, и говорить от его имени; назвать антонимы; выбрать из ряда предъявляемых визуальных стимулов изображения человека, испытывающего определенную эмоцию (страх, радость и т. д.); составить предложения с заданными словами; продуцировать высказывания, не соответствующие действительности; продуцировать ироничные высказывания.

Выполнение каждого субтеста оценивается по шкале от 0 до 4 баллов. Параллельно с тестированием пациента проводится опрос сопровождающего лица (родственника).

Тест MetAphAs, по мнению его создателей, может быть использован для оценки тяжести афазиологического синдрома и диагностирования различных форм афазий, однако основная цель его создания заключается в выявлении взаимосвязи между метакогнитивными процессами и вербальным поведением человека.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Представленный сопоставительный обзор позволяет выявить ряд проблем диагностики речевых нарушений, связанных с локальными поражениями мозга. Классификации афазиологических расстройств в разных научных школах, занимающихся изучением поражений речевого мышления, в значительной степени расходятся. Западные афазиологи опираются на отличную от традиционной в отечественной нейролингвистике и нейропсихологии типологию [Ахутина 2014: 162; Кинтанар 1992]. Не решена проблема валидации методов выявления афазий, «диагностические алгоритмы достаточно субъективны и во многом зависят от индивидуального опыта исследователя, что существенно затрудняет сопоставимость и воспроизводимость результатов» [Вассерман 1997: 30]. Несовпадение диагностических методик может приводить к расхождениям в постановке диагноза, что подтверждается, в частности, данными группы исследователей,

сопоставивших результаты использования Западной афазиологической батареи и Бостонского теста на афазию [Wertz 1984].

Создававшиеся в 1980-х гг. нейропсихологические тесты коррелировали с данными лингвистики соответствующего периода. Создатели современных методов имеют возможность опереться на опыт клинической лингвистики последних десятилетий. Активно развиваются такие междисциплинарные направления, как нейропрагматика [Douglas 2010; Büttner 2017]; исследования аугментативной/альтернативной коммуникации [Jacobs и др. 2004] и другие.

Перспективы развития диагностики речевой локализации в мозге очевидно лежат в комбинировании методов нейропсихологии и нейровизуализации [Коробкова и др. 2015], в применении искусственного интеллекта. Частотность мозгового инсульта делает актуальной междисциплинарную интеграцию врачей, нейропсихологов, логопедов, лингвистов для эффективного преодоления его последствий. Кроме того, сравнительный анализ тестовых методик, разрабатываемых учеными и практиками разных языковых культур, с очевидностью выявляет культурно-специфичный маркер диагностики в соответствии с исследовательскими традициями стран и когнитивно-ментальными особенностями пациентов из разных культур. Решение задачи эффективного восстановления утраченных способностей коммуникации возможно при междисциплинарном объединении усилий специалистов различных областей знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Увеличение средней продолжительности жизни ведет к повышению частотности инсультов, что обуславливает важность проблемы реабилитации больных с нарушениями высших психических функций. Ежегодно в мире более 6 млн человек переносят инсульт, в России — более 450 тыс. [Кадыков, Шахпаронова 2013: 76]. Исследователи отмечают, что 25—30 % инсультов сопровождаются различными по степени тяжести афазиями [Можейко 2008: 16].

[2] Афазия — «речевые нарушения, возникающие при локальных повреждениях мозга» [Лурия 1998: 392].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина, Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики / Т. В. Ахутина. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — Текст : непосредственный.
2. Вассерман, Л. И. Методы нейропсихологической диагностики : моногр. / Л. И. Вассерман, С. А. Дорофеева, Я. А. Меерсон. — Санкт-Петербург : Стройлеспечать, 1997. — Текст : непосредственный.
3. Визель, Т. Г. Нейропсихологическое блиц-обследование / Т. Г. Визель. — Москва : В. Секачев, 2005. — Текст : непосредственный.

4. Кадыков, А. С. Большой после инсульта на приеме у невролога / А. С. Кадыков, Н. В. Шахпаронова. — Текст : непосредственный // Медицинский совет. — 2013. — № 6. — С. 76—83.

5. Кинтанар, Р. Л. Современные представления в нейропсихологии об афазии, теории и методах восстановления речи в различных научных школах : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Кинтанар Р. Л. — Москва, 1992. — Текст : непосредственный.

6. Коробкова, Л. А. Номинация или артикуляция: ФМРТ-исследование / Л. А. Коробкова, Р. М. Власова, В. Е. Синицын, Е. В. Печенкова. — Текст : непосредственный // Когнитивная наука в Москве: новые исследования : материалы конференции / под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. — Москва, 2015. — С. 190—196.

7. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Москва : Издательство Московского университета, 1979. — Текст : непосредственный.

8. Можейко, Е. Ю. Восстановление речевых нарушений у постинсультных больных: актуальность, проблемы и перспективы / Е. Ю. Можейко. — Текст : непосредственный // Сибирское медицинское обозрение. — 2008. — № 2 (50). — С. 16—20.

9. Прокопенко, С. В. Оригинальный метод оценки корковых афазий и нейродинамических речевых нарушений с использованием компьютерного преобразования временных параметров речи в остром периоде инсульта / С. В. Прокопенко, Е. Ю. Можейко, Т. Г. Визель. — Текст : непосредственный // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. — 2010. — № 4 (2). — С. 40—43.

10. Солоухина, О. А. Разработка русского афазиологического теста (РАТ) для оценки речи: первые данные нормы и пациентов / О. А. Солоухина, О. В. Драгой, Ю. С. Акинина, Е. В. Искра, М. В. Худякова, Е. Г. Иванова, Т. В. Ахутина, М. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Когнитивная наука в Москве: новые исследования : материалы конференции / под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. — Москва, 2017. — С. 555—560.

11. Щербакова, М. М. Компьютерный скрининг-тест афазий / М. М. Щербакова, С. В. Котов. — Текст : непосредственный // Consilium Medicum. — 2017. — № 19 (2). — С. 24—26.

12. Цветкова, Л. С. Афазия и восстановительное обучение : учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов / Л. С. Цветкова. — Москва : Просвещение, 1988. — Текст : непосредственный.

13. Büttner, J. Neuropragmatik — Taxonomie von Kommunikationsstörungen und Diagnostik bei SHT / J. Büttner. — Text : unmediated // Aphasie und verwandte Gebiete. Aphasie et domaines associés. — 2017. — No. 1. — S. 31—45.

14. Clari, V. R. Protocolo de exploración de habilidades metalingüísticas naturales en la afasia (MetAphAs) / V. R. Clari, C. H. Sacristán. — Valencia : Universidad de Valencia, Nau llibres, 2014. — Text : unmediated.

15. Douglas, J. M. Relation of Executive Functioning to Pragmatic Outcome Following Severe Traumatic Brain Injury / J. M. Douglas. — DOI 10.1044/1092-4388(2009/08-0205). — Text : unmediated // Journal of Speech Language and Hearing Research. — 2010. — No. 53 (2). — P. 365—382.

16. Huber, W. Aachener Aphasia Test (AAT) / W. Huber, K. Poeck, D. Weniger, K. Willmes. — Göttingen ; Toronto ; Zürich : Verlag für Psychologie, 1983. — Text : unmediated.

17. Jacobs, B. Augmentative and Alternative Communication (AAC) for adults with severe aphasia: where we stand and how we can go further / B. Jacobs, R. Drew, B. T. Ogletree, K. Pierce. — Text : unmediated // Disability and Rehabilitation. — 2004. — No. 26 (21/22). — P. 1231—1240.

18. Lauterbach, M. Cross linguistic aphasia testing: The Portuguese version of the Aachen Aphasia Test (AAT) / M. Lauterbach, I. Pavão Martins, P. Garcia, J. Cabeça, A. C. Ferreira, K. Willmes. — Text : unmediated // Journal of the International Neuropsychological Society. — 2008. — No. 14. — P. 1046—1056.

19. Miller, N. The psychometric properties of the English language version of the Aachen Aphasia Test (EAAT) / N. Miller, K. Willmes, R. De Bleser. — Text : unmediated // Aphasiology. — 2000. — No. 7. — P. 683—722.

20. Risser, A. H. The western aphasia battery / A. H. Risser, O. Spreen. — Text : unmediated // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology, 1985. — No 7 (4). — P. 463—470. — DOI 10.1080/01688638508401277.

21. Van der Meulen, I. Measuring verbal and non-verbal communication in aphasia: reliability, validity, and sensitivity to change of the Scenario Test / I. Van der Meulen, W. M. E. van de Sandt-Koenderman, H. J. Duivenvoorden, G. M. Ribbers. —

Text : unmediated // International Journal of Language and Communication Disorders. — 2010. — No. 45. — P. 424—435.

22. Wertz, R. T. Classifying the Aphasias: A comparison of the Boston Diagnostic Aphasia Examination and the Western Aphasia Battery / R. T. Wertz, J. L. Deal, A. J. Robinson. — Text : unmediated // Clinical Aphasiology Conference proceedings / R. H. Brookshire (ed.). — 1984. — P. 40—47.

N. G. Burmakina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2102-4258

L. V. Kulikova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1622-8304

Y. V. Popova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7321-7102

 E-mail: nburmakina@mail.ru, kulikova_l@list.ru, yanapopov@yandex.ru.

Internationalization of Clinical Linguistics Experience: An Analysis of European Approaches to Testing Speech Disorders in Aphasia

ABSTRACT. *The article is devoted to the issue of speech pathology caused by focal lesions of the brain and analyzes diagnostic tests for aphasia used in European countries. The aim of the study is a comparative review of four testing systems. Two of them have passed significant approbation and are widely used for testing the speech of patients with aphasia (Aachen Aphasia Test (AAT) and Western Aphasia Battery (WAB)). The other two (Scenario Test and Protocol of Metalinguistic in Aphasia (MetAphAs)) have been created recently and reflect the current state of clinical linguistics, as well as new areas in the search for efficient neuro-linguistic tools for rehabilitation of people with disintegration of verbal thought. The descriptive method is used by the authors. The study shows that European classifications of speech disorders, caused by lesions of the cerebral cortex, differ from the Russian traditional classifications of aphasias. The article notes that there is a problem of discrepancies in diagnoses when using different diagnostic tests. It is evident that there exists a culturally specific diagnostic marker corresponding to the research traditions of different countries and the cognitive-mental characteristics of patients speaking different languages. Modern approaches to the treatment of aphasias in the European science are associated with neuropragmatics, investigation of metalinguistic skills and augmentative and alternative communication. The prospects for diagnosing speech localization in the brain lie in the combination of the methods of neuropsychology and neuroimaging and in the use of artificial intelligence. The urgency of the problem of post-stroke speech disorders requires the combined efforts of speech therapists, linguists, neurologists, and neuropsychologists.*

KEYWORDS: *disorders of speech; speech disorders; logopedics; aphasiological texts; tests-scenarios; aphasias; clinical linguistics; speech; speech pathology; aphasic speech disorders; local lesions of the brain.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Burmakina Natal'ya Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Theory of Germanic Languages and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kulikova Lyudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Theory of Germanic Languages and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Popova Yana Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Theory of Germanic Languages and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Burmakina, N. G. Internationalization of Clinical Linguistics Experience: An Analysis of European Approaches to Testing Speech Disorders in Aphasia / N. G. Burmakina, L. V. Kulikova, I. V. Popova // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 73-80. — DOI.*

REFERENCES

1. Ahutina T. V. Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics. Moscow: Languages of the Slavic Culture, 2014. [Nejrolingvističeskij analiz leksiki, semantiki i pragmatiki. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014]. — (In Rus.)

2. Wasserman L. I., Dorofeeva S. A., Meerson Ya. A. Methods of neuropsychological diagnosis. St. Petersburg : Strojlespechat, 1997. [Metody nejropsihologičeskoj diagnostiki. Monografiya. Sankt-Peterburg: Strojlespechat', 1997]. — (In Rus.)

3. Wiesel T. G. Neuropsychological test. Moscow: V. Sekachev, 2005. [Vizel' T. G. Nejropsihologičeskoe blichsledovanie. M. : V. Sekachev, 2005]. — (In Rus.)

4. Kadykov A. S., Shakhparonova N. V. Stroke patient seeing

a neurologist // Medical Council No. 6, 2013. P. 76—83. [Bol'noj posle insul'ta na prieme u nevrologa // Medicinskij sovet № 6, 2013. S. 76—83]. — (In Rus.)

5. Quintanar R. L. Modern concepts in neuropsychology about aphasia, theory and methods of speech recovery in various scientific schools. Abstract of the dis. ... Cand. psychological science. Moscow, 1992. [Sovremennye predstavleniya v nejropsihologii ob afazii, teorii i metodah vosstanovleniya rechi v razlichnyh nauchnyh shkalah. Avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva, 1992]. — (In Rus.)

6. Korobkova L. A., Vlasova R. M., Sinitsyn V. E., Pechenkova E. V. Nomination and articulation: fMRI research // Cognitive Science in Moscow: New Research / Edited by E. V. Pecin-

- kova, M. V. Falikman. — Moscow : 2015. — P. 190—196. [Nominaciya ili artikulyaciya: fmrt-issledovanie // Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya. Materialy konferencii / Pod red. E.V. Pechenkovej, M.V. Falikman. M.: 2015. S. 190—196]. — (In Rus.)
7. Luria A. R. Language and consciousness, Moscow : Moscow State University, 1979. — 319 p. [Luriiia A. R. Iazyk i soznanie, Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta 1979].
8. Mozheyko E. Yu. Recovery of speech disorders in post-stroke patients: the urgency, problems and prospects // Siberian Medical Review. — 2008. — No. 2 (50). — P. 16—20. [Vostanovlenie rechevyyh narushenij u postinsul'tnyh bol'nyh: aktual'nost', problemy i perspektivy // Sibirskoe medicinskoe obozrenie. 2008. № 2 (50). S. 16—20]. — (In Rus.)
9. Prokopenko S. V., Mozheyko E. U., Vizel T. G. Original method of assessment of cortical aphasias and neurodynamic speech impairment using computed transformation of speech in the acute period of stroke // Annals of Clinical and Experimental Neurology. — 2010. — No. 4 (2). — P. 40—43. [Original'nyj metod ocenki korkovyyh afazij i nejrodynamiceskikh rechevyyh narushenij s ispol'zovaniem komp'yuternogo preobrazovaniya vremennyh parametrov rechi v ostroj periode insul'ta // Annaly klinicheskoi i eksperimental'noj nevrologii. №4 (2). 2010. S. 40—43]. — (In Rus.)
10. Soloukhina O. A., Dragoi O. V., Akinina Yu. S., Iskra E. V., Khudyakova M. V., Ivanova E. G., Akhutina T. V., Ivanova M. V. Development of the Russian aphasiological test (RAT) for speech evaluation: the first data of the norm and patients // Cognitive Science in Moscow: New Research / Edited by E. V. Pechenkova, M. V. Falikman. — Moscow, 2017. — P. 555—560. [Razrabotka russkogo afaziologicheskogo testa (RAT) dlya ocenki rechi: pervye dannye normy i pacientov // Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya. Materialy konferencii. Pod redakciej E.V. Pechenkovej, M.V. Falikman. M.: 2017. S. 555—560]. — (In Rus.)
11. Shcherbakova M. M., Kotov S. V. Technical note Computer aphasia screening test // Consilium Medicum. — 2017. — 19 (2). — P. 24—26. [Komp'yuternyj skrinig-test afazij // Consilium Medicum. 2017. 19 (2). S. 24—26]. — (In Rus.)
12. Tsvetkova's L. S. Problems of aphasia and re-education. — M. : Prosveshchenie, 1988. [Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie: Ucheb. Posobie dlya studentov defektol. fak. ped. in-tov. M.: Prosveshchenie, 1988]. — (In Rus.)
13. Büttner, J. Neuropragmatik — Taxonomie von Kommunikationsstörungen und Diagnostik bei SHT / J. Büttner. — Text : unmediated // Aphasie und verwandte Gebiete. Aphasie et domaines associés. — 2017. — No. 1. — S. 31—45.
14. Clari, V. R. Protocolo de exploración de habilidades metalingüísticas naturales en la afasia (MetAphAs) / V. R. Clari, C. H. Sacristán. — Valencia : Universidad de Valencia, Nau llibres, 2014. — Text : unmediated.
15. Douglas, J. M. Relation of Executive Functioning to Pragmatic Outcome Following Severe Traumatic Brain Injury / J. M. Douglas. — DOI 10.1044/1092-4388(2009/08-0205). — Text : unmediated // Journal of Speech Language and Hearing Research. — 2010. — No. 53 (2). — P. 365—382.
16. Huber, W. Aachener Aphasia Test (AAT) / W. Huber, K. Poeck, D. Weniger, K. Willmes. — Göttingen ; Toronto ; Zürich : Verlag für Psychologie, 1983. — Text : unmediated.
17. Jacobs, B. Augmentative and Alternative Communication (AAC) for adults with severe aphasia: where we stand and how we can go further / B. Jacobs, R. Drew, B. T. Ogletree, K. Pierce. — Text : unmediated // Disability and Rehabilitation. — 2004. — No. 26 (21/22). — P. 1231—1240.
18. Lauterbach, M. Cross linguistic aphasia testing: The Portuguese version of the Aachen Aphasia Test (AAT) / M. Lauterbach, I. Pavão Martins, P. Garcia, J. Cabeça, A. C. Ferreira, K. Willmes. — Text : unmediated // Journal of the International Neuropsychological Society. — 2008. — No. 14. — P. 1046—1056.
19. Miller, N. The psychometric properties of the English language version of the Aachen Aphasia Test (EAAT) / N. Miller, K. Willmes, R. De Bleser. — Text : unmediated // Aphasiology. — 2000. — No. 7. — P. 683—722.
20. Risser, A. H. The western aphasia battery / A. H. Risser, O. Spreen. — Text : unmediated // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology, 1985. — No 7 (4). — P. 463—470. — DOI 10.1080/01688638508401277.
21. Van der Meulen, I. Measuring verbal and non-verbal communication in aphasia: reliability, validity, and sensitivity to change of the Scenario Test / I. Van der Meulen, W. M. E. van de Sandt-Koenderman, H. J. Duivenvoorden, G. M. Ribbers. — Text : unmediated // International Journal of Language and Communication Disorders. — 2010. — No. 45. — P. 424—435.
22. Wertz, R. T. Classifying the Aphasias: A comparison of the Boston Diagnostic Aphasia Examination and the Western Aphasia Battery / R. T. Wertz, J. L. Deal, A. J. Robinson. — Text : unmediated // Clinical Aphasiology Conference proceedings / R. H. Brookshire (ed.). — 1984. — P. 40—47.

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай

ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

Революционная «духовная аэробика» К. Кинчева: КОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

АННОТАЦИЯ. В статье с когнитивной точки зрения в рамках оригинальной авторской методологии анализируется противоречивость когнитивно-прагматических установок К. Кинчева. Разрушение тоталитарной машины подавления личности воспринимается рок-поэтом (субъектом-источником КПП — когнитивно-прагматической программы) как подлинный путь к свободе и духовному возрождению, однако тотальная деструктивность, воплощенная в неудержимой «воле-к-власти», порождает систему «конструктивно-созидательных» рефлекторных, инстинктивно-импульсных реакций («бытие-к-свободе»). Возникает парадоксальная ситуация, при которой ключевым инструментом обновления сознания рок-героя становятся деструктивные импульсы-стимулы, порождаемые самим объектом противостояния («системой»). В сознании поэта формируется особое деструктивно-аффективное состояние, которое условно можно назвать «волей-к-победе». Оно практически полностью совпадает по своему концептуально-смысловому содержанию со свойством «системы» — «волей-к-власти», основными характеристиками которого являются: а) манипулятивность; б) подчинение (подавление); в) бескомпромиссность; г) крайняя агрессивность. Аффективный импульс провоцирует формирование автоматизированной реакции, а далее она сама становится аффективным стимулом, и цикл повторяется. Другими словами, фаза «стимул-реакция» (агрессивный страх, самоагрессия (вызов) и пр.) переходит в фазу «реакция-стимул», что приводит к тотальной «анемии» сознания и субъекта-источника (генератора КПП), и субъекта-интерпретатора (носителя КПП).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивно-прагматическая программа; революционная эстетика; деструктивно-аффективные импульсы; агрессия; рок-поэзия; рок-поэты; поэтическое творчество; поэтические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков; 710128, КНР, Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань; e-mail: Ivan610@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов, Д. И. Революционная «духовная аэробика» К. Кинчева: когнитивный взгляд / Д. И. Иванов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 81-88. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

Как пронизательно отмечал век назад Н. А. Бердяев, ставший свидетелем исторической катастрофы, «революция есть лишь момент в жизни народа, временная функция, преходящее состояние <...> Когда у какого-нибудь человека лопаются гнойный нарыв, то странно было бы признать это явление самым светлым и божественным в человеке <...> Но у нас именно это и происходит в отношении к революции...» [Бердяев 2006: 69]. Нельзя не отметить пророческой точности этого диагноза по отношению к «бескровной революции» рубежа 1980—1990-х, разрушившей обветшалый советский режим: бунтарский пафос и романтическая эйфория от неумолимо наступающих перемен многих лишали способности к взвешенной оценке, ведь революция — по крайней мере для ее творцов и адептов — время действий, а не рефлексии. В полной мере это относится к отечественной рок-культуре, которая, перейдя в 1980-е гг. из субкультурной в контркультурную, «героическую» фазу [см.: Кормильцев, Сурова 1998], сыграла значитель-

ную роль в «революционизации» общественного сознания, при этом ярко воплотив в себе очевидные сегодня противоречия революционного сознания. Когнитивный анализ одного из ярких примеров противоречивой «программы» радикальной рок-культуры и является целью нашего исследования.

Его теоретико-методологическая база — авторский теоретический комплекс СТ / СЯЛ / КПП, где 1) СТ (синтетический текст) — «текст с четкой внешней маркировкой своей гетерогенности и процессуальности <...> целостная полисемиотическая система, стержнем которой является синтетическая языковая личность (СЯЛ)»; 2) КПП (когнитивно-прагматическая программа) — «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) <...> выступающая в качестве концептуальной матрицы различной осмысленной деятельности, в том числе текстовой <...> Если СЯЛ можно интерпретировать как семиотически понимаемый текст субъекта в культуре, то смысл этого текста субъекта воплощается именно КПП» [Иванов, Лакербай 2020: 40, 49].

КОНСТРУКТИВНО-ДЕКОНСТРУКТИВНАЯ ПРИРОДА РЕВОЛЮЦИОННО- «ГЕРОИЧЕСКОЙ» ВЕРСИИ РОК-ЭСТЕТИКИ

Важнейшим качеством «героической эпохи» рок-культуры оказывается ее переход к агрессии, «наступлению». Яростное разрушение ослабевшей «тоталитарной системы» и «ущербной» позднесоветской идентичности воспринимается рок-поэтом (субъектом-источником КПП) как великая миссия, подлинный путь к свободе и духовному возрождению, а самоидентификация проходит по романтическим моделям поэта-пророка (или «шамана», суггестивно «заводящего» массу «субъектов-интерпретаторов»), героя-борца, однако деструктивный радикализм, культ самого бунта, героизация самопожертвования/самоуничтожения и другие причины превращают этот порыв в утопию [см. об этом, напр.: Иванов 2016]. В сознании многих рок-поэтов революционное (т. е. преимущественно деструктивное, направленное на разрушение) самополагание воспринимается в аспекте конструктивной модели: «*мы-против-власти*» — «*власть-против-нас*» = «*мы — не есть — власть*» / «*мы не стремимся к власти*». Однако в то же самое время нарастает внутреннее ощущение концептуально-смысловой нестабильности и противоречивости данной модели. Под сомнение ставятся два основных компонента «духовно-революционного обновления» человека/мира: а) истинность базового принципа собственной самоидентификации (*мы не имеем ничего общего с «системой»-властью*); б) корректность определения главного объекта противостояния (*наш главный враг — «тоталитарно-догматическая система» подавления личности*). Приведем два примера, где а) выделена курсивом фиксация самоидентификационного сбоя: «Сколько же можно ждать, бейби, сколько же можно терпеть? / Когда ж нам дадут дышать, бейби, и перестанут нами вертеть? / Пора ото сна воспрять, бейби, и быть умнее впредь! <...> / Боюсь, им не сдохнуть, бейби, а нам от них не продохнуть, / А может они — это мы, бейби, и в этом вся соль и суть. / Но как нам уйти из тьмы, бейби, и отыскать наш путь...» [Градский 1990]; б) выделена курсивом фиксация «потери» объекта противостояния: «Полковник Васин приехал на фронт / Со своей молодой женой, / Полковник Васин собрал свой полк / И сказал им — пойдём домой. / Ведём войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь это бой, / По новым данным разведки, / Мы воевали сами с собой» [Гребенщиков 1988].

Всё это приводит к тому, что базовая модель развития рок-революции получает новую вопросительную интерпретацию:

«*мы-против-кого?..*» — «*власть-против-нас*» = «*мы — не есть — власть*», но «*кто мы?..*». Другими словами, тотальная деструктивность, воплощенная в неуправляемой «воле-к-власти», порождает систему «конструктивно-созидательных» рефлекторных («рефлекторная сущность рефлексии выражается в том, что рефлексия начинается со стимула <...> и заканчивается ответной реакцией организма <...> Активным началом рефлексии служит рефлексивная потребность (мотив), которая побуждает субъект к осознанию собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и к др., своих задач, назначения и т. д.» [Шатова 2015: 235]), инстинктивно-импульсных реакций («бытие-к-свободе»), но всё это, создавая внутри КПП зону нестабильности, еще не способно изменить ее суть. Дело в том, что (используем формулировку К. Кинчева) две разновидности одной и той же романтико-героической деструктивной стратегии когнитивного развития личности: «битва за жизнь» и «жизнь ради битв» («Визг тормозов, музыка крыш — / Выбор смерти на свой риск и страх. / Битва за жизнь, или жизнь ради битв — / Всё в наших руках» [Кинчев 2002: 51]) взаимообусловлены, а «революционная» направленность образует саму суть контркультуры, в наиболее радикальном своем варианте вообще ничего не признающей, кроме бунта как такового (см. многочисленные высказывания и творческую практику Е. Летова).

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ «РОК-ЭСПЕРИМЕНТ» К. КИНЧЕВА КАК СИСТЕМА ДЕСТРУКТИВНЫХ КОГНИТИВНО- МЕНТАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вышеупомянутые разновидности стратегии когнитивного развития личности в пространстве «героической эпохи» русского рока становятся системообразующими компонентами (ключевыми внутренними механизмами) моделирования первого «героического» (псевдоконструктивного) цикла когнитивно-прагматической программы (КПП) К. Кинчева. В рамках этого цикла К. Кинчев полностью принимает (абсолютизирует) деструктивные «правила» контркультурной «игры на поражение». В ней миссия поэта-пророка-героя-борца предельно упрощается: опираясь на «революционную» идею преобразования действительности, «я» (поэт) должно путем бескомпромиссной борьбы пробудить сознание человека «массы», чтобы вместе изжить «рабское чувство» страха, «переродиться» и разрушить «тоталитарные догмы».

Конструктивность и результативность данного процесса весьма сомнительна. Форма реализации «метафизической», «духовно-героической» рок-революции, которую сам Кинчев называет «аэробикой» («А, аэробика! / У, аэробика! / Лечь! Встать!») [Барановская 1993: 102], представляет собой жесткую систему взаимообусловленных когнитивно-ментальных действий, производимых «системой», подавляющей сознание поэта (деструктивный режим активации) / самим поэтом (псевдоконструктивный режим активации). Определяя сущность процесса революционной трансформации сознания и общества, К. Кинчев замечает: «Любая революция — это жуткое, кровавое месиво...» [«Взгляд из Нижнего» 1994].

Соответственно, модель «революционно-героической аэробики» К. Кинчева имеет оппозиционно-двойственную структуру. Она состоит из двух «противостоящих» друг другу операциональных концептуально-смысловых кодов: а) «*лечь*» (когнитивно-ментальный идентификатор негативных действий-операций «системы»); б) «*встать*» (когнитивно-ментальный идентификатор позитивных действий-операций героя-поэта-пророка), — реализация которых, по убеждению рок-поэта, позволит обрести истинную духовную свободу.

При этом сама «программа революционного „обновления“ / „очищения“ / „освобождения“ сознания, сформулированная К. Кинчевым в рамках композиции „Аэробика“, выглядит следующим образом: „Мы уже почти вышли к морю, / Мы уже почти бросили сеть, / Мы уже почти чувствуем ветер, / Мы уже почти научились смотреть, / Мы уже почти умеем смеяться, / Мы уже почти говорим о своем, / Мы уже почти не отводим глаз, / Мы уже почти поем, / Мы уже почти видим небо, / Мы уже почти встали в рост, / Мы уже почти открыли все двери, / Мы уже почти не кричим SOS, / Мы уже почти не слышим приказов, / Нас уже почти невозможно пасти, / Мы уже почти вышли на трасу, / Но только почти, / Только почти“» [Барановская 1993: 104].

Каждое из представленных действий четко соотнесено с концептуально-смысловым кодом «встать», который в сознании К. Кинчева генетически связан с такими понятиями, как обретение своего лица, искренность, самовыражение, независимость, вера, смелость, способность любить, стремление к победе над своим противником (врагом), способность открыто (прямо) высказывать свое мнение («говорить на своем языке») / отстаивать свою позицию. Однако своеобразным источником формирования

всех этих «конструктивных» революционно-героических действий является концептуально-смысловой код «лечь», ассоциативно связанный с деструктивно-аффективными состояниями рабства, подчинения, слепой веры, «духовной немоты» / «слепоты» / «глухоты», пассивности, инертности, неосознанного стремления к самоуничтожению, олицетворяющими «систему подавления личности».

В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой ключевым инструментом обновления сознания рок-героя (К. Кинчева) становятся деструктивные импульсы-стимулы, порождаемые самим объектом противостояния («системой»). При этом музыкально-экстатическая («шаманская») форма не оторвана от вербального текста, напротив — это не просто «органический катализатор», позволяющий глубже проникнуть в сознание субъекта-интерпретатора, но и невербальная форма реализации того, что заложено в вербализованном стихе. Другими словами, музыка — это не «смысловая надстройка», конкретизирующая текст, а особая форма его выражения, что и соответствует понятию «синтетический текст». Поэтому сама синтетичность рока воспринимается К. Кинчевым как духовно-ментальный опыт «семиотического проецирования» (перевоплощения/перекодировки/трансформации) поэтического языка, репрезентирующего себя в рамках невербальных знаковых систем.

«РЕВОЛЮЦИОННО-ГЕРОИЧЕСКАЯ» МОДЕЛЬ «ПЕРЕКОДИРОВКИ» СОЗНАНИЯ К. КИНЧЕВА

Принципиальным в содержании этой репрезентации является тот факт, что К. Кинчев, ощущая всю противоречивость выбранной модели, продолжает, как зачарованный собственной суггестивной мощью, действовать по ее правилам. Представим «революционно-героическую» модель «перекодировки» индивидуального (генератор-КПП) / коллективного (массового) (субъект-интерпретатор) сознания, функционирующую по принципу: «деструктивный импульс-системы» («лечь») порождает «конструктивную реакцию поэта-пророка» («встать»).

1. **«Воля-к-власти».** *Стимул 1.* Полная (тотальная) внешняя изоляция человека («Красные кони серпами подков топтали рассвет, когда всходило солнце, солнцу говорили: „Нельзя, нельзя“» [Барановская 1993: 95—96]). **«Бытие-к-свободе».** *Реакция 1.* Стремление к обретению полной внешней свободы («Выйти к морю» — «Сбросить сеть»).

2. **«Воля-к-власти».** *Стимул 2.* Абсолютное подчинение, тотальный «внутренний»

контроль над сознанием и подсознанием «человека-раба» («Мы вскормлены леплом великих побед, / Нас крестили звездой, / Нас растили в режиме нуля» [Барановская 1993: 95—96]; «Тоталитарный рэп — это эксперимент / По перестройке сознания масс. / Тоталитарный рэп — это голос: — / „Предъявите ваш аусвайс!“» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 2. Стремление к обретению полной внутренней свободы («Чувствовать ветер»): свободно/открыто выражать свои истинные чувства и эмоции («Научиться смеяться» — «Научиться смотреть»).

3. **«Воля-к-власти».** Стимул 3. Парализующий страх-трепет, перерастающий в «ужас-восторг» — основа «счастья», «благополучия» и «внутренней гармонии» «свободного» советского человека («И заревели истошно глотки. / „Всех причесать!“ / И глохли тонкие перепонки. / „Лечь! Встать!“» [Барановская 1993: 102—103]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 3. Преодоление духовной «немоты» / «глухоты» / «слепоты» («Видеть небо» — «Не проводить глаза»); стремление к самовыражению / творческой самореализации («Говорить о своем» — «Петь»).

4. **«Воля-к-власти».** Стимул 4. Иррациональная воля, выраженная в приказах «хозяина» — это «истина в последней инстанции» («А когда вышел грозный хозяин, / Нервно упали ниц. / Их спины стоили ровно столько, / Сколько пергамент лиц» [Барановская 1993: 102—103]; «Тоталитарный рэп — это абстрактный пряник / И совершенно конкретный кулак» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Реакция 4. Активная борьба за «свободную волю» — полную свободу личности (следует напомнить, что «односторонняя волюнтаристская позиция в социальной сфере дезориентирует людей, внушая им, что своих целей они могут добиться чисто волевым прорывом, независимо от каких-либо объективных условий» [Камалдинова 2012: 334]. Открытое противостояние и желание победить своего «врага» любой ценой («Открыть все двери» — «Не кричать SOS» — «Не слышать приказов»).

5. **«Воля-к-власти».** Стимул 5. Любое реальное/потенциальное действие человека должно соответствовать морально-этическим «классово-патриотическим» нормам советского общества. Каждый человек должен находиться «на своем месте» и безоговорочно выполнять «свою» функцию («Твой путь / От этой стены к этой стене» [Барановская 1993]; «Тоталитарный рэп — это танец: / Шаг вперед, два шага назад» [Барановская 1993: 101—102]). **«Бытие-к-свободе».** Ре-

акция 5. Найти, занять свое место в мире («Встать в рост») и отыскать свой путь («Выйти на трассу»).

Ключевое значение здесь имеет четвертая реакция генератора КПП — *«Активная борьба за свободу личности. Открытое противостояние и желание победить своего „врага“ любой ценой»*. В сознании поэта формируется особое деструктивно-аффективное состояние, которое условно можно назвать «волей-к-победе». Оно практически полностью совпадает по своему концептуально-смысловому содержанию с псевдогуманистическим стремлением «системы» — «волей-к-власти», основными характеристиками которого являются: а) манипулятивность; б) подчинение (подавление); в) бескомпромиссность; г) крайняя агрессивность.

Показательна в данном контексте беседа К. Кинчева и Ю. Шевчука, в которой К. Кинчев предельно четко определяет свое негативное отношение к насилию «системы» (в частности советской милиции) над людьми — но при этом категорически отрицает, что сам осознанно/подсознательно действует по принципам той же самой «революционно-насильственной» модели, один из ключевых элементов которой — неуправляемая, самопорождающаяся агрессия: **Ю. Ш.:** Ты помнишь детскую книжку про „дядю Степу“? **К. К.:** Ну да, конечно... (*Ведущий программы „Музыкальный лифт“: Во время гастролей в Казани Ю. Шевчука сопровождали два милиционера-телохранителя*) **Ю. Ш.:** Вот — это два „дяди Степы“. Хороших... как из детской книжки... Честное слово... **К. К.:** А в „бубен“ на твоих глазах они не били никому?.. **Ю. Ш.:** Нет, никогда... **К. К.:** Ну, просто тебе повезло... <...> **Ю. Ш.:** Я тебе скажу, что это замечательные ребята. Думаю, что сейчас они очень много расскажут своим „браткам“... **К. К.:** И они станут мягче, да?.. (*К. Кинчев скептически улыбается и, выражая свое сомнение, покачивает головой*). <...> **К. К.:** Ты не боишься, что они тебе подыгрывают, эти „дяди Степы“. А как только ты уехал, они начинают себя вести совершенно по-другому... **Ю. Ш.:** Боюсь... **К. К.:** Вот и я тоже боюсь... Он выбрал для себя такую работу. Я эту работу не принимаю, потому что это работа „рычать“ на сильных духом... **Ю. Ш.:** Это неправда... **К. К.:** Может быть... Я ему говорю: „Пошли со мной. Поехали, мы тебя берем к себе на работу“. Ты будешь „чистым“... **Ю. Ш.:** А ты никогда не думал, что ты тоже насилие?.. **К. К.:** Нет, я не насилие... **Ю. Ш.:** Какая-то маленькая доля насилия все равно есть... **К. К.:** Нет, нет... Мы выходим на сцену, мы не знаем, что будет... **Ю. Ш.:** Я тоже не

знаю, что будет... К. К.: Какое же это насилье?.. Ю. Ш.: А если возникают драки... (Ю. Шевчук намекает на то, что во время концертов „Алисы“, „ДДТ“ и других рок-групп достаточно часто возникают драки не только между слушателями и милицией, но и между фанатами) [курсив мой — Д. И.]. К. К.: Мы прекращаем концерт. Вот и всё... Ю. Ш.: Я тоже сразу прекращаю концерт» [Музыкальный лифт 1991].

**ДЕМОНСТРАТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНАЯ
«ПОБЕДА» К. КИНЧЕВА: СИМУЛЯЦИЯ
ОСНОВНОГО ЦЕЛЕВОГО ОРИЕНТИРА
РЕВОЛЮЦИОННОГО «РОК-
ЭКСПЕРИМЕНТА»**

Все это приводит к тому, что конструктивный компонент ключевого когнитивно-ментального конструкта «победа» нейтрализуется. В основе этого процесса лежит механизм тотальной абстрактизации и «овеществления» категории «победа» с последующим распадением ее концептуально-смыслового ядра на несколько деструктивно-симулятивных иллюзорных проекций. Назовем некоторые из них.

Проекция 1: «победа» — это особая форма воплощения манипулятивных амбиций поэта-пророка, который является «беспечной» и «легковерной» (искаженно-симулятивной) зеркальной копией самого себя («Где пророки беспечны и легковерны, / Как зеркала» [Барановская 1993: 105—106]). Победить — значит внедрить свои идеи в сознание нового поколения: «Быть живым — мое ремесло. Это дерзость, но это в крови. / Я умею читать в облаках имена / Тех, кто способен летать. / Если ты когда-нибудь / Почувствуешь пульс великой любви, / Знай, / Я пришел помочь тебе встать!» [Барановская 1993: 95—96].

Проекция 2: «победа» — это деструктивная форма демонстрации своего превосходства. Победить — значит подтвердить свой особый «культовый» статус героя-пророка: «Шаг за шагом, сам черт не брат, / Солнцу время, Луне часы, / Словно в оттепель снегопад, / По земле проходили мы. / Нас величали черной чумой, / Нечистой силой честили нас, / Когда мы шли, как по передовой, / Под прицелом пристальных глаз» [Барановская 1993: 97—98].

Проекция 3: «победа» — это единственно возможная форма бескомпромиссного существования «бунтующего» сознания рок-героя. Жизнь отождествляется с процессом движения от одной «победы» (иллюзии победы) к другой. В этом контексте образы

«истинного» и «конченного» «героя» сливаются в единое целое («Свистопляс, отравы, мор — / Чехарда отпетых лет. / Кровью отпылал сумрак в перебор, / Посягнув на рикошет. / Конченный герой — / Псам помеха спать. / Тех, кто принял бой, / Смертью не унять!» [Кинчев 2008]), а жизнь отождествляется со смертью. При этом смысл бытия «конченного» героя определяется парадоксальным тезисом-установкой «победа или смерть», в рамках которого грань между жизнью-смертью и победой стирается. Каждая новая «победа» — это очередная «героическая смерть», так как «герой поколения» является и источником, и инструментом, и объектом метафизического бунта («Метафизический бунтарь поднимается над разрозненным миром, чтобы потребовать его единства <...> построить, если это возможно, единое царство справедливости или царство несправедливости, если он доведет свой принцип до последнего предела» [Камю 1990: 135]), воплощенного в тотально-перманентной саморазрушающей агрессии: «Лица слуг сальны! / Лица слуг сальны! Жир сердец! / Разве это начало нового дня?! / Голод наш брат! / Голод наш брат! / Воспомни, как гнев площадей кромсал город! / Мы вольны! / Мы вольны! / Хотя бы в том, что у нас есть глаза, / А у наших глаз — голос!» [Барановская 1993: 94].

Итак, в результате деструктивизации, овеществления и блокировки конструктивно-созидательных импульсов «воля-к-победе» становится всего лишь одной из многочисленных симулятивных форм реализации «воли-к-власти» (главный принцип существования тоталитарной «системы»). Конструктивное содержание понятия «свобода» под воздействием деструктивных импульсов также дестабилизируется. Это приводит к тому, что конструктивно-созидательное «бытие-к-свободе», основанное на «воле-к-победе» / «власти», трансформируется в деструктивно-разрушительное «бытие-к-воле». «Свобода („бытие-к-свободе“) — это состояние духа <...> воля („бытие-к-воле“) — это состояние души. Воля завладевает человеком, что проявляется в его стихийно-бессознательных поступках, в отрицании каких-либо пределов, границ, крайним моментом проявления воли является русский бунт. Воля переживается конкретно-чувственно, со всей интенсивностью, мощью своей энергии и порывов» [Петровых 2002: 216]. Важно, что этот переход сопровождается процессом отождествления импульса (источник «система») и реакции (источник «герой»-«пророк»).

ПРИНЦИП ТОТАЛЬНОГО СИМУЛЯТИВНО-АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАК ОСНОВА «ДУХОВНОЙ АЭРОБИКИ» К. КИНЧЕВА

В этих условиях уже невозможно точно определить, кто является истинным источником деструктивного импульса и псевдо-конструктивной реакции. «Система» (искусственно созданный объект противостояния) и рок-поэт (К. Кинчев) становятся одним целым. Другими словами, «система»-поэт сама создает (генерирует) импульс и сама же на него «реагирует». В результате возникает замкнутый круг: агрессия порождает агрессию. Не случайно во второй части композиции К. Кинчева «Аэробика» многократно повторяется специфическая концептуальная фраза «кто посмеет...». В пространстве текста она выполняет функцию когнитивно-ментального идентификатора (КМИ), фиксирующего момент активизации процесса слияния-отождествления стимула-реакции «системы»-«героя»: «*Кто посмеет* нам помешать быть вместе, / *Кто посмеет* сказать, что нас нет, / *Кто посмеет* отменить движенье, / *Кто посмеет* переокрасить наш цвет, / *Кто посмеет* отнять у нас утро, / *Кто посмеет* нажать на курок, / *Кто посмеет* переиначить ветер, / Кто? Ну так, кто?» [Барановская 1993: 104].

Данный КМИ наделен вполне определенным концептуально-смысловым содержанием и имеет ярко выраженную деструктивную направленность. Во-первых, КМИ «кто посмеет...» — это призыв к тотальному симулятивно-автоматизированному противостоянию. Специфику этого противостояния можно определить так: 1) «я» / «мы» против «системы»; 2) «система» против «меня» / «нас»; «я-система» против «они-система»; 3) «я-система» против «я-они-система»; 4) «я-система» против «я-система». Во-вторых, это специфическая вербальная форма фиксации-выражения доминирующего принципа работы сознания «системы» — «героя-пророка». Его ключевым компонентом является механизм активизации открытого вызова, воплощенного в перманентно возникающем/исчезающем аффективном состоянии, ослепляющей агрессии/самоагрессии.

Механизм формирования этого состояния достаточно прост. На первом этапе в сознании «героя-пророка» — «системы» возникает острое, «пульсирующее» ощущение внутреннего напряжения. Его появление обусловлено иллюзорно-симулятивной «убежденностью» в наличии постоянно трансформирующегося образа внешнего/внутреннего врага-агрессора (когнитивно-ментального

раздражителя) и страхом, что он может дискредитировать и даже уничтожить (разрушить/нейтрализовать) концептуально-смысловую целостность сознания «системы» — «героя-пророка». Так, для представителей радикального рок-движения агрессором является «тоталитарная система подавления личности» — и наоборот.

Важно, что это обоюдное псевдоконструктивное ощущение агрессивного страха постепенно начинает восприниматься «системой-субъектом» не только как факт своего наличия в мире, но и как знак подтверждения значимости своего присутствия в нем. Оно перерастает в постоянное чувство и закрепляется в симулятивно-автоматизированном, импульсивно-реактивном сознании, получая в его структуре статус ключевого (конститутивного) элемента. В результате «сущностное я» «системы»-«героя» овециствляется и превращается в «обезличенное механистическое мы».

На втором этапе деструктивно-аффективное состояние агрессивного страха приобретает характер глубокой внутренней убежденности в том, что единственно возможным способом гармоничного состояния является беспричинная, бесконтрольная, тотальная агрессия («бытие-к-власти»). При этом «механистическое» сознание «системы-героя» воспринимает (идентифицирует) эту форму бытия как «бытие-к-истине». Безальтернативная формула псевдогармоничного существования «бытие-к-власти-истине» не просто предлагается субъекту-интерпретатору (носителю КПП), а навязывается ему, частично/полностью блокируя эмоционально-волевые интенции личности, превращая их в набор автоматизированно-овеществленных реакций.

Всё это закономерно приводит к тому, что «истина (власть / тотальный контроль)-для-меня (системы-героя)» становится «истиной — для всех (носители КПП)». Установление этого деструктивно-подчинительного режима «активности» обезличенного субъекта позволяет «системе-герою» конституировать формулу «я («система»-«герой»)-есть-истина (власть)», точнее «я-есть-истина (власть) — для тебя (и для всех)». Простой человек превращается в симулятивную копию «системы», а «встроенная» в его сознание «истина» существует в нем, но им не осознается (см. позднейший анализ ситуации в композиции К. Кинчева «Власть»), поскольку структура данного понятия расщеплена и дискредитирована не только «системой» / деструктивными (псевдоконструктивными) проекциями «системы» (рок-культура), но и самим носителем КПП,

для которого истина — это слепое исполнение воли-приказа, исходящего от него самого и ему же адресованного.

На третьем этапе изменяются специфика и диапазон поиска ускользающего когнитивно-ментального раздражителя (противника-агрессора), которого в действительности нет. Однако признать тот факт, что объект противостояния отсутствует, «система»-«герой» не в состоянии. Для нее это равносильно признанию фиктивности собственного наличия, и в порядке самоутверждения-самоуничтожения она воспринимает отсутствие врага как очередной вызов. Аффективный страх доводится до предела и становится новым объектом самопротояния. В этих условиях «система»-«герой» начинает искать врага внутри самой себя, и псевдоконструктивная идея борьбы-самоуничтожения вытесняет все позитивные состояния сознания.

РЕЗЮМЕ

«Революционно-созидательная» модель работы сознания «системы»-«героя»-«субъекта-интерпретатора» включает в себя две взаимообусловленных фазы деструктивной активности субъекта-механизма, воплощенных в симулятивном слиянии импульса и реакции: а) аффективный импульс («Кто посмеет...») провоцирует формирование автоматизированной реакции, псевдорезультативного, бессмысленного, симулятивного действия («помешать нам быть вместе», «сказать, что нас нет», «отменить движение», «перекрасить наш цвет», «отнять у нас утро», «нажать на курок», «переиначить ветер» и т. д.); б) автоматизированная реакция становится аффективным стимулом, на основе которого формируются «новые» реакции такого же типа, и далее цикл повторяется. Другими словами, фаза *стимул — реакция* (агрессивный страх, самоагрессия (вызов), постоянный поиск отсутствующего когнитивно-ментального раздражителя) переходит в фазу *реакция — стимул*, в рамках которой каждое псевдорезультативное, симулятивно-автоматизированное действие становится источником-стимулом отрицания (саморазрушения) не только самого себя, но и всей «системы» в целом. Всё это приводит

к тотальной «анемии» сознания и субъекта-источника (генератора КПП), и субъекта-интерпретатора (носителя КПП).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановская, Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации / Н. Барановская. — Санкт-Петербург : Новый Геликон, 1993. — 239 с. — Текст : непосредственный.
2. Бердяев, Н. А. Духовные основы русской революции / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ : Хранитель, 2006. — 448 с. — Текст : непосредственный.
3. Градский, А. Антиперестроечный блюз / А. Градский. — 1990. — URL: <http://www.gradsky.com/txt/032.shtml> (дата обращения: 05.12.2019). — Текст : электронный.
4. Гребенщиков, Б. Поезд в огне / Б. Гребенщиков. — 1988. — URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium/tekst-pesni-polkovnik-vasin/1725491/> (дата обращения: 08.11.2019). — Текст : электронный.
5. Иванов, Д. И. Теория синтетической языковой личности. В 2 т. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры) / Д. И. Иванов. — Иваново : ПресСто, 2016. — 360 с. — Текст : непосредственный.
6. Иванов, Д. И. Когнитивная гуманитарная семиотика. Книга 2. Терминология. Аналитические портреты / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай. — Иваново : ПресСто, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.
7. Камалдинова, Э. Ш. Фатализм и волонтаризм как категории социальной философии / Э. Ш. Камалдинова. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 334—335.
8. Камо, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. / А. Камо. — Москва : Политиздат, 1990. — 415 с. — Текст : непосредственный.
9. Кинчев, К. Еще 30 песен / К. Кинчев. — Москва : АНТАО, 2002. — 80 с. — Текст : непосредственный.
10. Кинчев, К. Рикшет / К. Кинчев. — 2008. — URL: <https://teksty-pesenok.ru/song/show/1732966/el-ghor/tekst-pesni-i-perevod-cane/> (дата обращения: 23.12.2019). — Текст : электронный.
11. Кормильцев, И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова. — Текст : непосредственный // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — Тверь : ТвГУ, 1998. — С. 5—39.
12. Музыкальный лифт. Телевизионная программа с участием К. Кинчева и Ю. Шевчука, 1991. — URL: https://vk.com/video-16457565_167279720 (дата обращения: 18.12.2019). — Видео : электронное.
13. Петровых, Н. М. Концепты «воля» и «свобода» в русском языковом сознании / Н. М. Петровых. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 207—217.
14. Программа «Взгляд из Нижнего» с участием К. Кинчева, 1994. — URL: <https://sitegallery.ru/video/BV8QEYQqlQ5dABY/kinchev-ego-roditeli-programma-vzgljad-iz-nizh-nego1994-god.html> (дата обращения: 22.11.2019). — Видео : электронное.
15. Шатова, Н. Д. Рефлекторно-деятельностная структура рефлексии: интеграция реактивности и активности / Н. Д. Шатова. — Текст : непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2015. — № 6. — С. 224—238.

D. I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC

ORCID ID: 0000-0002-1492-0049

 E-mail: Ivan610@yandex.ru.

Kinchev's Revolutionary «Spiritual Aerobics»: A Cognitive View

ABSTRACT. This article presents a cognitive analysis of the inconsistency of Kinchev's cognitive-pragmatic aims in the framework of the author's original methodology. The destruction of the totalitarian personality suppression machine is perceived by the rock poet (the subject-source of the CPP — cognitive-pragmatic program) as the true path to freedom and

spiritual revival. However the total destructiveness embodied in the irrepressible «Will-to-Power» creates a system of «constructively creative» reflective, instinctively impulse reactions «Being-to-Freedom». There occurs a paradoxical situation, in which the destructive impulses-stimuli created by the very object of confrontation (“the System”) become the key instrument of renovation of the consciousness of the rock poet. A special destructive-affective state is formed in the poet’s mind, which can be conditionally called «Will-to-Victory». It almost completely coincides in its conceptual-semantic content with the property of the «System» — «Will-to-Power» which has the following main attributes: a) manipulateness; b) submission (suppression); c) uncompromising character; d) extreme aggressiveness. The affective impulse provokes the formation of an automated reaction, and then it itself becomes an affective stimulus and the cycle is repeated. In other words, the stimulus-reaction phase (aggressive fear, self-aggression (challenge), etc.) goes into the reaction-stimulus phase, which leads to total «anemia» of consciousness of both the source-subject (CPP generator) and the interpreter-subject (CPP carrier).

KEYWORDS: cognitive-pragmatic program; revolutionary esthetics; destructive-affective impulses; aggression; rock poetry; rock poets; poetic creative activity; poetic texts.

AUTHOR’S INFORMATION: *Ivanov Dmitriy Igorevich, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi’an International Studies University, Xi’an, PRC.*

FOR CITATION: *Ivanov, D. I. Kinchev’s Revolutionary «Spiritual Aerobics»: A Cognitive View / D. I. Ivanov // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 81-88. — DOI.*

REFERENCES

1. Baranovskaja N. Konstantin Kinchev. Life and Creation. Poetry. Files. Publications. — Saint Petersburg : New Gelikon. 1993. 293 p. [Konstantin Kinchev. Zhizn' i tvorcestvo. Stihy. Dokumenty. Publikacii. — SPb. : Novyj Gelikon, 1993. 239 s]. — (In Rus.)
2. Berdyaev N. A. The spiritual foundations of the Russian revolution. — Moscow : AST. Keeper, 2006. 448 p. [Duhovnye osnovy russkoj revoljucii. — M. : AST; Hranitel', 2006. 448 s]. — (In Rus.)
3. Grads'kij A. Anti-perestroika blues, 1990. [Antiperestroechnyj bljuz, 1990]. URL: <http://www.gradsky.com/txt/032.shtml> (date of access: 05.12.2019). — (In Rus.)
4. Grebshnikov B. Train on fire, 1988. [Poezd v ogne, 1988]. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium/tekst-pesni-polkovnik-vasin/1725491/> (date of access: 08.11.2019). — (In Rus.)
5. Ivanov D. I. Theory of a synthetic lingual personality: In 2 vols. V. 1. The logo-centric model of a synthetic lingual personality: structure and general issues (based on Russian Rock-culture). — Ivanovo : PresSto, 2016. 360 p. [Teorija sinteticheskoj jazykovoj lichnosti: V 2 t. T. 1. Logocentricheskaja model' sinteticheskoj jazykovoj lichnosti: struktura i obshhie voprosy (na materiale russkoj rok-kul'tury). — Ivanovo : PresSto, 2016. 360 s. — (In Rus.)
6. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. Cognitive humanitarian semiotics: Terminology. Analytical portraits. — Ivanovo : Presto, 2020. 256 p. [Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika: Terminologiya. Analiticheskie portrety. Ivanovo : PressSto, 2020. 256 s.]. — (In Rus.)
7. Kamaldinova Je. Sh. Fatalism and voluntarism as a category of social philosophy // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 4. P. 334—335. [Fatalizm i voljuntarizm kak kategorii social'noj filosofii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 4. S. 334—335]. — (In Rus.)
8. Kamju A. Rebellious man. Philosophy. Policy. Art / Transl. with fr. — M. : Politizdat, 1990. 415 p. [Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo / Per. s fr. — M. : Politizdat, 1990. 415 s.]. — (In Rus.)
9. Kinchev K. Another 30 songs. — M. : ANTAO, 2002. 80 p. [Eshhe 30 pesen. — M. : ANTAO, 2002. 80 s.]. — (In Rus.)
10. Kinchev K. Ricochet, 2008. [Rikoshet, 2008]. URL: <https://teksty-pesenok.ru/song/show/1732966/el-ghor/tekst-pesni-i-perevod-cane/> (date of access: 23.12.2019). — (In Rus.)
11. Kormil'cev I., Surova O. Rock poetry in Russian culture: Emergence, Existence, Evolution // Russian rock poetry: text and context. — Tver : TVSU, 1998. P. 5—39. [Rok-pojezija v russkoj kul'ture: vznikovenie, bytovanie, jevoljucija // Russkaya rok-pojezija: tekst i kontekst. — Tver' : TvGU, 1998. S. 5—39.]. — (In Rus.)
12. Musical elevator. A television program with the participation of K. Kinchev and Yu. Shevchuk, 1991. [Muzykal'nyj lift. Televizionnaja programma s uchastiem K. Kincheva i Ju. Shevchuka, 1991]. URL: https://vk.com/video-16457565_167279720 (date of access: 18.12.2019). — (In Rus.)
13. Petrovyh N. M. The concepts of will and freedom in the Russian language consciousness // Bulletin of the Ural State University. 2002. No. 24. P. 207—217. [Koncepty volja i svoboda v russkom jazykovom soznanii // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 207—217.]. — (In Rus.)
14. The program “View from the Lower” with the participation of K. Kinchev, 1994. [Programma «Vzglyad iz Nizhnego» s uchastiem K. Kincheva, 1994]. URL: <https://sitegallery.ru/video/BV8QEYQqIQ5dABY/kinchev-ego-roditeli-programma-vzglyad-iz-nizhnego1994-god.html> (date of access: 22.11.2019). — (In Rus.)
15. Shatova N. D. Reflex-activity structure of reflection: integration of reactivity and activity // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2015. No. 6. P. 224—238. [Reflektorno-dejatel'nostnaja struktura refleksii: integracija reaktivnosti i aktivnosti // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2015. № 6. S. 224—238.]. — (In Rus.)

С. А. СтепановВоенный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
ORCID ID: — **М. В. Полубоярова**Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** sassas27@yandex.ru; marinasass_2314@mail.ru.**К вопросу о роли военной терминологической единицы в языке**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль военной терминологической единицы в языке. Авторы статьи приводят различные точки зрения на природу, структуру и методологию исследования термина и предлагают свое понимание термина как предмета изучения. При исследовании языковых явлений важно учитывать, что языку свойственны такие функции, как эпистемическая и познавательная. Исследователи-терминологи принимают во внимание оппозицию слова в общезыковом словаре с общепринятым значением слова и дефиницией слова в узкоспециализированном профессиональном словаре. Под термином следует понимать слова специального словаря (например, дипломатического, военного, естественно-научного, торгового, технического, юридического и т. п.), применяющиеся в языке для специальных целей представителями самых различных профессиональных сфер. В статье на материале английского языка подробно анализируются особенности военной терминологической системы и подчеркивается, что область военной сферы имеет отношение ко всем социальным областям нашей жизни: военные терминологические единицы встречаются в специальных текстах военной проблематики, в текстах средств массовой информации, как в речи профессиональных военных, так и в общении специалистов других областей знаний, где военная терминологическая единица, сохраняя свою отнесенность к военной парадигме, может употребляться как композиционная часть общенационального языка. Авторы статьи на основе специфики терминологического значения делают заключение, что наполненность военной терминологической единицы углубляется в процессе когниции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальная проекция; военная терминология; военные термины; военный язык; терминологические единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Степанов Сергей Анатольевич, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка (второго) Военного университета Министерства обороны РФ; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: sassas27@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Полубоярова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой переводоведения и практики перевода английского языка, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: marinasass_2314@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанов, С. А. К вопросу о роли военной терминологической единицы в языке / С. А. Степанов, М. В. Полубоярова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 89-93. — DOI 0000000000.

Настоящее исследование базируется на трудах Т. Г. Поповой, через которые красной нитью проходит мысль о том, что язык является условием для осуществления мышления [Попова 2009: 205]. Соответственно язык, будучи способом как передачи мысли, так и ее хранения, представляет собой важное средство речезыковой деятельности. Эту точку зрения подтверждает монография Т. Г. Поповой «Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков)» [Попова 2003].

Таким образом, следует признать, что наряду с другими языку свойственны такие функции, как эпистемическая и познавательная. Когнитивная функция языка направлена на приобретение человеком новых для него знаний.

Понятие как форма мышления тесно связано с языком, что объясняется особенностями осуществления любого понятия: оно формируется и реализуется в слове. Для научной парадигмы, следовательно, требующим объяснения процессом является появление новых понятий. Среди причин формирования новых понятий прежде всего следует назвать стремительное развитие науки и техники, а также самые разнообразные общественные трансформации, которые дают импульс для возникновения новых научных дисциплин и «новых понятий, что резко увеличивает потребность в номинации» [Лейчик 2007: 7].

Понятие, с нашей точки зрения, имея четкую предметно-логическую направленность, обладает своей областью использования и может представлять собой как

сложное слово, аббревиатуру, стилистически маркированное слово, так и стилистически нейтральную единицу.

С точки зрения профессора Л. Л. Нелюбина [Нелюбин 2009: 117], важным моментом при отнесении лексической единицы к термину является учет того обстоятельства, что единица, будучи терминологической, направлена на выражение того или иного специального понятия, тогда как ученый-терминолог В. М. Лейчик [Лейчик 2007: 21] в своей работе «Терминоведение: предмет, методы, структура» при определении понятия «терминологическая единица» настаивает на обязательном учете тенденций к формированию когнитивного терминоведения.

Таким образом, для ученых-терминологов, которые занимаются исследованием вопросов терминоведения, важным свойством при определении понятия «терминологическая единица» является оппозиция значения слова в общеязыковом словаре (общепринятого значения слова) и значения, приводимого в узкоспециализированном профессиональном словаре. Подтверждает нашу точку зрения труд терминолога К. Я. Авербуха «Общая теория термина» [Авербух 2006: 36], изданный им в 2006 г., и его работа «Средства специальной номинации и проблема их описания в словарях разных типов», вышедшая в свет в 2015 г. [Авербух 2015: 239—240].

Итак, отметим, что, опираясь на упомянутые выше толкования лингвистов, занимающихся вопросами терминологии как науки и исследованием различных терминологических единиц, под термином следует понимать слова специального словаря (например, дипломатического, военного, естественно-научного, торгового, технического, юридического, военного и т. д.), применяющиеся в языке для специальных целей представителями самых различных профессиональных сфер.

Что касается понятия «терминологическое значение», то мы, так же как и лингвист А. С. Гердт, считаем, что это «значение всегда прямое, не приемлющее условности, согласительности или эмоциональности. Оно (значение) устанавливается в результате договоренности, преднамеренной и сознательной» [Гердт 1976: 101].

Считаем необходимым подчеркнуть, что мы рассматриваем термин сквозь призму идей когнитивной науки. При этом методологически важной для нас является точка зрения, которой придерживается В. М. Лейчик [Лейчик 2007: 21], при определении понятия «термин» призывающий обращать внимание на тенденции когнитивного терминоведения.

При толковании понятия «термин» ученый подчеркивает важное, с его точки зрения, наблюдение: терминологическая единица «рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта — мыслительной категории — к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [Лейчик 2007: 21].

Небезынтересны наблюдения В. П. Даниленко, который, занимаясь проблемами терминологии, приходит к выводу, что терминологическая единица должна быть отнесена к единицам научного языка. При этом ученый, объясняя свою точку зрения, особо подчеркивает, что под «научным языком» лингвистом подразумевается не что иное, как «самостоятельная функциональная подсистема естественного национального литературного языка» [Даниленко 1977: 14].

Отметим также, что ряд терминологов, в том числе и В. А. Татаринов [Татаринов 1996: 164], изучая особенности терминологической единицы, приходят к заключению, что в языковой системе границы семантики терминологической единицы расширяются и, соответственно, происходит формирование новых значений термина. С нашей точки зрения, подобное явление действительно наблюдается и обусловлено непрерывным процессом познания окружающей действительности. Эта теория обоснована в лингвистической работе Т. Г. Поповой «Национально-культурные факторы и элементы языкового кода» [Попова 2009: 21].

Если обратиться к анализу военных терминологических единиц, то прежде всего следует отметить, что военная сфера имеет отношение ко всем социальным областям нашей жизни. В этой связи можно упомянуть экономическую, дипломатическую, политическую, торговую, научную, культурную, техническую и многие другие сферы жизни общества. Военные терминологические единицы встречаются в специальных текстах военной проблематики, в текстах средств массовой информации, как в речи профессиональных военных, так и в общении специалистов других областей знаний, где военная терминологическая единица, сохраняя свою отнесенность к военной парадигме знаний, может употребляться как композиционная часть общенационального языка.

Это проявляется в многозначности военного термина. В качестве примера приведем терминологическую единицу *execution*, которая стала полисемантической вследствие лексико-семантического развития слова. Поскольку данный термин образован семанти-

ческим способом, с переносом значения, терминологическая единица **execution** сохраняет исходное, первичное значение в качестве части общеупотребительной лексики.

Отметим, что значение существительного **execution** в словаре военных терминов описывается таким образом: 1) *an act of killing a person who has been found guilty of an offence for which the punishment is death*; 2) *a method by which a planned task is carried out* [Campaign 2004: 88].

Как видно из этих толкований, терминологическая единица **execution**, представляя собой лексическую единицу для специальных целей, демонстрирует конкретность семантики. В результате анализа терминологической единицы **execution** мы сделали вывод о том, что номинативно-непроизводное, или первичное значение в словарных дефинициях является самым частотным.

Таким образом, на примере терминологической единицы **execution** мы видим, что содержательное ядро полисемантического/многозначного термина интегрирует все семантические варианты терминологической единицы.

Соответственно, с учетом существенных характеристик, мы приходим к заключению о том, что при выведении суммарного первичного этимологического значения терминологической единицы **execution** возможна следующая усредненная формулировка: *to put a plan into execution / to carry out a plan*.

В качестве демонстрационного высказывания приведем следующую цитату Наполеона Бонапарта об искусстве войны: *The art of war is a simple art and all in the execution. There is nothing vague about it, it is all common sense* [Campaign 2004: 88].

Другая военная терминологическая единица с тем же словом — **executive officer** — по отношению к американской военной реалии определяется следующим образом: *an officer responsible for coordinating staff functions within a headquarters*, тогда как в общеанглийском нейтральном лексическом пласте **executive officer** переводится как «исполнительный директор» — «executive head» или «должностное лицо» — «official». Военная терминологическая единица **executive officer** используется в английском языке и в качестве аббревиатуры **ХО**.

Как отмечает терминолог К. Я. Авербух [Авербух 2015: 239], анализ разногруппных языков позволяет выявить весьма любопытную закономерность: до 80 % функционирующих в этих языках терминологических единиц образовано по достаточно устойчиво воспроизводимым моделям, число которых колеблется от 7 до 10.

Приведем примеры военных терминов, в которых терминологическая наполненность расширяется и, следовательно, отражаются наиболее объемные уровни классификационных ступеней соответствующей сферы. Это будет рассмотрено на примере развертывания термина *defence* в различных моделях. Приведем ряд терминологических моделей с дефинициями: 1) *defence procurement directive* — «директива по военным закупкам»; 2) *defence readiness condition* — «код состояния боевой готовности»; 3) *defence readiness condition* — «a number or a code word indicating the readiness posture of a unit for actual operations or exercises. Also called state of readiness» — «число или кодовое слово, указывающее готовность части (подразделения) к боевым действиям или учениям. То же: состояние боевой готовности».

Термин «военная реформа», имеющий отношение к военной отраслевой терминологической системе, в переводном композите также имеет лексическую единицу «*defence*» и звучит как *defence reform*. Приведем еще примеры военной терминологической композиционной модели с компонентом *defence*: *defence zone* — «зона обороны», т. е. «a three-dimensional zone of specific size within which missile defence assets are deployed and conduct combat operations to destroy ballistic targets. See also defence area» — «трехмерное пространство определенных размеров, в пределах которого развертываются силы и средства ПРО для проведения операций (боевых действий) по поражению баллистических целей. Смотрите также: район обороны, полоса обороны».

Термин способен выступать как вербализованный концепт. Это демонстрирует военная терминологическая модель *defended assets list (DAL)* — «список обороняемых объектов»: «a list of assets located in the theatre, which need to be protected from ballistic missiles. The DAL is normally incorporated into the Strategic Guidance received from the higher echelon of command, commander's decision on engagement operations (O-Plan) and CG operating procedures» — «перечень объектов, расположенных на театре военных действий, которые необходимо защитить от ударов баллистических ракет. Список обороняемых объектов включается в стратегические указания вышестоящего командования, решение командования о боевых действиях (оперативный план) и порядок работы Координационной группы».

Таким образом, наиболее типичными для образования новых терминов профессиональной военной сферы в английском

языке являются композиционные модели. Именно таким способом прежде всего формируется терминология, содержащая важные для отрасли понятия, связанные с конкретными процессами, предметами, теми или иными явлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. — Москва : Издательство МГОУ, 2006. — 252 с. — Текст : непосредственный.
2. Авербух, К. Я. Средства специальной номинации и проблема их описания в словарях разных типов / К. Я. Авербух. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 3. — С. 237—241.
3. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 179 с.
4. Герд, А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений / А. С. Герд. — Текст : непосредственный // Проблематика определений терминов в словарях разных типов : сб. научных статей. — Ленинград : Наука, 1976. — 161 с.
5. Гринев, С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения / С. В. Гринев. — Москва : Москов. пед. ун-т, 1998. — 144 с.
6. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — Москва : Наука, 1977. — 245 с. — Текст : непосредственный.
7. Капанадзе, Л. А. Проблемы изучения научно-технической терминологии / Л. А. Капанадзе. — Текст : непосредственный // Голоса и смыслы : избранные работы по русскому

языку / Л. А. Капанадзе ; Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова РАН. — Москва, 2005. — С. 9—78.

8. Комарова, З. И. Гармония vs. дисгармония терминов в научном дискурсе / З. И. Комарова. — Текст : непосредственный // Языки профессиональной коммуникации : сб. статей Четвертой Междунар. науч. конф. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — С. 17—21.

9. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина / В. М. Лейчик. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5. — С. 86—97.

10. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Изд. 3-е. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.

11. Нелюбин, Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) : учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 216 с. — Текст : непосредственный.

12. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : моногр. / Т. Г. Попова. — Москва : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. — 107 с. — Текст : непосредственный.

13. Попова, Т. Г. Национально-культурные факторы и элементы языкового кода / Т. Г. Попова. — Текст : непосредственный // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). — Москва, 2009. — Вып. 15. — С. 201—209.

14. Татаринцев, В. А. Теория терминоведения. В 3 т. Т. 1 / В. А. Татаринцев. — Москва : Московский лицей, 1996. — 311 с. — Текст : непосредственный.

15. Campaign. Dictionary of Military terms. — Macmillan : Bloomsbury, 2004. — 260 p. — Text : unmediated.

S. A. Stepanov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: —

M. V. Poluboyarova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: —

E-mail: sassas27@yandex.ru; marinasass_2314@mail.ru.

To the Issue of the Military Terminological Language Unit

ABSTRACT. *The article deals with the role of the military terminological language unit. The authors present different points of view on the nature, structure and research methodology of the term and give their own interpretation of the term as an object of study. While investigating linguistic phenomena, it is important to take into account the fact that language has epistemic and cognitive functions. Terminologists keep in mind the opposition between the word in the common language dictionary expressing the conventional meaning and the definition of the word in a special dictionary of professional terms. Terms are words included in a special dictionary (for example, diplomatic, military, natural-scientific, commercial, technical, juridical, etc.) used in language for specific purposes by representatives of multivarious professional spheres. The article contains a detailed analysis of the peculiarities of the English military terminological system and stresses that the military sphere is in certain touch with all social aspects of our life: military terminological units can be found in special texts on military topics and in mass media texts, both in the speech of professional military persons and in the communication between specialists of other fields of knowledge in which the military terminological unit, still keeping its reference to the military paradigm, can be used as a component of the common national language. On the basis of the specificity of the terminological meaning, the authors of the article make a conclusion that the semantic volume of the military terminological language unit expands in the process of cognition. The paper also argues that the most typical model of term formation is represented in the military sphere by compounding.*

KEYWORDS: *verbal projections; military terminology; military terms; military language; terminological linguistic units.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Stepanov Sergey Anatol'evich, Candidate of Philology, Professor, Head of the English Language Department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Poluboyarova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Translation and Translation Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Stepanov, S. A. To the Issue of the Military Terminological Language Unit / S. A. Stepanov, M. V. Po-*

REFERENCES

1. Averbukh, K. Ya. General Theory of the Term / K. Ya. Averbukh. — Moscow : MGOU Publishing House, 2006. — 252 p. — Text : unmediated. [Obschchaya teoriya termina / K. Ya. Averbukh. — Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2006. — 252 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Averbukh, K. Ya. Means of Special Nomination and the Problem of their Description in Dictionaries of Different Types / K. Ya. Averbukh. — Text : unmediated // Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky. — 2015. — No. 3. — P. 237—241. [Sredstva spetsial'noy nominatsii i problema ikh opisaniya v slovaryakh raznykh tipov / K. Ya. Averbukh. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. — 2015. — № 3. — S. 237—241]. — (In Rus.)
3. Volodina, M. N. Theory of Terminological Nomination / M. N. Volodina. — Moscow : Publishing house of Moscow University, 1997. — 179 p. [Teoriya terminologicheskoy nominatsii / M. N. Volodina. — Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. — 179 s.]. — (In Rus.)
4. Gerd, A. S. Terminological Meaning and Types of Terminological Meanings / A. S. Gerd. — Text : unmediated // Problems of Definitions of Terms in Dictionaries of Different Types : collection of scientific articles. — Leningrad : Science, 1976. — 161 p. [Terminologicheskoe znachenie i tipy terminologicheskikh znacheniy / A. S. Gerd. — Tekst : neposredstvennyy // Problematika opredeleniy terminov v slovaryakh raznykh tipov : sb. nauchnykh statey. — Leningrad : Nauka, 1976. — 161 s.]. — (In Rus.)
5. Grinev, S. V. Historical Systematized Dictionary of Terminology Terms / S. V. Grinev. — Moscow : Moscow Ped. Univ., 1998. — 144 p. [Istoricheskiy sistematizirovannyi slovar' terminov terminovedeniya / S. V. Grinev. — Moskva : Moskov. ped. un-t, 1998. — 144 s.]. — (In Rus.)
6. Danilenko, V. P. Russian Terminology: the Experience of Linguistic Description / V. P. Danilenko. — Moscow : Science, 1977. — 245 p. — Text : unmediated. [Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya / V. P. Danilenko. — Moskva : Nauka, 1977. — 245 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Kapanadze, L. A. Problems of Studying Scientific and Technical Terminology / L. A. Kapanadze. — Text : unmediated // Voices and Meanings: selected works on the Russian language / L. A. Kapanadze ; Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov of RAS. — Moscow, 2005. — P. 9—78. [Problemy izucheniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii / L. A. Kapanadze. — Tekst : neposredstvennyy // Golosa i smysly : izbrannyye raboty po russkomu yazyku / L. A. Kapanadze ; In-t russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova RAN. — Moskva, 2005. — S. 9—78]. — (In Rus.)
8. Komarova, Z. I. Harmony vs. Disharmony of Terms in Scientific Discourse / Z. I. Komarova. — Text : unmediated // Languages of professional communication : collection of articles of the Fourth Intern. scientific. conf. — Chelyabinsk : Encyclopedia, 2009. — P. 17—21. [Garmoniya vs. disgarmoniya terminov v nauchnom diskurse / Z. I. Komarova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyki professional'noy kommunikatsii : sb. statey Chetvertoy Mezhdunar. nauch. konf. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2009. — S. 17—21]. — (In Rus.)
9. Leychik, V. M. On the Linguistic Substrate of the Term / V. M. Leychik. — Text : unmediated // Problems of Linguistics. — 1986. — No. 5. — P. 86—97. [O yazykovom substrate termina / V. M. Leychik. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaneya. — 1986. — № 5. — S. 86—97]. — (In Rus.)
10. Leychik, V. M. Terminology: Subject, Methods, Structure / V. M. Leychik. — Ed. 3rd. — Moscow : LKI Publishing House, 2007. — 256 p. — Text : unmediated. [Terminovedenie: predmet, metody, struktura / V. M. Leychik. — Izd. 3-e. — Moskva : Izd-vo LKI, 2007. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Nelyubin, L. L. Introduction to Translation Technique (cognitive theoretical and pragmatic aspect) : teaching aid / L. L. Nelyubin. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 216 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskiy aspekt) : ucheb. posobie / L. L. Nelyubin. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 216 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Popova, T. G. National-cultural Semantics of Language and Cognitive-socio-communicative Aspects (based on the material of English, German and Russian languages) : monograph / T. G. Popova. — Moscow : Publishing house of MGOU "People's teacher", 2003. — 107 p. — Text : unmediated. [Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monogr. / T. G. Popova. — Moskva : Izd-vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. — 107 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Popova, T. G. National-cultural Factors and Elements of the Language Code / T. G. Popova. — Text : unmediated // Linguistic Being of a Person and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects : materials of the International School-Seminar (V Berezinsky Readings). — Moscow, 2009. — Issue 15. — P. 201—209. [Natsional'no-kul'turnye faktory i elementy yazykovogo koda / T. G. Popova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty : materialy Mezhdunarodnoy shkoly-seminara (V Berezinskiye chteniya). — Moskva, 2009. — Vyp. 15. — S. 201—209]. — (In Rus.)
14. Tatarinov, V. A. Theory of Terminology. In 3 volumes. Vol. 1 / V. A. Tatarinov. — Moscow : Moscow Lyceum, 1996. — 311 p. — Text : unmediated. [Teoriya terminovedeniya. V 3 t. T. 1 / V. A. Tatarinov. — Moskva : Moskovskiy litsey, 1996. — 311 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Campaign. Dictionary of Military terms. — Macmillan : Bloomsbury, 2004. — 260 p. — Text : unmediated.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.111'42
ББК Ш143.21-51
DOI

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Д. М. Татаурова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ORCID ID: —

E-mail: darya.tataurova@mail.ru.

Семантическая вариативность термина *national* и его синонимический ряд в британском конституционном интертексте

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию эволюции термина «national», проявляющейся в его семантической вариативности в рамках британского конституционного интертекста. Обширность семантики и, как следствие, неоднозначность наряду с самобытностью интертекста Основного закона Великобритании требует дальнейших исследований данного термина. Анализируемый термин, будучи гиперонимом, рассматривается как структура с точки зрения прототипического подхода, базирующегося на существовании прототипического референта, или эталонной актуализации специального концепта, имеющей ряд признаков, или прототипический сигнификат. С данной точки зрения термин объективируется в качестве структуры, состоящей из ядра, или прототипического референта, околядерной зоны, содержащей референты с большинством прототипических признаков, и периферии, включающей в себя референты с сигнификатом, в наименьшей степени соответствующим прототипу. Анализ изучаемого термина осуществляется в контексте интертекстуальных исследований, на основании того, что любой текст представляет собой систему цитат, т. е. интертекст. Данный подход позволяет детально изучить варианты объективации термина «national».

Сопоставление различных репрезентаций данного термина в рамках его прототипических структур, репрезентированных в таких единицах британского конституционного интертекста, как «Билль о правах» и Акты Парламента 1914, 1948 и 1981 гг. и другие, показывает, что меняется как формальная структура, так и содержание каждого отдельного синонима термина «national», что обусловлено видоизменением сигнификата референтов, обозначаемых членами синонимического ряда. Автор приходит к выводу, что состав структуры термина «national» на протяжении трансформации интертекста становится всё более однородным по причине растущей схожести сигнификатов членов данной структуры, что свидетельствует о качественных изменениях в отношениях между составляющими синонимического ряда термина «national», переходящими в область полной синонимии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданин; интертексты; конституция; синонимия; сигнификат; сигнификативные признаки; референты; прототипический подход; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Татаурова Дарья Михайловна, аспирант, кафедра романо-германской филологии, институт филологии, иностранных языков и межкультурной коммуникации, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: darya.tataurova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Татаурова, Д. М. Семантическая вариативность термина *national* и его синонимический ряд в британском конституционном интертексте / Д. М. Татаурова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 94-105. — DOI.

Политический дискурс многогранен и обладает множеством характеристик, однако в качестве базовых предстают связь с политическими проблемами и авторство политика [Чудинов 2012: 53]. Конституция как дискурс, напрямую связанный с политическими аспектами и созданный политическими субъектами, являет собой пример дискурса, воплощающего политическую коммуникацию, причем собственно политического дискурса, ведущегося от имени государства и созданного для массового и группового адресата. Дискурс Конституции, с одной стороны, общедоступен, с другой — требует толкования специалистов, так как в полной мере понятен только им [Чудинов 2012]. В частности, ввиду многозначности терминов и того, что определенные положения Конституции но-

сят общий характер, отражением чего служит использование абстрактных лексических единиц, дискурс Конституции подлжит процедуре официального толкования, особая потребность в чем обусловлена выражением правовой нормы и ее понятий посредством минимума лексики абстрактного содержания при максимальном ее смысловом, юридическом наполнении [Червонюк, Саудханов 2018]. Помимо этого, конституционный дискурс имеет такие черты политической коммуникации, как ритуальность, информативность и институциональность, кроме того, конституционному дискурсу присущи стандартность и определенная степень экспрессивности, оценочность и диалогичность, выраженная посредством интертекстуальности [Чудинов 2012].

На данный момент в актуальных лингвистических исследованиях ученые признают установленным тот факт, что текст, будучи многосторонним языковым феноменом, в любом случае есть интертекст, или конфигурация воспроизводимых сознательно и/или бессознательно цитат, как прямых, так и не прямых [Барт 1989]. Понимание любого текста как системы цитат, где происходит метаморфоза цитируемого текста, было сформулировано в изысканиях Ю. Кристевой, где слово как единица данного текста связывает текст, а значит, и его адресата и адресанта с иными текстами, в которых оно было когда-либо употреблено [Кристева 2004]. Текст, всегда будучи интертекстом, является средством связи между людьми, находящимися в различных точках пространственно-временного континуума, создавая общее культурное наследие и идентичность [Bauks, Horowitz, Lange 2013].

Конституция также может быть представлена в виде интертекста, т. е. системы цитат, или текста, состоящего из моно- и полиреферентных заимствований из различных источников. Данная система предстает как результат осмысления базовых специальных концептов, на которых основывается взаимодействие государства и человека в случае рассмотрения в качестве интертекста Основного закона в аспекте меняющихся политико-юридических реалий. Благодаря интертексту как продукту когнитивной деятельности осуществляется хранение, передача и переосмысление знания, вербализованного в предыдущих версиях интертекста, или претекстах [Литвиненко 2011: 262; 2012a: 76]. Конституция как текст содержит определенные национальные архетипы, или базовые элементы коллективного бессознательного, служащие для передачи национальных ценностей. Данные архетипы имеют образ (содержание) и форму [Басенко 2010: 120]. Однако актуализация социокультурных кодов как свода ценностей и норм, позволяющих нации существовать как самостоятельной структуре, не ограничивается архетипами, может выражаться различными средствами языка [Литвиненко 2012b: 300].

Многообразная сущность дискурсивного содержания Конституции как основного закона основывается на базовых семантических единицах, в число которых входит понятие *гражданин*. Этот концепт как отражение изменений политического государственного строя подвергался глубоким процессам эволюции в основных законах различных стран, однако его рассмотрение в рамках интертекста Конституции Великобритании, где он семантизируется в качестве термина *national*,

представляется актуальным по причине, во-первых, его широкой семантической вариативности, а следовательно, неоднозначности, во-вторых, из-за сложности британского конституционного интертекста, обусловленной отсутствием Основного закона в форме единого кодифицированного документа. Цель данного исследования — выяснить, каким образом проявляется семантическая вариативность термина *national* на протяжении развития британского конституционного интертекста и какие изменения претерпел синонимический ряд рассматриваемого термина. Объект исследования есть термин *national* и его синонимические репрезентации, предмет исследования представляет собой британский конституционный интертекст.

Конституция Великобритании не ограничивается единым текстом, как большинство основных законов, но состоит из целого свода документов, не имеющего при этом фиксированного состава. Существуют, однако, документы, представляющие основу британской Конституции: общее право (Common Law), статуты (Statutes), т. е. законы, конституционные соглашения (Conventions) и обычное право наряду с законодательными актами парламента (The Law and the Custom of Parliament) [Полякова 2013: 145].

Кроме того, являются ключевым документом и неписанные положения текста Конституции Великобритании, а именно Конституционные соглашения Соединенного Королевства (Constitutional Conventions of the United Kingdom), при этом имеющие общий характер и не зафиксированные в официальном юридическом тексте [Яровая, Дерябин 2018: 38].

Одной из причин такого явления предстает отсутствие в истории Великобритании радикальных изменений политического строя, при которых требуется скорое принятие нового Основного закона, сформулированного в едином тексте. Британская Конституция включает в себя прежде всего законы, регулирующие власть правителя, т. е. монарха, не имеющего фактической власти, но всё же вольного влиять на решения реально действующих институтов власти наряду с их одобрением [Полякова 2013: 144—145].

Одним из таких понятий, вокруг которых организуется концептуальная структура Британской конституции, является специальный концепт *national*. Несомненно, ввиду существования различных форм отношений между государством и человеком на протяжении истории Великобритании, данный специальный концепт объективировался в виде различных синонимов, отражающих разновидности этих отношений.

Приведем словарные дефиниции специального концепта **national**:

Nationality. 1. NATION. 2. *The relationship between a citizen of a nation and the nation itself, customarily involving allegiance by the citizen and protection by the state; membership in a nation. This term is often used synonymously with citizenship. See CITIZENSHIP*. 3. *The formal relationship between a ship and the nation under whose flag the ship sails. See FLAG state* [Black's Law Dictionary 1990: 1151].

National. 1. *A member of a nation*. 2. *A person owing permanent allegiance to and under the protection of a state* [Black's Law Dictionary 1990: 1121].

В данных определениях термин *national* обозначает субъекта, обладающего состоянием **nationality**, т. е. имеющего принадлежность к государству и пользующегося его защитой; есть и другое значение этого понятия — «член определенной нации», что объективирует близость терминов **nationality** и **ethnicity**. Рассмотрим другую дефиницию данного термина:

National /'næɪ/ (ə)nəl/ 1. *Adjective. Referring to a particular country*; 2. *Noun. Somebody who is a citizen of a state* [Dictionary of Law 2004: 198].

Термин **nationality** в данном словаре определяется как «**the state of being a citizen or subject of a particular country**», что наглядно демонстрирует наличие отношений между человеком и государством, но не их полноту, так как вводится следующий термин **subject**, имеющий значение «подданный».

Помимо этого, рассмотрим определение данного термина, приведенное на официальном сайте департамента Правительства Великобритании, ответственного за иммиграционную политику и безопасность (Home Office):

«*United Kingdom National*». 1. *The term "United Kingdom national" is not defined in the nationality law of the United Kingdom. It has been defined in various ways and at various times for the purposes of other United Kingdom legislation, international agreements, treaties and the like*. 2. *The significance of the term "national" in international law is that it signifies a person connected with a State by a special legal tie entitling that State to protect the person in its relations with other States. Generally speaking, the term "United Kingdom national" or, more colloquially, "British national" covers:*

- *British citizens*
- *British Dependent Territories citizens*
- *British Overseas citizens*
- *British subjects (under Part IV of the BNA 1981)*
- *British protected persons*
- *British Nationals (Overseas)* [Home Office www].

В данной дефиниции наблюдается, во-первых, прямая экспликация отсутствия как такового единого определения рассматриваемого понятия в документах, касающихся гражданства, а следовательно, вариативности его смыслов. Во-вторых, всё же сформулированная в конкретном правительственном документе современная дефиниция актуализирует широкое значение данного понятия через его употребление в контексте международного права для следующего референта: человек, имеющий законные отношения с данным государством, служащие для государственной защиты человека в отношениях с другими государствами. Далее приводятся гипонимы термина, которые будут рассмотрены ниже.

Теперь рассмотрим эволюцию номинативной репрезентации данного концепта на протяжении изменения Британской конституции. Конституция Великобритании имеет давнюю историю, она включает законы со времен истоков существования государства. Так, одна из составных частей Конституции Великобритании, репрезентирующая общее право (Common Law), содержит законы, издававшиеся начиная с 1066 года. Корни данного Основного закона уходят в такой прецедентный юридический текст, как римское право, служащий также одним из фундаментальных интертекстов для многих других конституций [Яровая, Дерябин 2018: 34—46]. Рассмотрение понятий, касающихся статуса человека, отношений между ним и государством, стало осуществляться в Великобритании ещё в Средние века, но конституционным документом, закрепившим права и свободы британского подданного, стал такой законодательный акт, как «Билль о правах» (the Bill of Rights, 1689), другое его название — «An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown», представляющий собой одну из базовых частей Британской конституции. В данном документе употребляется такой синоним специального концепта **national**, как **subject** (подданный), однако не приводится его дефиниция. Несмотря на это, в данном контексте специальный концепт **subject** не обладает выраженным сигнификативным признаком «подчинение монарху», в данном интертексте подчеркивается такой элемент сигнификата, как «права и свободы» (Rights and Liberties). Значит, изначально концепт **subject** является практически полностью синонимичным специальному концепту **citizen** в его современной репрезентации с той лишь разницей, что **subject** включает в себя такую сему, как «монархический строй правления» [Bill of Rights www].

У специального концепта и его имени выделяется набор существенных языковых признаков, по-другому сигнификат. Объекты реального мира, к которому отсылает соотносимое с ними понятие, суть его актуальные денотаты, или референты [Кобозева 2000: 81—83]. Прототипический подход рассматривает строение понятий и терминов с точки зрения прототипической теории значения (Э. Рош), где определяется его прототипический денотат (референт), который мыслится как эталон множества объектов, в той или иной степени соответствующих данному понятию, и прототипический сигнификат, представляющий собой набор свойств, определяющих данный эталон. Элементы, репрезентирующие объекты, соотносящиеся с понятием, входят в его структуру и занимают там положение не по причине наличия конкретного набора свойств у абсолютно всех объектов и референтов соответственно, а по принципу степени соответствия данного референта прототипическому денотату понятия, или эталону, который занимает главную позицию и организует структуру категории вокруг себя как ее центра [Кобозева 2000: 85; Кубрякова 2004]. Выделенные когнитивные компоненты термина могут быть структурированы посредством радиальной структуры [Болдырев 2001].

Таким образом, при представлении концептуальной структуры рассматриваемых понятий с точки зрения прототипического подхода, на каждом данном этапе эволюции мы объективируем его прототипическую структуру, состоящую из нескольких кластеров. Однако в Билле о правах 1689 г. как единице конституционного интертекста не прослеживается категориальная структура понятия *citizen*, объективированного с помощью синонима *subject*. Юридический статус существующих на тот момент разновидностей гражданства, действовавших в Англии как юридической и политической предшественнице Великобритании, был описан английским ученым, политиком и адвокатом сэром Уильямом Блэкстоном в его фундаментальной работе «Комментарии к английским законам» (*Commentaries on the Laws of England*, 1769): как было указано выше, в британском праве по сей день отсутствует система конкретных, закрепленных письменно документов, именно по этой причине в качестве авторитетного юридического источника здесь рассматривается данный документ, являющийся интертекстом, вбирающим в себя знание из юридических текстов данной эпохи, в том числе неписанных. По причине монархического строя данного государства, имя концепта *national*

здесь также не имеет актуализации, но заменяется соответствующими синонимичными именами, которые мы рассмотрим ниже. Название посвященной данной тематике главы работы «*Commentaries on the Laws of England*» отражает все имена объективаций данного концепта и звучит как «*Of the people, whether aliens, denizens, or natives*». Так, во-первых, люди по своему статусу подразделялись на подданных по рождению (*Natural-born subjects unu natives*) и иностранцев (*aliens*), т. е. главным признаком, по которому определялся статус человека, служило место его рождения. Следующий термин, характеризующий отношения между государством и человеком, — это *натурализованный гражданин*, или *denizen*. Данный термин представляет собой промежуточное положение между подданным по рождению (*Natural-born subject*) и иностранцем (*alien*), т. е. он описывает иностранца, который официально приобретает подданство Англии [Blackstone's Commentaries on the Laws of England www].

Таким образом, в данном интертекстуальном элементе эксплицируется четкая категориальная структура концепта. В качестве наименования категории актуализируется при наличии гиперонимический термин, включающий в себя все гипонимы, располагающиеся в разных кластерах категории. При отсутствии такового представляется возможным наименование категории по ядерному, эталонному термину, но гиперонимический термин мыслится как более предпочтительный вариант, так как имеет непосредственное отношение ко всем элементам категории. В данном случае названием категории будет служить синонимичный термин *subject* по причине того, что данный специальный концепт предстает как общее наименование отношений государства и человека в интертексте Билля о правах, актуального на тот момент. Места кластеров категории будут занимать такие специальные концепты, как *alien*, *denizen*, *native* (*natural-born subject*). Наиболее близким к эталону предстает понятие *native* (*natural-born subjects*), так как данный денотат обладает наиболее широким набором сигнификативных признаков, удовлетворяющих специальному концепту *subject*: «постоянное обладание всеми возможными правами», в том числе «участие в политической жизни государства», «возможность приобретения земли для собственных нужд», «право наследования» и «торговля со стандартными пошлинами»; также «постоянное обладание защитой государства». Данное понятие будет находиться в ядре прототипической

категории *subject*. Околоядерную зону будет занимать специальный концепт *denizen*, который обладает сигнификативными признаками «защита государством» и «приобретение земли для собственных нужд», но остальные признаки — «право наследования», «торговля со стандартными пошлинами», «участие в политической жизни государства» — отсутствуют. Периферию составляет концепт *alien*, в сигнификат которого не входят перечисленные признаки, но наличествуют «временное обладание всеми возможными правами». Основным критерием для определения положения понятия внутри прототипической категории является «место рождения». В юридических текстах того времени фигурирует также понятие «люди» (*people*), однако оно не имеет объективированной политической и юридической семантической составляющей, являясь слишком обобщенным гиперонимом. По сравнению с претекстом Билля о правах 1689 г., где концепт *subject* является объективацией наличия ключевых признаков отношений государства и человека, выраженных в сигнификативном признаке «права и свободы», в интертексте труда «Commentaries on the Laws of England» *subject* не предстает как единый концепт, но приобретает уточняющую сему *natural-born*, чем акцентируется сигнификативный признак «место рождения» как ядерный, а значит, определяющий для места в концептуальной категории, сигнификативный признак «права и свободы» по-прежнему присутствует, но не служит для определения референта термина *subject* как субъекта, обладающего правами и свободами, а создает антонимию между членами категории, противопоставляясь им на основании данного признака.

До выхода Акта Парламента (Акты Парламента, как было сказано выше, входят в Конституцию Великобритании), регулирующего гражданские отношения в Великобритании, под названием «British Nationality and Status of Aliens Act» в 1914 г. данная концептуальная структура оставалась практически неизменной. В новой версии интертекста наблюдается актуализация специального концепта *nationality*, который противопоставляется специальному концепту *alien*, так как в тексте заголовка последний концепт выражен отдельно, а не включен в понятие *nationality*. Последний термин служит в качестве наименования категории, заменяя имя *subject*, так как представлен в заголовке интертекста и в самом интертексте как общий абстрактный термин, служащий для объективации различных видов государственно-человеческих отношений. Категори-

альная структура концепта, представленная в данной репрезентации конституционного интертекста, такова: в ядре категории по-прежнему находится концепт *natural-born British subject*; добавляется сема *british*, приобретаемая в результате лексической экспликации статуса Британской империи: в качестве референтов выступают не только подданные Британии, но и всей Британской империи. Исчезает другая формулировка данного концепта *native*. В то же время концепт *denizen* эволюционирует в понятие *naturalized British subject*, которое в данной объективации обладает абсолютно таким же набором сигнификативных признаков в виде обозначений набора прав и обязанностей, как и концепт *natural-born British subject*. Отличие состоит в таких признаках, как «рождение за границей», «нахождение на территории страны в течение пяти лет», «достаточное знание местного языка», «добропорядочность», «готовность служить государству» и «наличие сертификата натурализации», но они не являются определяющими для категоризации подданного в общем смысле. Следовательно, происходит нейтрализация антонимии, существовавшей в претексте «Commentaries on the Laws of England» между ядерным концептом *natural-born subject* и концептом околоядерной зоны *denizen*. В интертексте «British Nationality and Status of Aliens Act» ядро категории занимает гиперонимический концепт *British subject*, включающий в себя термины *natural-born British subject* и *naturalized British subject*, в котором отсутствует сема, объективирующая способ приобретения гражданства, определяющим критерием для расположения денотата прототипической категории является теперь не «место рождения», но «наличие подданства». Околоядерная зона как таковая становится лакунарной, термин *alien* также остается периферийным [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 www].

Далее был принят Акт Парламента 1948 г. (British Nationality Act 1948), ставший новой репрезентацией интертекста. Специальный концепт *British subject* трансформировался в термин *Citizen of the United Kingdom and Colonies (CUKC)*, в котором, во-первых, эксплицируется колониальная структура Британской империи, во-вторых, сема *subject* заменяется на *citizen*. Помимо этого, для того же самого референта появился альтернативный специальный концепт *Commonwealth citizen*, в котором опять-таки наблюдается замена семы *subject* на *citizen* и утрачивается сема *British*, вместо нее употребляется *Commonwealth* — данная но-

минация становится гиперонимической и сопряжена с нивелированием лексического выражения главенства Британии среди стран Содружества. Однако люди, не принявшие гражданство ни одной из стран Содружества, согласно этому акту, имели статус **British subject without citizenship**, т. е. появляется новый определяющий для положения в структуре категории сигнификативный признак — «наличие гражданства», из чего следует, что специальный концепт «подданный» (**subject**) и возникший «гражданин» (**citizen**) не являются полными синонимами в пределах данного претекста. При рассмотрении получившейся категориальной структуры ее ядро в данной реализации интертекста занимает новый специальный концепт **citizen**, как имеющий в своем сигнификате «наличие гражданства», концепт **subject** сдвигается в околядерную зону, как не обладающий вышеуказанным признаком, но имеющий элемент сигнификата «защита государством», на периферии остается специальный концепт *alien*, у которого отсутствуют критериальные составляющие сигнификата [British Nationality Act 1948 www].

В данном интертексте в качестве названия категории также фигурирует специальный концепт **nationality**, передавая концептуализацию семы «Наличие отношений между государством и человеком», а значит, выполняя функцию гиперонима — названия категории, включающей в себя термины-объективации конкретных разновидностей этих отношений [British Nationality Act 1948 www].

В следующей репрезентации британского конституционного интертекста — акте, касающемся иммиграции, 1971 г. «Immigration Act 1971» в сигнификат структуры концепта **citizen** был введен признак «право на проживание» (**right of abode**), обозначающий право на свободный въезд в страну и на проживание без ограничений со стороны миграционных служб [Immigration Act 1971 www]. Введение данного признака впоследствии привело к более четкому разделению ядра и периферии категориальной структуры на основании данного сигнификативного признака в Акте Парламента 1981 г. (*British Nationality Act 1981*) [British Nationality Act 1981 www].

В этой интертекстуальной версии утрачивается такой специальный концепт, как **Citizen of the United Kingdom and Colonies (CUKC)**, однако его альтернатива — термин *Commonwealth citizen* — в связи с изменившимся политическим статусом Великобритании как Соединенного Королевства, а не колониальной державы, получает более широкое семантическое наполнение:

относясь к тем же референтам, он объективирует их не в качестве британских граждан, а как людей, имеющих политико-юридические отношения с Содружеством наций — бывшей Британской империей, трансформировавшейся в союз независимых государств на добровольной основе; исходя из своей семантики, данный термин уже не относится непосредственно к категории, но включает в себя пять ее членов из шести. Термин **citizen of the United Kingdom and Colonies (CUKC)** подвергся дивергенции для обозначения различных групп референтов. Если до принятия акта о британском гражданстве 1948 г. термин **citizen of the UK and Colonies** был общим и касался правового статуса всех граждан, находящихся под эгидой британского монарха, то после вступления в силу нового документа появились гипонимические термины **British Citizen**, **British Dependent territories Citizen** (который впоследствии был преобразован в **British Overseas Territories Citizen** посредством акта 2002 г. **British Overseas Territories Act 2002** [British Overseas Territories Act 2002 www], где наблюдается, что политически окрашенное имя концепта становится нейтральным) и **British Overseas Citizen**, актуализирующие разные формы гражданства в зависимости от места рождения человека. К последнему термину близок еще один вновь введенный специальный концепт **British national (overseas)**. Термин обозначает жителей Гонконга, изначально являвшихся референтами для концепта **British overseas citizen**, но ввиду перехода Гонконга под управление Китая и его неопределенного политического статуса требующих для референции отдельного специального концепта, в котором экспликация данных жителей и Британии становится более общей, указывающей скорее на наличие политико-юридических отношений, чем на их качество. Кроме того, в категории данной единицы интертекста остается специальный концепт: **British subject without citizenship**, касающийся тех референтов-подданных (**subjects**), кто по каким-либо причинам не принял гражданство (**citizenship**) (граждане Британской Индии и Ирландии). Наряду с перечисленными, в категорию **national** был введен термин **British protected person**, осуществляющий референциальную связь по отношению к людям без гражданства Великобритании, но проживающих на территориях, официально не являвшихся колониями Великобритании и находившихся под защитой этой страны; отсутствие сигнификативных признаков «наличие гражданства» и «защита государства» выражено семой «person» и отсутствием в

данном имени концепта элементов, лексически реализующих политические и юридические связи государства и человека. Также данный термин не входит в семантическое поле термина **Commonwealth citizen** [British Nationality Act 1981 www].

Помимо упомянутого критериального сигнификативного признака для категории «право на проживание» (**right of abode**), столь же существенной предстает такая составляющая сигнификата, как осуществление избирательного права (**right to vote**). Данный сигнификативный признак, согласно документу, регулирующему избирательное право — **Representation of the People Act 1983**, присущ термину **Commonwealth citizen**, который, как уже было сказано выше, включает в себя все термины категории **National**, кроме **British Protected Person**, следовательно, последний оказывается на ближней периферии данной категории [Representation of the People Act 1983].

Категориальная структура меняет имя на более конкретный термин **national**, так как данный термин получает объективацию в версии конституционного интертекста «British Nationality Act 1981», объединяя в своей семантике все шесть перечисленных терминов и являясь по отношению к ним гиперонимом. В отличие от термина **nationality**, обозначая уже не наличие отношений между человеком и государством, но конкретного референта, в этих отношениях состоящего.

Структура категории выглядит следующим образом: ядро представляют концепты, выраженные именами **British Citizen**, **British Overseas Territories Citizen** и **British Overseas Citizenship**, так как они обладают доминантными сигнификативными признаками «наличие гражданства», «защита государства» и «право на проживание»; в околоядерной зоне находятся концепты **British national (overseas)**, **British subject without citizenship**, имеющие сигнификативный признак «защита государства»; **British protected person** заполняет кластер ближней периферии, так как обладает сигнификативным признаком «защита государства», но не имеет признак «наличие избирательного права»; на дальней периферии остается термин **alien** [British Nationality Act 1981 www].

Помимо законодательных актов, в качестве единиц конституционного интертекста выступают словари, в том числе правовые и юридические. Рассмотрим современные словарные дефиниции:

Citizen, n. 1. A person who, by either birth or naturalization, is a member of a political community, owing allegiance to the community and being entitled to enjoy all its civil rights and

protections; a member of the civil state, entitled to all its privileges.

Citizenship, n. 1. The status of being a citizen. 2. The quality of a person's conduct as a member of a community [Black's Law Dictionary, 1990: 306].

В данных дефинициях прослеживается двусторонняя связь гражданина и государства, проявляющая себя в выполнении взаимных прав и обязанностей, а также акцентируется человек как член общества, активно участвующий в его жизни.

Subject. Somebody who is a citizen of a country and bound by its laws [Dictionary of Law 2004: 286—287].

Subject, n. 1. One who owes allegiance to a sovereign and is governed by that sovereign's laws <the monarchy's subjects>.

“Speaking generally, we may say that the terms subject and citizen are synonymous. Subjects and citizens are alike those whose relation to the state is personal and not merely territorial, permanent and not merely temporary [Black's Law Dictionary 1990: 1561].

В первом определении данный термин уподобляется термину **citizen**, но раскрывает последний со стороны выполнения законных обязанностей. Во втором же случае опять акцентируется человек как объект действий государства, т. е. в данном термине эксплицируется лишь одна сторона отношений между государством и человеком, в отличие от **citizen**, актуализирующего в первую очередь права и свободы. Более того, термин **subject** относится преимущественно к государствам с монархической формой правления, в то время как специальный концепт **citizen** обозначает отношения в демократическом государстве, республике. Помимо этого, возможна трактовка специального концепта **subject** как гипонимасинонима термина **national**, включающего в себя как полноправных граждан (**citizens**), так и людей, не обладающих всей полнотой прав, например иммигрантов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в конституционном интертексте Великобритании термин **national** является общим, гиперонимическим наименованием для всех возможных типов гражданства как отражения наличия отношений между государством и человеком без конкретизации количества и качества аспектов отношений человека и государства; термин **subject** отражает старое наименование отношений человека и государства («подданный»), пройдя путь от объективации наличия прав и свобод человека по отношению к государству (будучи архаичным синонимом к современному термину **national**) и одновре-

менно в более узком смысле выражения обладания полнотой этих прав и свобод (как устаревший синоним термина *citizen*) до семантизации неполноты прав в качестве современного термина, что определяется отсутствием в сигнификате данного термина такого признака, как право на проживание (*right of abode*). Термин *citizen* в современной дискурсивной реализации является наиболее полной актуализацией всех обязанностей, прав и свобод человека.

Рассмотрев развитие номинации концепта *national* на протяжении эволюции интертекста Британской конституции, мы можем сказать, что периферия категориальной структуры данного специального концепта остается относительно неизменной, объективируясь посредством имени концепта *alien* как объективации отсутствия правовых отношений государства и человека, однако в последнем варианте интертекста Британской конституции, касающегося рассматриваемого нами концепта, происходит разделение на ближнюю и дальнюю периферию. Ядро и околоядерная зона в то же время подлежали постоянному изменению, что в диахроническом аспекте показывает модификацию синонимических связей между именами рассматриваемого понятия: при зарождении британского конституционного интертекста (см. рис. 1) ядро категории представлял термин *subject*, профилируя полноту прав. Он функционировал и как общее наименование категории, и как обозначение полноты прав и свобод, хотя в последнем случае он определялся семой *natural-born*. Околоядерную зону представлял термин *denizen*, ставший архаичным и не имевший в своем сигнификате признаки «право наследования», «торговля со стандартными пошлинами» и «участие в политической жизни государства». Далее, в претексте Акта 1914 г. «British Nationality and Status of Aliens Act» (см. рис. 2) термин *denizen* эволюционирует в *naturalized subject*, ядро концепта по-прежнему объективируется как *natural-born subject*, но включает в себя и термин *naturalized subject* по причине практически одинакового, полного сигнификата, и околоядерная зона категории не получает

семантизации. Наименование категории осуществляется с помощью абстрактного термина *nationality*.

В последующем претексте — Акте Парламента 1948 г. (British Nationality Act 1948) (см. рис. 3) ядро категории занимает впервые объективированный термин *citizen*, реализуемый сразу в двух вариациях: *citizen of the United Kingdom and Colonies* и *Commonwealth Citizen*; термин *subject* сдвигается из ядра в околоядерную зону, так как он семантизируется в форме *British subject without citizenship*, что помещает термины *citizen* и *subject* в рамки отношений антонимии на основании признака «наличие гражданства» как реализации политических прав референта. Общее наименование существования государственных отношений также передается с помощью термина *nationality*. В последующем и последнем на данный момент интертексте Акта Парламента 1981 г. «British Nationality Act 1981» (см. рис. 4) происходит максимальное расщепление структуры категории на кластеры: сама категория обозначается термином *national*, видоизмененным от абстрактного понятия к термину, применимому к конкретному референту; вся центральная часть, включая ядро и околоядерную зону, объективируется как *Commonwealth Citizen*, периферия расщепляется: дальняя периферия представлена по-прежнему термином *alien*, а ближняя периферия включает в себя термин *British Protected Person*, чье положение обусловлено отсутствием сразу двух критериальных составляющих сигнификата: *right to abode (право проживания)* и *right to vote (избирательное право)*. Центральная часть делится следующим образом: околоядерная зона представлена терминами *British national (overseas)*, *British subject without citizenship*, которые не имеют сигнификативного признака *right to abode (право проживания)*, а ядро представлено тремя терминами: *British Citizen*, *British Overseas Territories Citizen* и *British Overseas Citizen*. Центральная часть и периферия находятся в отношениях антонимии по признаку «наличие избирательного права», ядро и околоядерная зона — по «праву на проживание».

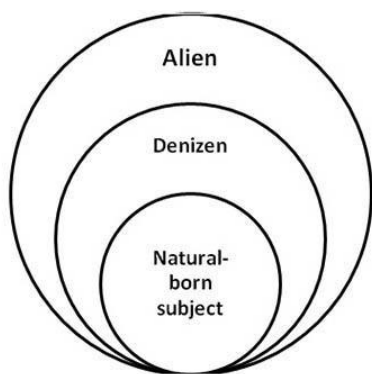

Рис. 1.

Структура категории «Subject» в раннем британском конституционном интертексте

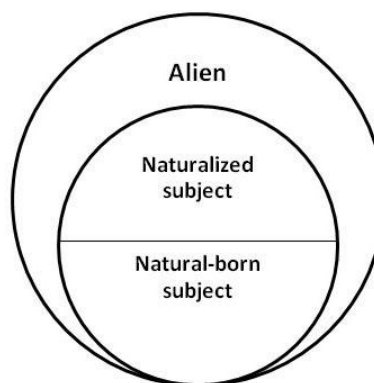

Рис. 2

Структура категории «Nationality» в интертексте Акта 1914 года British Nationality and Status of Aliens Act

Рис. 3

Структура категории «Nationality» в интертексте Акта Парламента 1948 года British Nationality Act 1948

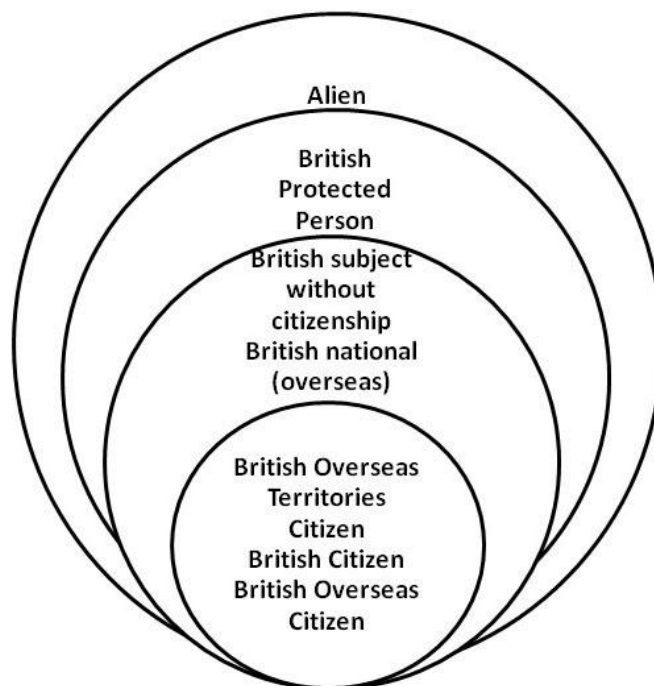

Рис. 4

Структура категории «National» в интертексте Акта Парламента 1981 года British Nationality Act 1981

Таким образом, сравнивая итоговые дискурсивные дефиниции терминов в британском конституционном интертексте и дефиниции, приведенные в словарях, можно отметить, что термин *national* функционирует как гиперонимический для отражения факта существования отношений между государством и человеком во всех вариантах употребления; отношения между его гипонимами *citizen* и *subject* являются менее однозначными. Словарный интертекст позиционирует данные отношения либо как почти полностью синонимичные с представлением в термине *citizen* семы «демократический строй», а в *subject* — с профилированием семы «монархия», что существенно не влияет на состав сигнификата; либо противопоставляет их на основании того, что в первом термине профилируется сигнификативный признак «права и свободы», в том числе в отношении общества, а значит, в сигнификат должен входить признак «избирательное право», а во втором термине эксплицируется сигнификативный признак «обязанности». Объективация данных терминов в непосредственно конституционном интертексте не совпадает со словарной семантизацией, так как в конституционном дискурсе они отличаются лишь одним элементом сигнификата *right to abode* (право проживания) — наличием данного признака у первого и отсутствием у второго термина, но не признаком «наличие избирательного права»; также несмотря на монархический строй правления, концепт *citizen* амплифицирован в рассматриваемой нами категории *national* в виде значительного количества вариаций. Тем не менее «наличие избирательного права» как основание для антонимии терминов *citizen* и *subject* всё же проявляет себя в том, что общее наименование центральной части категории *national* «*Commonwealth citizen*», имеющей в сигнификате данный признак, концептуализируется именно с помощью семы *citizen*. Такая нечеткость в отношениях синонимии-антонимии, обусловленная отсутствием четкого состава сигнификата, свидетельствует о движении терминов *citizen* и *subject* к полной синонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с. — Текст : непосредственный.
2. Басенко, Г. В. Прагмалингвистические особенности идеологизированных речевых штампов (на материале текстов Конституций России и Германии) / Г. В. Басенко. — Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. — 2010. — № 2. — С. 119—123.
3. Болдырев, Н. Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. — Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. — Изд. 2-е, стер. — С. 66—84.
4. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. — Текст : непосредственный.
5. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 656 с. — Текст : непосредственный.
6. Кубрякова, Е. С. Проблемы категоризации человеческого опыта / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — Глава 4. — С. 96—114.
7. Литвиненко, Т. Е. Социокультурные коды конституционного дискурса / Т. Е. Литвиненко. — Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. — 2012. — Вып. 5 (638). — С. 300—310.
8. Литвиненко, Т. Е. Конституция как интертекст / Т. Е. Литвиненко. — Текст : непосредственный // Вестник ИГЛУ. — 2012. — № 1 (17). — С. 76—81.
9. Литвиненко, Т. Е. Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка / Т. Е. Литвиненко. — Текст : непосредственный // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. — Москва : Тезаурус, 2011. — С. 262—280.
10. Полякова, А. А. Роль короны в британской конституционной системе / А. А. Полякова. — Текст : непосредственный // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 144—147.
11. Червонюк, В. И. Толкование Конституции и конституционная герменевтика / В. И. Червонюк, М. В. Саудханов. — Текст : непосредственный // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2018. — № 4. — С. 67—74.
12. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53—59.
13. Яровая, М. В. Историко-правовые аспекты формирования неписаной части Конституции Великобритании / М. В. Яровая, Ф. Ю. Дерябин. — Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». — 2018. — № 1 (29). — С. 34—46.
14. Between Text and Text: The Hermeneutics of Intertextuality in Ancient Cultures and Their Afterlife in Medieval and Modern Times / ed. by M. Bauks, W. Horowitz, A. Lange. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. — 363 p. — Text : unmediated.
15. Bill of Rights (1688). — URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
16. Blackstone's Commentaries on the Laws of England. Book the First: Chapter the Tenth: Of People, Whether Aliens, Denizens or Natives // Lillian Goldman Law Library. — 2008. — URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch10.asp (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
17. British Nationality Act 1948. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
18. British Nationality Act 1981. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
19. British Nationality and Status of Aliens Act 1914. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/2/section/1/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
20. British Overseas Territories Act 2002. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/8/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
21. Citizen, citizenship // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 306. — Text : unmediated.
22. Immigration Act 1971. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents/enacted> (date of access: 24.06.2020).
23. National // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1121. — Text : unmediated.
24. National // Dictionary of Law / ed. by P. H. Colin. — Fourth Edition. — Bloomsbury Publishing Plc., 2004. — P. 198. — Text : unmediated.

25. Nationality // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1151. — Text : unmediated.

26. Representation of the People Act 1983. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/2/section/1/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.

27. Subject // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1561. — Text : unmediated.

28. Subject // Dictionary of Law / ed. by P. H. Colin. — Fourth Edition. — Bloomsbury Publishing Plc., 2004. — P. 286—287. — Text : unmediated.

29. United Kingdom national // Home Office. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/801170/UKnational.pdf (date of access: 24.06.2020). — Text : unmediated.

D. M. Tataurova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID ID: —

E-mail: darya.tataurova@mail.ru.

Semantic Variability of the Term *National* and Its Synonymic Set in the British Constitutional Intertext

ABSTRACT. *The article studies the evolution of the term “national”, manifested by its semantic variability in the framework of the British constitutional intertext. The semantic heterogeneity and the resulting ambiguity along with the originality of the intertext of the British Constitution requires further investigation of the term considered. The term “national”, which is a hyperonym, is presented as a structure from the perspective of the prototypical approach, which is based on the concept of the prototypical referent, or standardized actualization of a special concept, or a prototypical significatum. From this point of view the term is objectified as a structure consisting of the nucleus, or prototypical referent, the paranuclear area that contains referents with the majority of the prototypical significative features, and the periphery including referents having significatum, which coincides with the prototype least of all. The analysis of the term under consideration is conducted in the context of intertextual investigation because any text is a system of quotes, or an intertext. This approach allows the researcher to study different variants of objectification of the term “national” in detail.*

The comparison of different representations of the term “national” in the framework of its prototypical structures, which are used in such units of the British Constitutional intertext as The Bill of Rights, British Nationality and Status of Aliens Act 1914, British Nationality Act 1948 and British Nationality Act 1981 and some other documents shows that there are changes both in the external form and the content of each synonym of the term “national”, which can be attributed to variation of the significatum of the referents denoted by the members of the synonymic set. The author comes to the conclusion that the structure of the term “national” during the intertext transformation becomes more and more homogeneous due to the growing similarity between the members of the given structure, which testifies to a qualitative change in the relationships between the components of the synonymic set of the term “national”, passing over into the sphere of complete synonymy.

KEYWORDS: *citizens; intertexts; constitution; synonymy; significatum; significative features; referents; prototypical approach; English language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tataurova Dar'ya Mikhaylovna, Post-Graduate Student, Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Intercultural Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.*

FOR CITATION: *Tataurova, D. M. Semantic Variability of the Term *National* and Its Synonymic Set in the British Constitutional Intertext / D. M. Tataurova // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 94-105. — DOI000000000000.*

REFERENCES

1. Bart, R. Selected Works: Semiotics. Poetics / R. Bart. — Moscow : Progress, 1989. — 616 p. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty: semiotika. Poetika / R. Bart. — Moskva : Progress, 1989. — 616 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Basenko, G. V. Pragmalinguistic Features of Ideologized Speech Stamps (based on the texts of the Constitutions of Russia and Germany) / G. V. Basenko. — Text : unmediated // Scientific Thought of the Caucasus. — 2010. — No. 2. — P. 119—123. [Pragmalingvisticheskie osobennosti ideologizirovannykh rechevykh shtampov (na materiale tekstov Konstitutsiy Rossii i Germanii) / G. V. Basenko. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnaya mysl' Kavkaza. — 2010. — № 2. — C. 119—123]. — (In Rus.)

3. Boldyrev, N. N. A Prototypical Approach to the Formation of Categories. The Concept of a Prototype / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Cognitive Semantics: a course of lectures in English philology. — Tambov : Publishing House of Tambov University, 2001. — Ed. 2nd, stereot. — P. 66—84. [Prototipicheskiy podkhod k formirovaniyu kategoriy. Ponyatie prototipa / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii. — Tambov :

Izd-vo Tambov. un-ta, 2001. — Izd. 2-e, ster. — S. 66—84]. — (In Rus.)

4. Kobozeva, I. M. Linguistic Semantics: a tutorial / I. M. Kobozeva. — Moscow : Editorial URSS, 2000. — 352 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskaya semantika : uchebnoe posobie / I. M. Kobozeva. — Moskva : Editorial URSS, 2000. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Kristeva, Yu. Selected Works : Destruction of Poetics / Y. Kristeva. — Moscow: ROSSPEN, 2004. — 656 p. — Text : unmediated. [Izbrannye trudy: razrushenie poetiki / Yu. Kristeva. — Moskva : ROSSPEN, 2004. — 656 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Kubryakova, E. S. Problems of Categorization of Human Experience / E. S. Kubryakova. — Text : direct // Language and Knowledge: on the Way to Gain Knowledge about the Language: Parts of Speech from a Cognitive point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World / Ros. acad. of Sciences, Institute of Linguistics. — Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. — Chapter 4. — P. 96—114. [Problemy kategorizatsii chelovecheskogo opyta / E. S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / Ros. akad. nauk, In-t yazykoznaniya. — Moskva : Yazyki

- slavyanskoy kultury, 2004. — Glava 4. — S. 96—114]. — (In Rus.)
7. Litvinenko, T. E. Sociocultural Codes of Constitutional Discourse / T. E. Litvinenko. — Text : unmediated // Bulletin of MSLU. — 2012. — Issue. 5 (638). — P. 300—310. [Sotsiokul'turnye kody konstitutsionnogo diskursa / T. E. Litvinenko. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGLU. — 2012. — Vyp. 5 (638). — S. 300—310]. — (In Rus.)
8. Litvinenko, T. E. Constitution as an Intertext / T. E. Litvinenko. — Text : unmediated // Bulletin of IGLU. — 2012. — No. 1 (17). — P. 76—81. [Konstitutsiya kak intertekst / T. E. Litvinenko. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik IGLU. — 2012. — № 1 (17). — С. 76—81]. — (In Rus.)
9. Litvinenko, T. E. Latin American Constitutional Intertext in the Light of the Problems of Codification of Special Language Vocabulary / T. E. Litvinenko. — Text : unmediated // Linguistics and Axiology: ethnosemiology of value meanings: a collective monograph. — Moscow : Thesaurus, 2011. — P. 262—280. [Latinoamerikanskiy konstitutsionnyy intertekst v svete problem kodifikatsii spetsial'noy leksiki yazyka / T. E. Litvinenko. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsnostnykh smyslov : kolektivnaya monografiya. — Moskva : Tezaurus, 2011. — С. 262—280]. — (In Rus.)
10. Polyakova, A. A. The Role of the Crown in the British Constitutional System / A. A. Polyakova. — Text : unmediated // Bulletin of MGIMO University. — 2013. — No. 1 (28). — P. 144—147. [Rol' korony v britanskoy konstitutsionnoy sisteme / A. A. Polyakova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGIMO Universiteta. — 2013. — № 1 (28). — S. 144—147]. — (In Rus.)
11. Chervonyuk, V. I. Interpretation of the Constitution and Constitutional Hermeneutics / V. I. Chervonyuk, M. V. Saudkhanov. — Text : unmediated // International Journal of Constitutional and State Law. — 2018. — No. 4. — P. 67—74. [Tolkovanie Konstitutsii i konstitutsionnaya germenevtika / V. I. Chervonyuk, M. V. Saudkhanov. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava. — 2018. — № 4. — S. 67—74]. — (In Rus.)
12. Chudinov, A. P. Discursive Characteristics of Political Communication / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No. 2 (40). — P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 2 (40). — S. 53—59]. — (In Rus.)
13. Yarovaya, M. V. Historical and Legal Aspects of the Formation of the Unwritten Part of the Constitution of Great Britain / M. V. Yarovaya, F. Yu. Deryabin. — Text : unmediated // Bulletin of MGPU. Series "Legal Sciences". — 2018. — No. 1 (29). — P. 34—46. [Istoriko-pravovyye aspekty formirovaniya nepisanoy chasti Konstitutsii Velikobritanii / M. V. Yarovaya, F. Yu. Deryabin. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2018. — № 1 (29). — P. 34—46]. — (In Rus.)
14. Between Text and Text: The Hermeneutics of Intertextuality in Ancient Cultures and Their Afterlife in Medieval and Modern Times / ed. by M. Bauks, W. Horowitz, A. Lange. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. — 363 p. — Text : unmediated.
15. Bill of Rights (1688). — URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
16. Blackstone's Commentaries on the Laws of England. Book the First: Chapter the Tenth: Of People, Whether Aliens, Denizens or Natives // Lillian Goldman Law Library. — 2008. — URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch10.asp (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
17. British Nationality Act 1948. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
18. British Nationality Act 1981. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
19. British Nationality and Status of Aliens Act 1914. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/2/section/1/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
20. British Overseas Territories Act 2002. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/8/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
21. Citizen, citizenship // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 306. — Text : unmediated.
22. Immigration Act 1971. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents/enacted> (date of access: 24.06.2020).
23. National // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1121. — Text : unmediated.
24. National // Dictionary of Law / ed. by P. H. Colin. — Fourth Edition. — Bloomsbury Publishing Plc., 2004. — P. 198. — Text : unmediated.
25. Nationality // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1151. — Text : unmediated.
26. Representation of the People Act 1983. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/2/section/1/enacted> (date of access: 24.06.2020). — Text : electronic.
27. Subject // Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. — Ninth Edition. — West. A Thomson Reuters business, 1990. — P. 1561. — Text : unmediated.
28. Subject // Dictionary of Law / ed. by P. H. Colin. — Fourth Edition. — Bloomsbury Publishing Plc., 2004. — P. 286—287. — Text : unmediated.
29. United Kingdom national // Home Office. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/801170/UKnational.pdf (date of access: 24.06.2020). — Text : unmediated.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.352.2:38
ББК Ш160.2-55
DOI

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия

ORCID ID: —

E-mail: lagrba@mail.ru.

Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена особенностям идиостиля первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы — одной из самых значимых в общественно-политической и социокультурной жизни Абхазии личностей. В исследовании предпринята попытка выявить и структурировать идиостилевые константы, целевые установки, речевые тактики и стратегии, стилистико-риторические приемы, используемые политиком. **Объектом** лингвистического анализа стали тексты интервью и выступления Владислава Ардзинбы накануне, во время и сразу после грузино-абхазской войны (1992—1993 гг.). **Актуальность** исследования обусловлена недостаточной изученностью языка и стиля Ардзинбы, его коммуникативно-когнитивных и речевых особенностей, значимых в плане воздействия на коллективного адресата. **Цель** работы состоит в анализе специфических черт идиостиля — лексических и риторических аспектов, воссоздающих целостный языковой портрет политика. Для достижения поставленной цели реализуется **задача** комплексного описания и систематизации лингвориторических приемов для выявления особенностей идиостиля политика. В рамках исследования идиостиль трактуется комплексно, как проявление специфики языковой личности в структуре, семантике и прагматике созданных ею текстов. **Материалом** исследования послужили тексты и стенограммы интервью политика. В качестве **метода** исследования выбран метод научного описания, включающий приемы классификации, интерпретации и обобщения языкового материала на основе компонентного и контекстного анализа. В **результате** исследования выявлено, что интервью Ардзинбы отличаются содержательностью, логичностью изложения, образностью, фактографичностью, а также набором специфических лингвориторических особенностей и характеризуются сильным воздействием на участников политического дискурса своего времени. Интерпретируя идиостиль первого президента Абхазии, мы выделяем целевые установки, стилистико-риторические и лексико-содержательные признаки, определяющие варьирование коммуникативного поведения рассматриваемой публичной языковой личности. Дальнейшее исследование языковой личности политика в аспекте выявления особенностей его идиостиля представляется перспективным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиостиль; языковая личность; целевые установки; риторические приемы; лексико-содержательные признаки; лингвостилистические особенности; культура речи; президенты; политические деятели; политическая риторика; политические речи; лингвоперсоналогия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; e-mail: lagrba@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агрба, Л. А. Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы) / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 106-123. — DOI.

ВВЕДЕНИЕ

На политической арене регулярно возникают талантливые политики и искусные ораторы, чьи речи и действия притягивают внимание. Намного реже появляются харизматичные лидеры, прославляющие отечество, истинные государствостроители, способные влиять на судьбы народов и трансформировать сознание масс, — они становятся предметом бесконечного осмысления и кропотливых исследований специалистов разного профиля. Междисциплинарной научной парадигмой, изучающей отличительные особенности личностной идентичности и речевое поведение политика, стала лингвополитическая персоналогия. Это «научное на-

правление, в центре которого находится изучение языковой личности (речевого портрета, риторического портрета, коммуникативного имиджа, языкового образа, идиостиля и др.) политика» [Нахимова 2016: 22].

Отметим, что вопрос анализа идиостилевых особенностей языковой личности был и остается одним из ключевых в связи с неослабевающим интересом к лингвистическим исследованиям, направленным на изучение неповторимости каждого человека, проявляющего себя в речевой деятельности. «Антропоцентрическая парадигма современного научного знания наряду с признанием важности человеческого фактора предоставляет приоритетное место этноцентрическому подходу при

анализе языковой и дискурсивной эмпирики» [Седых, Смирнова 2019: 333].

Источником идиостиля является языковая личность, владеющая основными кодами культуры и средствами системной их языковой трансляции и представляющая собой совокупность особенностей и характеристик, обуславливающих создание и воспроизводство текста. Идиостиль основан на принципе взаимообусловленности языка и общества, языка и культуры. Он «отражает речевую культуру, тип мышления, тезаурус, психологические особенности, доминирующий характер общения, своеобразие в постановке и решении проблем и специфику познавательного отношения к происходящему» [Болотнова, Болотнов 2012: 188].

Характеристики идиостиля зависят от индивидуальных особенностей языковой личности, от «вербальных ассоциаций, характера восприятия действительности, мировоззрения и мотивации, присущих личности, а также ее психических и социальных характеристик, культурно-исторических истоков, национальной принадлежности, политических и философских взглядов. Идиостиль — это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Самарская, Поздеева 2016].

Таким образом, идиостиль — это оригинальное, неповторимое проявление языковой личности, внешняя форма выражения внутренней сущности (менталитета, ценностных установок, национально-культурных и индивидуально-личностных характеристик), реализуемая индивидуальным комплексом лингвориторических средств (речевыми и коммуникативными стратегиями и тактиками).

Под идиостилем мы понимаем уникальный авторский способ реализации индивидуальной языковой картины посредством риторических и лингвистических средств. «Важной отличительной чертой настоящего времени является персонализация политической сферы, т. е. ассоциирование в массовом сознании политического события с конкретными людьми, лидерами» [Анисимова 2008: 27]. Мы в предлагаемом исследовании на основе анализа текстов политических интервью рассмотрим особенности идиостиля крупнейшей политической фигуры в современной истории Абхазии, ее первого президента — Владислава Григорьевича Ардзинбы. Считаем, что изучение идиостилевых особенностей языковых личностей, обладающих высоким уровнем рече-

вой и коммуникативной культуры, принадлежащих к элитарному типу, к коим, безусловно, относился В. Г. Ардзинба, может представлять для исследователя-лингвиста значительный интерес.

ИДИОСТИЛЬ ПОЛИТИКА

Комплексный подход к анализу идиостиля разработан в коммуникативной стилистике текста, в рамках которой он рассматривается как интегральное понятие, отражающее особенности личности, проявляющиеся в ее текстовой деятельности [Болотнова, Васильева 2009; Болотнова и др., 2011]. Исследование идиостиля осуществляется путем установления уникальных стилистических, лексико-семантических, риторических и иных приемов, определяющих индивидуально-авторский стиль языковой личности, а также выявления мировоззренческих установок, транслирующих систему ценностей, жизненный опыт, философские взгляды и т. д.

Анализируя особенности идиостиля, специалисты в области политической лингвистики обращаются к характерным чертам речи конкретных политиков, рассматривая коммуникативные стратегии и тактики, образные средства, пласты лексики и фразеологии, способы выражения модальности и оценки, метафорический инструментарий, лексико-стилистические особенности и т. д. [подробнее см.: Анисимова 2016; Алексеева 2012; Зелянская 2014; Васильев 2015; Нахимова 2016; Гаврилова 2011; Дементьева 2009; Цуциева 2014 и др.].

Особый интерес при анализе идиостиля политика представляют трансформации его публичного речевого поведения (вербального и невербального, особенно в критических ситуациях), проявления системы типичных авторских моделей, стратегий и тактик, которые обладают параметрами частотности и смыслообразующим потенциалом. «Языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются надындивидуальные и индивидуальные черты» [Цуциева 2012: 106], поэтому языковую личность политика необходимо рассматривать в комплексе, состоящем из культурно-речевой, коммуникативной, когнитивной, вербальной, прагматической составляющих, отражающих многогранную содержательную сущность индивидуальных особенностей анализируемой персоны.

Считаем, что важно рассматривать языковую личность политика в контексте веками складывавшихся социально, исторически, культурно обусловленных представлений, во

взаимосвязи с самосознанием народа, его воспитавшего. Именно этнокультурный фундамент является тем основанием, который определяет не только способ мышления, работы, реагирования, принятия решений, но и стиль общения с народом, выбор политиком языковых и риторических средств для выражения своей позиции и т. д. «Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во „вселенную“ мнений и оценок (то есть, во всё множество внутренних миров) его адресатов, „потребителей“ политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию» [Маслова 2008: 45].

Истинный лидер умеет пользоваться знаками и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, что является залогом его успеха в достижении стратегической задачи общественно-политического дискурса — обретении поддержки целевой аудитории. «В политическом дискурсе каждого государства и общества есть своя специфика, сформировавшаяся на основе культуры, традиций, национальных ценностей и идеалов» [Безруков 2014: 16], что дает основание рассматривать его «как знаковый феномен» [Шейгал 2004: 154]. А успеха добивается тот лидер, чьи черты и стиль (в комплексе политических, мировоззренческих, биографических, внешних качеств) резонируют с предпочтениями, убеждениями, ценностями его народа (электората).

Среда формирует политика, но и политик задает соответствующий вектор развития государства и его институтов, выстраивая определенные коммуникационные связи между властью и народом (иерархия, обратная связь, близость/отдаленность и т. д.). На наш взгляд, анализ идиостиля политика позволяет объективно оценивать роль личности в истории страны и судьбе народа. «Выявление идиостилевых особенностей публичных информационно-медийных языковых личностей, для которых характерны известность, узнаваемость, открытость, полидискурсивность текстовой деятельности, эффект воздействия на общество и др., важно в прогностических и коммуникативно-прагматических целях» [Болотнов 2019: 22]. Поэтому в современной политической лингвистике предметом внимательного рассмотрения становятся не только речевая деятельность президентов или проявления различных аспектов языковой личности в жанрах президентского дискурса, но и пути создания образа президента в коммуникативной деятельности иных политических акторов и

журналистов. «Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании» [Нахимова 2007: 44].

Существует ряд общих признаков, характеризующих языковую личность политика с учетом общественно-политической, социальной, культурной, профессиональной роли, выполняемой в социуме:

- повышенная коммуникативная активность;
- ориентация на массового адресата;
- способность влиять на сознание, мировосприятие и деятельность масс.

При этом существуют и уникальные характеристики языковой личности, делающие ее особенной, неповторимой. Для любого политика самое главное — стать «знаковой» фигурой в обществе, а для этого важно выработать свой собственный идиостиль. Мы рассматриваем идиостиль политика сквозь призму индивидуально-авторского поведения языковой личности, отражающегося в уникальности выбора и использования тех или иных риторических средств, стратегий и тактик, необходимых политику для оказания влияния на целевую аудиторию, не только с целью привлечения внимания, но и побуждения к определенным действиям. Идиостиль политика — это некий конгломерат миропонимания, мышления и стиля речи, которому присущи индивидуальные особенности, способные влиять на массового адресата. На наш взгляд, идиостиль можно выразить формулой: менталитет + лексические ресурсы языка + риторический арсенал, включающий элементы воздействия. В силу этого изучение идиостиля политика в различных аспектах: когнитивном, вербальном и прагматическом — актуально в целях анализа коммуникативно-прагматических стратегий, развития политического дискурса и анализа механизмов воздействия.

КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩНОСТНЫХ АСПЕКТОВ ИДИОСТИЛЯ АРДЗИНБЫ

При анализе языковой личности политика Ю. Н. Караулов, автор метода лингвоперсонологического структурного моделирования, предлагает исследовать вербально-семантический уровень, в котором отражается владение лексико-грамматическим фондом языка, когнитивный, репрезентирующий языковую картину мира, и прагматический, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [Караулов 2007].

По мнению М. Г. Цуциевой, «одним из возможных подходов к изучению языковой

личности политика может быть выделение релевантных признаков прототипической языковой личности политика, т. е. типичного представителя данной социальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации, и „вариативной“ (индивидуальной) языковой личности политика, в структуре которой проявляются личностные, индивидуальные предпочтения субъекта дискурса на фоне общих, универсальных стратегий (персуазивная)» [Цуциева 2013: 107].

В рамках статьи мы решили классифицировать сущностные аспекты идиостиля Ардзинбы по следующим основаниям: целевой установке, стилистико-риторическим признакам и лексико-содержательному аспекту. Предлагаемая классификация отвечает целям настоящего исследования и позволяет, на наш взгляд, составить более точное представление об особенностях идиостиля политика, понять характерные черты личности, превратившейся из лидера народа в народного лидера в один из самых сложных исторических этапов его существования.

1. По **целевой установке** можно выделить ряд характерных признаков идиостиля В. Г. Ардзинбы.

- **Опора на национальное самосознание.**

Анализ текстов интервью позволяет утверждать, что для идиостиля В. Г. Ардзинбы характерна опора на национальное самосознание. Речь политика наполнена национально значимым аксиологическим содержанием: это и образ страны как независимого суверенного государства; и образ многонационального, многоконфессионального государства, функционирующего в единстве и сплоченности народов; и образ стремительно развивающегося региона, мирно сосуществующего с соседями; и образ коренного, титульного народа, культура, традиции и язык которого требуют особого внимания, уважения.

Отметим, что с момента своего прихода в политику В. Г. Ардзинба апеллировал к компонентам, которые соответствовали национально-культурным ценностям, мнениям, верованиям, убеждениям народа. Для политика духовное единение народа стало целевой установкой политической деятельности, а опора на национальное самосознание — ключевым механизмом возрождения и консолидации нации, основой строительства независимого государства, ведь независимость Абхазии была национальной идеей народа на протяжении многих лет. Ардзинба подчеркивает, что «и в годы Советского Союза Абхазия была одним из регионов, где

национальное самосознание всегда было на очень высоком уровне» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 175] (здесь и далее выделено мной. — Л. А.).

Политик подчеркивает, что гордится мужеством, стойкостью своего народа, заявленными лидером как идеологически ценностные культурно-нравственные ориентиры. **«Я лично горжусь тем, что нравственные идеалы нашего народа оказались столь высоки даже в этой сложной трагической ситуации»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26]. **«Я горжусь достижением своего народа во время войны, который не склонил своей головы, смог собраться, отстаивать свою родину»** [Сайт первого президента Абхазии www]. «Война стала для нашего народа большой трагедией, но не запугала нас. **Наш народ не испугался, не стал перед врагом на колени»** [Сайт первого президента Абхазии www].

Политик хорошо знал и чтит обычаи, традиции, культуру народа, считал их особенными, уникальными и всегда с уважением и гордостью говорил о своем происхождении. «Очень любопытное явление, характерное для абхазской культуры: абхазы поднимают бокалы со словами „Да здравствует народ!“... Наверно, не часто Вы встретите **такое отношение не только к собственному народу, а именно к сообществу народов.** Я думаю, что это **важный элемент национальной культуры,** который проявляется и во многих других вещах, в частности, в обычаях гостеприимства, доброжелательности...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 180].

Судя по стилю и способу рефлексии, можно говорить о глубоко и творчески воспринятой политиком национальной речемыслительной культуре. Будучи носителем языка и культуры своего народа, хорошо ориентируясь в ценностных координатах, предпочтениях аудитории, в своих телевизионных интервью, особенно во время войны, В. Г. Ардзинба часто переходил на родной язык, тем самым вызывая к глубинным основам этнического самосознания, добавляя значимости своим словам, пытаясь консолидировать абхазское общество вокруг национальной идеи. Объединение народа происходило за счет апелляции к общим моральным, духовным, этнокультурным ценностям, передаваемым из поколения в поколение. Считаем характерной чертой идиостиля Ардзинбы готовность политика убедительно, прямым обращением к народу, с опорой на национальную аксиологическую систему, высказываться публично (в том числе на родном языке).

• **Близость к народу, ассоциированность с ним.**

Следующая особенность идиостиля политика непосредственно связана с предыдущей и характеризуется «мы»-установкой для налаживания взаимодействия с аудиторией. В. Г. Ардзинба прекрасно осознавал, как важно было заручиться поддержкой народа в непростые времена. В высказываниях политика повсеместно прослеживается желание солидаризироваться с мнением народа. При этом ассоциированность с народом носит абсолютный характер. Обозначая проблемы народа как первостепенные, политик с помощью местоимения «мы» подчеркивает чувство единения, эмоциональной близости с адресатом. **«Если нам дадут возможность жить спокойно, без угроз, я глубоко убежден в том, что руководство Абхазии, народ Абхазии найдут возможность для того, чтобы Абхазия стала действительно процветающей республикой»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 178]. **«Мы предлагаем варианты таких компромиссов, но в ответ нас давят снова и снова, чтобы мы согласились на 100-процентный грузинский вариант урегулирования. Этого не будет. Этого не допустит наш народ, этого не допущу я, как президент и гражданин Абхазии»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 257].

Вообще местоимение «мы» используется в политическом дискурсе в манипулятивных целях, чаще всего чтобы сократить дистанцию и создать эффект вовлеченности аудитории. Оно также используется политиками, чтобы разделить ответственность, когда решения спорны или есть опасения, что они будут восприняты негативно [Bramley 2001; Karagetjan 2011]. Однако в идиостиле В. Г. Ардзинбы это местоимение наполнено идеологическим содержанием и звучит как «мы вместе!» / «мы едины» / «вместе — мы сила!», давая ощущение коллективной сплоченности.

Тексты интервью свидетельствуют, что политик разделяет с народом его горести и чаяния, боль народа он воспринимает как свою. **«Это вызывает у нас большую боль: идет истребление мирного населения, идет грубейшее попрание прав человека...»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 22]. Более всего политика пугают «ощущения, связанные с несчастьем, с серьезными потрясениями моего народа» [Сайт первого президента Абхазии www]. Часто повторяемая фраза «мой народ» (прямая калька с абхазского, используемая для публичного обращения к народу) демонстрирует, что политик полностью отождествляет себя с

ним, при этом отводя себе роль своеобразного посредника. **«Судьбу народа может решать только сам народ и, естественно, его лидеры, которые должны учитывать мнение народа»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 48].

• **Государственность (приверженность принципам строительства независимого суверенного государства).**

Характерной особенностью идиостиля В. Г. Ардзинбы является его попытка скорректировать и повлиять на формирование в обществе государственного типа мышления с установкой на восстановление независимой государственности. Политик последователен в отстаивании прав Абхазии на собственное независимое государство и приоритетом выхода из политического кризиса называет «право народов на самоопределение своей судьбы». Ардзинба регулярно подчеркивал: **«Абхазия — не какая-то часть Грузии, одна из ее провинций, а государство, с полномочиями, присущими суверенному государству»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 144]. **«Абхазия — государство со всеми присущими ему атрибутами»**. **«Абхазия — это, во-первых, территория, на которой наше государство существует уже 1200 лет. И мы, как народ, имеем право на самоопределение»**. **«Абхазия — страна древней государственности. Она существует у нас более 1200 лет»**. **«Мы были государством даже тогда, когда нам насильственно навязали статус грузинской автономии»** [Сайт первого президента Абхазии www]. **«Абхазия — самостоятельное, суверенное государство»**, — данное высказывание является своеобразным лозунгом, лейтмотивом политических выступлений В. Г. Ардзинбы.

В вышеприведенных высказываниях проявляется идеологическая направленность деятельности политика. С помощью устойчивых сочетаний **независимость государства, право на самоопределение, суверенное государство** и т. д. В. Г. Ардзинба актуализирует идею создания независимого абхазского государства как национальную идею. Своей целью и основной миссией В. Г. Ардзинба видит гражданскую солидарность многонационального общества Абхазии и консолидацию абхазского народа вокруг строительства независимой демократической республики. **«Одна из наших целей — строительство в Абхазии демократического государства. Одним из первых документов, принятых парламентом Абхазии, была Всеобщая декларация прав человека»** [Сайт первого президента Абхазии www].

Отличительными чертами (которые, безусловно, не ограничиваются представлен-

ными ниже), позволившими политику добиться озвученных в рамках индивидуально-авторской вербально-семантической системы политических целей, были, на наш взгляд:

– **ответственность**. В. Г. Ардзинба подчеркивает, что он вынужден взять на себя бремя ответственности за судьбу народа: «Смысл же моего нынешнего президентства в том, что я несу **ответственность перед своим народом**, когда стоит вопрос о его жизни и смерти» [Сайт первого президента Абхазии www]. Часто повторяя: «совершенно **ответственно** заявляю», «мы приняли **ответственное** решение», «со всей **ответственностью**...» и т. п., В. Г. Ардзинба возлагает на себя ответственность говорить и действовать от лица народа, причем мнение народа и его собственное, согласно В. Г. Ардзинбе, неотделимы друг от друга. «**Всё, что провозглашено и принято народом, самое главное**... Абхазский народ выступает за строительство суверенного, демократического, независимого государства — субъекта международного права» [Сайт первого президента Абхазии www].

Осознавая всю сложность своего выбора, В. Г. Ардзинба нередко употребляет фразу «*если бы речь шла лично обо мне...*». Так, после подписания Московского соглашения, вызвавшего неоднозначную реакцию в Абхазии, он заявил: «Если бы речь шла лично обо мне, я бы сам определял и оценивал, я, конечно, не поставил бы подпись под этим документом. Но речь шла о существенно большем: **речь шла о судьбе народа**, поэтому решения должны быть очень взвешенные, я думаю, что то, что я подписал документ, это правильное решение» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28].

Один из журналистов, бравших у политика интервью, так о нем отозвался: «Владислав Ардзинба оказался неожиданно скромным и деликатным человеком. Признался, что в союзном парламенте каждый раз, выходя к микрофону, преодолевал в себе природную стеснительность. „Но поскольку это было важно для дела, я шел и говорил“... Он, по-моему, начисто лишен амбиций и политическая карьера как таковая не стала для него целью жизни, напротив, он мечтательно говорит о том времени, когда сможет вернуться к своей научной работе, к книгам, и становится понятно, что нынешнюю **свою миссию он рассматривает** ни больше ни меньше, как **исполнение своего патриотического долга перед Родиной**» [Сайт первого президента Абхазии www];

– **принципиальность, политическая смелость**. Особенности идиостиля В. Г. Ард-

зинбы выдают в нем уверенного в себе, активного политика, готового самоотверженно бороться в отстаивании политических прав и устремлений народа. Особенно в период военных действий характерны высказывания типа «*мы будем защищать родину до конца*», «*мы не сдадимся*», «*мы будем биться до конца*».

Именно борьба становится целевой установкой политика: «**Жизнь — это борьба**, в том числе и в жизни государства, у нас нет оснований для паники, *мы готовы противостоять любой угрозе*» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 231]. «**Отказ от борьбы хуже предательства**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 36]. «**Если бы я бежал, то сдался бы** на милость победителей — подал бы в отставку по требованию Госсовета (власти Грузии того времени. — прим. Л. А.). Но „победитель“, как Наполеон под Москвой в 1812 году, одержал пиррову победу» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 33].

Идиостиль В. Г. Ардзинбы реализуется в принципиально антиномичном дискурсе, в котором наблюдается, с одной стороны, подчеркнутая вежливость, объективность, доказательность, с другой — страстная личная убежденность и жесткая полемичность. Именно эти качества обуславливают выбор соответствующих лингвистических единиц и риторических структур, выдающих политика принципиального и довольно жесткого в отстаивании ценностей и интересов.

Для политика «совершенно очевидно, что **объектом агрессии были абхазская государственность, абхазская культура и язык, абхазский этнос**» [Сайт первого президента Абхазии www], вот почему зачастую прослеживается категоричная тональность высказываний: «Ни о каком вертикальном подчинении **речь идти не может**. Грузия, которая часто критикует Россию, хочет восстановить свое государство по принципу „русской матрешки“. **А нам всё равно**, какая это матрешка — русская или грузинская» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 14]. «Нынешнее руководство Грузии вместо того, чтобы цивилизованно урегулировать отношения внутри федерации, пошло путем уничтожения народа. Нет народа — нет проблем. Но **пока жив хоть один абхаз, мы будем бороться за свое государство**. Так и напишите: до последнего человека. Нам некуда отступать. Это наша земля» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 64]. «Поскольку не было оппонента, то слышен был только монолог грузинской стороны. По этому монологу и были приняты соответствующие резолюции. С принятыми таким обра-

зом решениями **мы никогда не согласимся**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Свою задачу политик видит в том, чтобы на абхазской земле воцарился мир и спокойствие. «Я хотел бы вместе со своим народом сделать так, **чтобы больше не было крови на абхазской земле**. Вот тогда я бы действительно считал бы себя абсолютно счастливым человеком» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 182]. «Владислав знал, на что идет, не исключал, что за это ему придется расплачиваться своей жизнью. Но **главным для него были независимость Абхазии и сохранение нашего народа**» [Джергения 2019: 48];

– **прагматичность и готовность идти на компромисс**. Анализ текстов интервью В. Г. Ардзинбы характеризует его как политика-реалиста, нацеленного на достижение прагматичных результатов, который, однако, может быть довольно гибким и дипломатичным — и это никак не противоречит сказанному выше. «Мы подходили с **реалистических** позиций к этому процессу, на всём протяжении переговоров занимали очень **конструктивную** позицию...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 126]. «Наша позиция вполне **конструктивна** и с нами можно и нужно решать проблемы...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 128]. «Впереди у нас очень **сложный и опасный путь** и мы должны очень **трезво оценивать** сложившуюся ситуацию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 143]. Подобная позиция характеризует В. Г. Ардзинбу не только как хорошего дипломата, но и как управленца-прагматика, который умеет балансировать и в случае необходимости уступать, если в этом есть политическая целесообразность.

Центральное место в языковом портрете В. Г. Ардзинбы занимает его готовность идти на компромисс с оппонентами, что позитивно сказывалось на его международном имидже как политика, умеющего договариваться. «Есть всё же люди (грузинские политики; *уточнения мои*. — Л. А.) вполне **трезвые**, которые с большим беспокойством оценивают ситуацию. И с ними **можно и нужно работать**, чтобы с их помощью выйти из тупика» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 23]. «Абхазия **неизменно выражает готовность к нормальному диалогу** в русле переговорного процесса и в целом к **нормализации межгосударственных отношений** с Грузией» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 253].

В. Г. Ардзинба был убежден, что «политика и чувства — вещи диаметрально противоположные. Как человек, я могу и должен

иметь свои сантименты. Как политик, **я руководствуюсь интересами дела, интересами своего народа**. Понимаете, ради этого я готов встречаться, обсуждать, пожимать руки, любезно улыбаться — всё, что угодно, **лишь бы мирно решить все конфликтные проблемы**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Исходя из анализа выступлений, можно сказать, что В. Г. Ардзинбу отличает компромиссный идиостиль, желание идти на переговоры, открытость к разным точкам зрения и стремление воздержаться от необдуманных замечаний. «Думаю, можно найти **механизм**, с помощью которого следует **остановить маховик войны** на Кавказе. Можно было бы создать механизм постоянного контроля, нечто вроде ОБСЕ по Кавказу. Мы хотели бы, чтобы **Кавказ стал зоной мира и процветания**, а не войн» [Сайт первого президента Абхазии www]. «Мы никому не угрожали, просто в полном соответствии с нормами международного права мы предложили Грузии установить договорные отношения. И **готовы при этом пойти на любое компромиссное решение**, удовлетворяющее обе стороны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 41]. «Мы первыми направили решение Президиума Верховного Совета Абхазии Госсовету Грузии с предложением — прекратить кровопролитие, вывести войска с территории Абхазии и **решать все проблемы за столом переговоров**. Мы по-прежнему считаем: **лучший способ решения конфликта — это мирный способ**...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 50]. «Мы с самого начала выступали за мирное цивилизованное решение проблем взаимоотношений Абхазии и Грузии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 60]. «Мы не отказывались ни во время войны, ни сейчас **от языка переговоров, от совместного решения** всех проблем в наших отношениях. Но это **должны быть достойные условия для нашего народа**. Если мы под дулами танков сохранили свое достоинство, то сохраним его и **за столом переговоров**» [Сайт первого президента Абхазии www]. «**Мы решаем наши проблемы не на полях, а за столом переговоров**. То, что мы всегда предлагали грузинской стороне, но, к сожалению, она к этому не прислушивалась» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 108].

2. Обращаясь к **стилистика-риторическим особенностям** идиостиля политика, считаем важным рассмотреть лингвориторическую составляющую текстов интервью, предполагающую использование наиболее эффективных способов речевого воздействия с целью придания большей убедительности предлагаемому адресату материалу. В ре-

зультате мы выделили следующие характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы черты.

• **Простота, логичность, поэтичность изложения мыслей.** Следует отметить, что тексты интервью В. Г. Ардзинбы характеризуются простотой и строгой логичностью изложения при широком разбросе обсуждаемых политических тем в условиях предвоенного, военного и послевоенного дискурса. Стиль подачи информации настолько структурирован и интересен, что довольно длинные по объему теле- и даже печатные интервью воспринимаются легко, на одном дыхании. Полотно повествования так логически верно сплетено, что не теряется нить повествования. Политик указывает на проблему, затем комментирует ее, приводит аргументы, доказательства и предлагает пути решения поставленной задачи, что соответствует схеме классического рассуждения. Ответы приводятся в системе, в соответствии с логикой рассуждения. При анализе текстов интервью мы часто встречаем структурно удачно расположенные элементы, указывающие на перечисление тезисов: «прежде всего», «во-первых», «во-вторых» или «первое», «второе», «и ещё» и т. д., — а также фразы, служащие для генерализации высказываний: «таким образом», «исходя из этого», «исходя из вышеизложенного» и т. д., — применяемые для логичного изложения своих мыслей. При интерпретации событий часто используются такие вводные слова и выражения, как «что касается...», «вместе с тем...», «в то же время...», «вы знаете...», «судите сами...», «надо сказать, что...», «должен со всей определенностью заявить...», «это объясняется тем, что...», «по сути...», «всё-таки...», «видите ли...» и т. д. Интересно, что довольно часто в своей речи политик употребляет вводное слово «очевидно», чтобы подчеркнуть бесспорность предъявляемых им доводов.

Можно сказать, что композиция речи политика сложная, но логически выстроенная. В каждом высказывании есть вступление, основная часть и заключение с выводами, примерами, иллюстрациями, служащими дополнительной доказательной базой доводов. Интересно, что порой чрезмерная доказательность не перегружает информацией и не ослабляет эмоционального воздействия на аудиторию. Подобный эффект достигается за счет грамотного речевого оформления и четкой структурированности, доступности. Политик пытается убедить слушателя в истинности своих высказываний в первую очередь за счет воздействия на логическое мышление, и так как способы аргументации

политика обращены к логике, большие и сложные по композиции фрагменты интервью воспринимаются легко. Судя по логичности ответов, частому использованию аргументов, а также средств, указывающих на порядок изложения, в том числе за счет частого употребления в тексте вводных слов, союзов, логических связок, содействующих упрощению и лучшему пониманию содержания, для политика характерен рационалистический тип мышления.

• **Аналитизм, экспланаторность и аргументированность доводов.** Для идиостиля В. Г. Ардзинбы свойственна четкая аргументация, доказательства, лаконичные цитирования и предпочтение, оказываемое индуктивно-дедуктивному способу изложения. По анализу текстов выступлений можно сделать вывод о том, что политик использует эмпирический подход в оценке реальности, интересуется исключительно конкретными данными, отдает предпочтение фактам, не любит пространных объяснений, в речи склонен использовать ясные, сжатые дескриптивные формулировки. Так как политик в аргументации апеллирует к фактам, часто выражает свое мнение и оценки эксплицитно, говорит ясно и убедительно — ему нельзя не верить: «И ни к одному из возникавших вопросов он не отнесся в роли равнодушного наблюдателя. Его фразы, мысли, выводы говорили о его глубоком знании сути той или иной проблемы. **Ему тогда нельзя было не верить и не доверять...**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Отличительная черта идиостиля Ардзинбы представлена в аналитических суждениях через логику построения «от общего к частному», что является признаком осведомленности политика о причинах проблем, а также их возможных последствиях в будущем. Средством языковой реализации этого приема часто служит риторический вопрос. «*Мы ведь что предлагали?* Нормализовать наши взаимоотношения, заключив с Грузией договор... Но в ответ... пришли танки. Решили пойти не по цивилизованному пути, а по пути силового давления. И в этом случае мы, естественно, должны защищаться» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 52]. «*Что развязало руки грузинскому руководству?* Реакция мирового сообщества. А точнее — отсутствие какой-либо реакции». «*Но разве можно судить обо всём, выслушав только одну сторону?* Мы отправили Генеральному секретарю ООН 12 писем. Никакой реакции! Но дайте же и нам возможность высказать свою точку зрения» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 64].

Политик благодаря простой и логичной форме изложения мыслей грамотно подводит слушателей к общим выводам, сентенциям, помогая аудитории получить простое объяснение сложных явлений. Вот почему порой замысловатые риторические кульбиты или исторические экскурсы не кажутся скучными. Об этой особенности идиостиля автора говорит четкое структурирование текстов, точность и лаконичность ответов, доступность изложения (включая разъяснения по поводу значимых событий и фактов).

Итак, аргументация, экспланаторность, речевое доказательство, аналитизм — ключевые элементы идиостиля В. Г. Ардзинбы, детерминированные стратегическими целями политика, — служат средствами осуществления прагматической коммуникативной стратегии информирования. Всё это в комплексе делало речь политика убедительной, помогая изменить мнение или укрепить существующие оценки, внушить отрицательное отношение к политическим противникам и побудить аудиторию к действиям.

• **Интертекстуальность и иллюстрирование.** Специалисты считают, что «интертекстуальность политического дискурса, в частности президентского, заслуживает пристального внимания, поскольку отражает не только индивидуальные особенности ораторского стиля, но и культурно- и национально-специфические характеристики языковой личности» [Рыбачук 2017: 238—239].

Интертекстуальность относится к константным особенностям идиостиля В. Г. Ардзинбы. Она характеризуется использованием ссылок на исторические факты, цитаты, прецедентные тексты, афоризмы, крылатые слова, пословицы и поговорки, цифры в качестве доказательства утверждаемого. Как историк, политик часто обращается к данному приему в качестве историко-правовой аргументации своих доводов. Приведем применяемые В. Г. Ардзинбой фразы, воплощающие фрагменты интертекстуального тезауруса: «*это не сегодняшняя проблема...*», «*если вы помните...*», «*не будем забывать, что...*», «*это далеко не сегодняшние обвинения...*» и т. д. Для иллюстрирования, чтобы на примерах объяснить аудитории важные процессы, политик использует фразы типа «*давайте возьмем...*», «*по собственному опыту...*», «*мы не раз слышали...*» и т. д. По мнению М. А. Холодной, подобный стиль, при котором «личность строит свой познавательный контакт с миром на основе данных непосредственного восприятия и предметно-практического опыта, обозначается как „познавательный“. Люди этого типа склонны подтверждать истинность сво-

их суждений ссылкой на факты, тщательность измерений, надежность и повторяемость наблюдений» [Холодная 2002: 148].

Благодаря эрудиции и великолепной памяти, В. Г. Ардзинба часто прибегает к историческим справкам и сравнениям, приводит аналогии, дает опровержения ложным доводам коллег, иллюстрируя сказанное интересными фактами, объяснениями, аргументами, причем в кажущемся спонтанным стиле общения не допускает логических и фактологических ошибок. Выдавая довольно большие по объему и разнообразию куски информации, включающие различные параллели с прошлым и настоящим, он с легкостью оперирует датами, именами, конкретными фактами, что говорит об аналитическом типе мышления рассматриваемой языковой личности. Так, в ответ на обвинения российских властей о неправомерности участия добровольцев в войне В. Г. Ардзинба проводит следующие исторические аналогии: «Если следовать логике прокуратуры РФ, **исходя из опыта** начала расползания фашизма, опыта войны в Испании, надо было бы возбуждать уголовные дела не против фашистов, которые напали на Испанию, а против тех добровольцев, которые пришли защищать Испанию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 27]. Благодаря такой речевой тактике аудитория получает дополнительную подтекстовую объясняющую информацию, что придает полноту и доказательность высказываниям, содержательно-концептуальной идее политика.

Идиостиль В. Г. Ардзинбы характеризуется бесконечным процессом осмысления важнейших этапов в истории Абхазии. «**Разительны совпадения с событиями 1918 года.** Тогда, в условиях распада Российской империи, грузинские меньшевики оккупировали Абхазию, учинив здесь кровопролитие и грабежи. Теперь распад СССР повлек за собой агрессию, только гораздо более жестокую и бесчеловечную» [Наш Владислав 2010: 39].

В. Г. Ардзинба регулярно обращается к прошлому и, используя отсылки к историко-политическому наследию страны, преподносит в аналитическом преломлении, определяет перспективы на будущее. «**Мы — народ, который имеет 2500-летнюю историю,** и, естественно, мы никоим образом не хотим вернуться к доисторическим временам. Мы вполне **цивилизованный народ и хотим иметь такие же права, которыми пользуются другие народы.** Мы хотим пользоваться правом на самоопределение» [Сайт первого президента Абхазии www].

Таким образом, интертекстуальность и иллюстрирование являются важными эле-

ментами аргументации, используемыми В. Г. Ардзинбой в целях информирования широких масс. Фактографичность, прямые оценки, апелляции к историческим данным также свидетельствуют о желании обрисовать историко-культурные предпосылки событий, сделав их максимально понятными и убедительными для массового адресата. Они направлены на создание содержательной насыщенности текста и придание весомости приводимым доводам, что, безусловно, повышает авторитет исследуемой нами языковой личности.

• **Ироничность и чувство юмора.**

Языковой портрет политика Ардзинбы был бы неполным без рассмотрения такой особенности его идиостиля, как ирония и юмор. «Владислав ценит шутку и сам не прочь пошутить. Ардзинба, каким я его помню, не был живой фабрикой юмора или записным остроумцем. Он скорее посмеивался по-крестьянски, по-доброму и никогда не прибегал к сальностям. Я думаю, что, даже шутя, он всегда очень щепетильно относился к своему достоинству и своей роли» [Сайт первого президента Абхазии www].

Юмор и ирония — неотъемлемые элементы политического дискурса [Qaiwer 2020]. Не секрет, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию, даже враждебно настроенную, именно те ораторы, которые часто прибегают к юмору и иронии. Это свойства настоящего лидера. Они подчеркивают принадлежность к кооперативному дискурсу, сокращают дистанцию и содействуют популяризации имиджа политика в обществе [Nuolijärvi, Tiittula 2010]. «Юмор в имиджевом политическом интервью является той самой „зацепой“, посредством которой преодолевается банальность представления облика политика, а сам политик делается привлекательным для массового адресата» [Руженцева 2015: 51].

Часто к юмору и иронии прибегают перед обсуждением сложных вопросов, чтобы предотвратить возможную критику или парировать нападки оппонентов, обезоруживая их. «Политический дискурс, освещающий события и факты в ироническом ключе, ориентирует аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма; из пассивного потребителя информации адресант превращается в активного интерпретатора... Умело использованная ирония делает политический дискурс более ярким, насыщенным и убедительным, а ироничный политик владеет искусством манипулирования общественным мнением лучше, чем оратор, обходящийся без иронии» [Горностаева 2018: 109—110].

Вообще речевой портрет В. Г. Ардзинбы отличается сдержанностью, логичностью, правильностью речи, и тем более интересна ироничная маска, иногда им используемая. Ирония выполняла в идиостиле Ардзинбы следующие функции:

- влияния и завоевания доверия аудитории;
- снятия напряжения;
- дискредитации оппонентов.

Юмор помогал В. Г. Ардзинбе обеспечить в любой ситуации комфортное общение с аудиторией. «Действительно Россия здорово помогает, потому что Россия передает оружие грузинам, а мы у грузин отнимаем, оно становится нашим. К сожалению, оружие не самое современное, поэтому было бы желательно, чтобы американцы передали тоже, и мы тогда отнимем, и будет у нас современное американское оружие, вот помощь значительная» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 73].

Создавая при обращении к сложным темам комический эффект, используя иронию как прием контраста и упрощения, В. Г. Ардзинба подразумевает противоположное сказанному и располагает к себе аудиторию. Подобная стратегия выполняет функцию релаксации, снятия напряжения, формирования положительного отношения к проблеме. Среди механизмов иронии в политической речи наиболее популярны сопоставления несопоставимого, двусмысленность, неожиданная смена стилового регистра. Ирония — это результат совокупности установок, сообщаемых с парадоксом или контрастом и демонстрирующих различную степень вовлеченности говорящих, ясную из «контекстуального сочетания пропозициональных и непозициональных установок в различных компонентах коммуникативного акта» [Bertuccelli 2018: 60].

Своими ироничными высказываниями В. Г. Ардзинба активизировал внимание слушателей и в простых, доступных выражениях имплицитно доносил важную информацию до широких масс. «Что, мы должны с луком и стрелами отражать атаки грузинских войск? Мы тоже находим свои возможности для защиты, для вооружения. Грузины нам в этом активно помогают» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 75].

Часто при помощи иронии в завуалированной, скрытой форме, при полном соблюдении норм этики, этикета и вежливости, политику удавалось дискредитировать оппонента: «В ООН была принята не Грузия, был принят Шеварднадзе, видимо, за свои предыдущие „заслуги“» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 123]. «Грузия получает

колоссальную экономическую помощь от западных стран. Еще бы, ведь у господина Шеварднадзе перед ними огромные заслуги: развалить и разорить такое великое государство! Вот за это он и получает, видимо, свои дивиденды, стрижет купоны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 215]. В приведенных примерах ирония, переходящая в сарказм, язвительное, злое осмеяние, выражающее насмешливое отношение к объекту высказывания, мимикрирует под позитивно-оценочное высказывание и выполняет функцию риторического нападения с целью дискредитации противника. В ироничной форме В. Г. Ардзинба ставит под сомнение авторитет оппонента и высказывает критические замечания по отношению к нему.

Следует подчеркнуть, что ирония и юмор, как неотъемлемые элементы коммуникативной культуры абхазов, имеют свои этностилистические особенности. Соплатник политика А. М. Джергения вспоминал, что на одной из пресс-конференций журналистка из Грузии в очень эмоциональной манере пыталась склонить В. Г. Ардзинбу к «признанию» того, что «грузины и абхазы — один народ». Нарушением коммуникативных ожиданий девушки оказалось то, что Ардзинба перешел на родной язык, что, конечно, поставило интервьюера в тупик, так как она ничего не поняла из сказанного. Так политик продемонстрировал всем участникам пресс-конференции, что народы не являются родственными, хоть и живут рядом. Не прибегая к прямой конфронтации, он использовал ироничный коммуникативный прием для переключения внимания, применил его как защиту и вежливо поставил оппонента на место, тем самым разрядив напряженную обстановку. В данном случае ирония, усиленная приемом «доведения до абсурда», превратилось в мощное оружие воздействия на сторонних наблюдателей. В то же время политик использовал этот момент как способ самовыражения и самопрезентации, достойно проявив себя и продемонстрировав глубину и мудрость своего народа. Релевантной реакцией на агрессивное поведение В. Г. Ардзинба отразил в этом ироничном приеме менталитет своего народа, его риторические этнокультурные особенности.

3. Переходя к анализу **лексико-содержательных** компонентов идиостиля В. Г. Ардзинбы, подчеркнем, что объектом исследования данной части статьи станут индивидуальные особенности текстовой и речетворческой деятельности политика, отражающие его интенции, мышление, картину мира, реализуемые в лексиконе, тезаурусе, грамматическом оформлении высказываний и т. д.

В анализе идиостиля политика следует учитывать индивидуализированную систему средств выражения, «индивидуальную словесно-речевую структуру» автора (термин В. В. Виноградова). Здесь актуальны такие факторы, как воспитание, образование, профессиональный и социальный статус языковой личности и т. д. «Лексическое наполнение публичного дискурса политика-оратора формирует определенный ассоциативно-образный ряд и в итоге создает когнитивный код знаковой языковой личности, олицетворяющей в определенный период времени страну и государство» [Гусакова 2017: 51].

Исходя из анализа текстов интервью политика, мы выделяем несколько лексико-семантических групп, отражающих его индивидуальные словесно-речевые особенности.

• **Лексемы, отражающие осознание исторического прошлого.** Исследование тезауруса В. Г. Ардзинбы говорит о доминировании знаний исследуемой языковой личности, прежде всего в области истории и политики, а идиостиль политика сформирован этосом ученого-историка. В. Г. Ардзинба часто подчеркивал, что он человек науки: «Я историк. И когда говорю о проблеме, предпочитаю знать позицию обеих сторон, **основанную на фактах**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 95]. Именно по обилию в речи политика фактологического лексикона исторических событий, дат, цифр, топонимов и, конечно, по величине и разнообразию тезауруса можно судить о масштабе личности, ее эрудиции, характере знаний о мире. А они наглядно свидетельствуют о рассматриваемом политике как о человеке, обладающем значительными специальными знаниями. «В силу своей природы эта власть (Грузия под руководством Э. Шеварднадзе. — прим. Л. А.) не способна понять очевидное: **роль старого центра, играемая новыми суверенами, не годится для нового территориально-национального устройства. Это дорога к краху, усиливающая дезинтеграцию до междоусобных распрей**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 34].

Как видно из примера, лексико-стилистические особенности реализуются в текстах В. Г. Ардзинбы в понятийно-терминологических и метафорических репрезентациях с преобладанием концептов общественно-политического характера. Вообще для идиостиля политика характерно обращение к прошлому, его осмысление, рефлексия, что, безусловно, свойственно мировоззрению ученого-историка. «**Корни** его (конфликта. — прим. Л. А.) **понятны: это продолжение политики Сталина и Берии.** И я лично не

вижу здесь никаких изменений. Просто при Сталине и Берии это делалось тихо, хватали людей и расстреливали, а сейчас на нас пошли уже в открытую, танками...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 51].

• **Лексемы, служащие социокультурной самоидентификации.** Среди лингвокультурных концептов особо важное значение в текстах В. Г. Ардзинбы приобретают пространственно-временные (*древний народ, государство с тысячелетней историей, родная земля, Абхазия*). Частые апелляции к территориальной принадлежности в ряде фрагментов интервью выражаются в приеме социокультурной самоидентификации с этносом, становясь, таким образом, средством самопрезентации или позиционирования политика. О своей родине и народе политик говорит с большим трепетом и любовью: «Благодаря своему географическому положению, **Абхазия с давних времен была и остается** открытой для экономического, культурного и иного сотрудничества со всеми расположенными по соседству странами. Всякие попытки изолировать нас от мирового сообщества, навязать нам чуждый режим или создать в Абхазии моноэтническое общество, обречены на неудачу. **Народ Абхазии готов принять на себя ответственность за судьбы будущих поколений, за сохранение мира и окружающей среды**» [Сайт первого президента Абхазии www].

• **Лексемы, имеющие семантику объединения, единения.** «*В единстве наша сила!*» — заявил В. Г. Ардзинба в самом начале войны, и это стало основным лозунгом страны, ее локомотивом, приведшим народ к победе. Концепт «*единство*» — один из ключевых идеологических концептов военного времени — фигурировал в абхазском общественно-политическом дискурсе задолго до войны. «В свое время „**Аидгылара**“ сыграла большую роль («*Аидгылара*» с абх. «*единство*», «*объединение*»; так называлось освободительное движение, ставшее мощным консолидирующим обществом инструментом. — прим. Л. А.), так как это была единственная возможность противостоять враждебным Абхазии силам» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 229].

В текстах интервью политика лексемы, имеющие семантику объединения, встречаются довольно часто (*у нас единая позиция, многонациональный народ Абхазии, плечом к плечу, один народ, братство, общая судьба, взаимопонимание, общая беда*). В. Г. Ардзинба подчеркивал, что самое главное — единство: «...нам **необходима консолидация всех сил и всех национальностей**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 226].

• **Высокочастотная группа лексем, отражающих универсальные нравственные ценности в их неделимости с этнонациональными.** Когнитивная основа рассматриваемой нами языковой личности ориентирована на универсальные ценности. Ключевыми ценностными концептами, регулярно используемыми В. Г. Ардзинбой, являются *дружба, доверие, взаимопонимание, мир, демократия, справедливость, гуманизм, патриотизм, любовь к родине* и др. Политик поддерживает фундаментальные ценности, которые для него неотделимы от этнонациональных: «**Абхазия — это страна, многонациональный народ которой сделал свой выбор в пользу демократии и свободы, хочет быть рядом с другими народами в цивилизованном сообществе**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Приверженность демократическим ценностям, принципам гуманизма и народной мудрости — важные компоненты идиостиля В. Г. Ардзинбы. Их нарушение или отрицание расценивается им как несостыльность своего оппонента. Ардзинба так характеризует своего оппонента: «„Демократ“ Шеварднадзе подчеркнул: „Я сегодня не хочу говорить, что мы хотим уничтожения всего абхазского народа, но... это будет последний конфликт между грузинами и абхазами“. 8 декабря Шеварднадзе вновь заявил, что „эта война должна быть завершена достойно. Я сегодня на своей родной земле призываю к войне... мир верит нам. И раз мир поверил нам, мы не должны обмануть его... Мы в течение 1—1,5 месяца должны закончить эту войну, и к 2000 году Грузия будет самой счастливой страной в мире“. Получается, что главным **условием счастья Грузии провозглашает уничтожение Абхазии**, которое осуществляется чуть ли не с благословения всего мира. **Какой дикий цинизм, какая безнравственность!**» [Сайт первого президента Абхазии www]. Он подчеркивает, что в Абхазии «**идет борьба за общечеловеческие ценности**. Люди выступают против геноцида народа, против истребления народа, потому что это **противно самой человечности**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 50].

Контент-анализ тезауруса В. Г. Ардзинбы показал, что имеется группа высокочастотных слов (а именно абстрактных существительных), употребление которых зафиксировано практически в каждом интервью: *свобода, независимость, самоопределение, суверенитет, равноправие, единство или единение*. В интервью политика эти важнейшие для этнокультурной памяти абхазов понятия оказываются опорными словами — аксиологемами, словами-актуали-

зоторами, базовыми концептами идиостиля, отражающими мировоззрение и менталитет политика. Именно эти слова имеют особый, онтологически ценностный смысл для абхазского народа, и именно они делают языковую личность политика узнаваемой. Данные концепты раскрывают этнонациональные, культурные и исторические смыслы, аксиологически значимые для этноса, являющиеся основой семиотической памяти культуры (термин Ю. М. Лотмана).

На основе проанализированных нами выступлений политика можно сделать вывод, что ключевые выражения, характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы, — это «*право на самоопределение*», «*борьба за независимость*», «*право самостоятельно решать свою судьбу*», которые связаны с концептом «*свобода*». Эти фразы подчеркивали чаяния народа, веками лелеемые устремления. Вообще концепт *свобода* характерен для национально-культурного самосознания и исторически является ключевым понятием для коллективного сознания, отражающим когнитивные механизмы этноса. Используя их в речи, политик, безусловно, рассчитывает на позитивный отклик в массах. «Умелое манипулирование символами и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, является залогом успеха политика или общественного деятеля в достижении стратегической задачи общественно-политического дискурса — обретении поддержки целевой аудитории» [Безруков 2014: 16].

А еще эти фразы стали символическими знаками эпохи, культуры развалившейся на части огромной страны, людей в целом, и они были мастерски задействованы В. Г. Ардзинбой в соответствующую эпоху для осмысления и описания политических процессов в самой Абхазии. «После распада СССР впервые за многие годы появилась возможность **на основе норм международного права** осуществить **национально-государственное самоопределение** всех народов бывшего Союза ССР. Многие народы, приняв соответствующие Декларации и решения о своем **суверенитете и независимости**, выбрали этот **цивилизованный путь самостоятельной государственности, соответствующий требованиям международного права**. Этот путь избрали себе Абхазия и ее народ» [Те суровые годы 2004].

Лингвокогнитивный аспект речевого портрета В. Г. Ардзинбы связан с описанием этнокультурных ценностей народа: свободой, правом на самоопределение, справедливостью, единством. При помощи использования в речи этих концептов, представляющих духовно-нравственные идеалы на-

рода, политик добивается объективации содержания как индивидуального, так и массового сознания. Слова, отражающие духовно-нравственные ориентиры народа, позволяют охарактеризовать языковую личность политика как носителя языка и культурного кода народа.

Важно учитывать, что политическое высказывание обычно обладает модально-оценочными характеристиками и выражает отношение политика к происходящим событиям. Проведя **анализ оценочного пласта лексики** В. Г. Ардзинбы, мы пришли к выводу о том, что его идиостиль характеризуется:

– частым использованием ярких образных прилагательных для описания действий врага: *варварский, противоправный, силовой, чудовищный, зверский, безнравственный, бесчеловечный, фашистский, вероломный, вопиющий, кощунственный, циничный, безжалостный, недальновидный* и т. д. Оценочные эпитеты негативного характера используются преимущественно для характеристики оппонентов и их действий, а для описания собственных шагов применяются прилагательные с положительной коннотацией: *цивилизованный* (самое частотное прилагательное в текстах интервью, причем данный оценочный эпитет используется даже в окказиональном новообразовании в глагольной форме «мы предложили **цивиловать** эти отношения, перейти к договорным отношениям между Абхазией и Грузией»), *мирный, реалистичный, трезвый, логичный, конструктивный, ответственный, трудный* (в сочетании «*трудное решение*» со значением «*необходимый, важный*»). Сравнения, противопоставления, дихотомические оппозиции, антитеза обнаруживаются в политическом дискурсе довольно часто. «Антонимические оппозиции являются средством структурирования отдельных фрагментов картины мира и вследствие этого обладают несомненным потенциалом воздействия на сознание адресата» [Иссерс 2009: 120]. Политик мастерски использует прием противопоставления и не боится давать открытые оценки событиям, действиям и отдельным персоналиям, причем делает это этически корректно, в полном соответствии с правилами деловой коммуникации и нормами дипломатической культуры;

– использованием библеизмов для выражения оценки. «Руководство Грузии уже не может скрываться за характерным для него **фарисейством**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 18]. «Шеварднадзе пришел к власти **неправедным** путем» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 136]. Наиболее часто библеизмы встречаются в речи

В. Г. Ардзинбы именно в период войны. К примеру, обвинения Шеварднадзе в том, что он якобы разрешил ввод грузинских войск на территорию Абхазии, В. Г. Ардзинба называет «**святотатством**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 137]. «Нам, абхазам, не нужно ничего чужого, мы ни на кого не нападали — на нас напали. И мы имеем право бороться за свободу нашей Родины. На это нас **благословил Бог**. Значит, мы победим! Я хочу, чтобы вы все в это поверили»; «Я не думаю, чтобы кто-нибудь упрекнул абхазов (абаза) за то, что они во время этого **священного** дела подняли оружие» [Сайт президента Абхазии www]. Как видно из приведенных примеров, библеизмы используются политиком для придания дополнительной экспрессивности и весомости своим оценкам. Вообще в общественно-политическом дискурсе, политической коммуникации применение библеизмов не редкость, ведь они не только украшают речь и делают ее более выразительной, эмоциональной, но и существенным образом влияют на сознание масс;

– использованием модальных глаголов долженствования, в основном в сочетании «*мы должны*», «*нам придется*», «*мы сумели*», что подчеркивает и сложность ситуации, в которой оказался народ, и осознаваемую лидером ответственность за социально-политическую обстановку в стране. Употребление модальных глаголов, выражающих долженствование, — это средство прямого речевого воздействия, оно формирует у адресата чувство долга, ответственности, но также служит средством создания перспективы. Благодаря использованию глаголов конкретного действия повествование политика приобретает динамику и эмоциональную остроту, что увеличивает силу воздействия речи на слушателей. Кроме того, подобная глагольная форма объединяет оратора со слушателями и выражает их совместное мнение;

– четко артикулируемым акцентированием собственной точки зрения на те или иные события. Политик часто начинает предложения со слов: «*я глубоко уверен*», «*я убежден*», «*с моей точки зрения*», «*я должен сказать*», «*мне лично кажется*», «*я думаю*», «*я считаю*», «*я надеюсь*», «*я глубоко убежден*», «*я действительно рассчитываю*», «*я бы хотел*» и т. д. Прослеживающееся повсеместно высокочастотное употребление слов, выражающих собственную оценку или позицию по различным вопросам, говорит о самостоятельности лидера, убежденного в правоте своей политики, предпринятых шагов и решений, а также об уверенности оратора

в том, что его мнение и взгляды будут поддержаны обществом [Beard 2000: 46]. Часто используемое местоимение «я» также свидетельствует о высокой самооценке политика, для которого собственная точка зрения представляется правильной. По мнению специалистов, использование личного местоимения «я» позволяет говорящему продемонстрировать авторитет и личную ответственность, подчеркивая вовлеченность, приверженность делу, а также указывает на желание подчеркнуть свою индивидуальную идентичность [Bramley 2001: 259, 263]. В идиостиле В. Г. Ардзинбы прослеживается страстная личная убежденность в правильности выбранного курса, а также оценочная полемичность, что обуславливает выбор соответствующих лингвистических и риторических средств, создающих комплексный когнитивно-экспрессивный образ политика в его рациональной, эмоциональной и духовной составляющих. Через умение в своей речи дать личную оценку происходящему и выразить отношение по какому-либо вопросу политик манифестирует высокую самооценку и указывает на такие лидерские качества, как инициативность, смелость, целеустремленность, способность к самоконтролю и т. д. Ярко выраженное личностное начало с четко артикулируемой позицией в выражении оценок — характерная особенность идиостиля В. Г. Ардзинбы;

– использованием выражений, содержащих в своей семантической структуре эмоциональную составляющую, что также характерно для идиостиля В. Г. Ардзинбы. В качестве примеров подтверждения этой особенности языковой личности отметим образное использование метонимии, градации, метафор в рассуждениях: «Грузинский экспедиционный корпус, словно раковая опухоль, разъедает Центральную Абхазию, ее столицу, разбрасывая смертоносные метастазы по всему организму республики» [Сайт президента Абхазии www]. Частое употребление метафор, афористичность суждений, использование аллегорий и эпитетов, образные, а порой и парадоксальные ответы на вопросы подчеркивали эмоциональность оратора в выражении своего личного мнения. Можно сказать, что эмоционально-экспрессивная составляющая высказываний является неотъемлемым элементом речевого портрета политика. В качестве приема для выражения оценки политик часто прибегал к яркой образности с использованием богатого арсенала риторических изобразительно-выразительных средств. Чего стоит обращение Ардзинбы к народам Северного Кавказа в самом начале войны: «Братья и

сестры! В Абхазии пылает страшный пожар, сжигающий людей, культуру и государство. Искры этого пожара залетают в Северокавказские жилища — Кавказский хребет не поднимался между нами Берлинской стеной. Погасив огонь войны в Абхазии, вы уберете и свои пока более уютные жилища. Наше общее спасение только в мире между людьми и народами!» [Сайт президента Абхазии www].

Морфологический анализ текстов показал, что речь В. Г. Ардзинбы изобилует наречиями, усиливающими эмоциональную окраску, например: *сердечно, неизменно, уверенно, неоднократно, активно, справедливо, абсолютно*. Чаще других используются наречия *ответственно, подробно, внимательно*, характеризующие политика как человека, который далек от поверхностного отношения к ситуации и акцентирует внимание на каждой детали, тщательно подходя к своим обязанностям, понимая ответственность принимаемых им решений. В речи политика встречаются фразы-клише из политико-дипломатического лексикона: «люди требуют», «народ полон решимости», «злодеяния агрессора», «грубые массовые нарушения», «попрание прав и свобод», «назрела необходимость», «попустительство мирового сообщества», «проявления беззакония» и т. д., используемые для придания большей значимости, весомости высказываниям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании предпринята попытка анализа особенностей идиостиля первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы на основе рассмотрения используемых им лингвориторических средств. Нами были выявлены индивидуальные проявления языковой личности, коммуникативно-когнитивные и культурно-речевые особенности, составляющие речевой портрет рассматриваемого политика. К идиостильным константам, определяющим неповторимую манеру рассматриваемой фигуры, относятся: логичность изложения и аналитизм; юмор, ирония и парадоксальность речевого развертывания; интертекстуальность, ссылки на исторические факты; афористичность суждений, аллегоричность, использование ярких изобразительно-выразительных средств, которые создаются употреблением средств вербальной системы акцентирования (четкость, эксплицитность, статистические данные). При этом массу фактологической информации В. Г. Ардзинба приводит по памяти, практически не пользуясь записями, что говорит о высокой эрудиции, масштабе языковой личности политика. Об этом, в частно-

сти, свидетельствует и богатство тезауруса, и многообразие приводимых культурологических, ситуативных и тематических ассоциаций, из которых в идиостиле В. Г. Ардзинбы преобладают исторические.

Исходя из проведенного нами анализа лексико-содержательных компонентов, к особенностям идиостиля В. Г. Ардзинбы можно отнести в первую очередь яркую образность, богатство тезауруса и высокий уровень речевой культуры, что позволяет отнести данную языковую личность к элитарному типу. Анализ словарного запаса политика свидетельствует о высокой степени его экспрессивности, о разнообразии используемых языковых и стилистических средств, о богатстве оценочных эпитетов. Кроме того, исследование лексического своеобразия речи характеризует его как языковую личность, способную к эксплицитным оценкам и спонтанным выступлениям. Как верно подметил один из современников, язык политика был настолько точен, образен, колоритен, что журналистам не приходилось мучиться в поиске заголовка публикации — брали целые фразы прямо из текстов интервью («...роль старого центра, играемая новыми суверенами, не годится для нового национального устройства...!» — «Московские новости», 6 сент. 1992 г.; «Под дулами автоматов мы работать не будем» — «Литературная газета», 16 сент. 1992 г.; «Горячая линия: Абхазия не отступит» — «Литературная Россия», 2 окт. 1992 г.; «Возможность избежать дальнейшего кровопролития еще существует» — Известия, 20 окт. 1992 г.; «Самое главное — единство» — «Нарт», № 5, 1992 г.; «Мы готовы к переговорам» — «Республика Абхазия», 4 марта, 1993 г.; «Мечом не доказать правды» — «Южная Осетия», 1993 г.; «Всё зависит от России» — «Московские новости», 21 нояб. 1993 г.; «Абхазия не уступит насилию» — «Правда», 16 марта 1994 г.).

В целом политик демонстрирует высокий уровень языковой компетенции, что обнаруживается в концентрации книжной лексики, а также культурно-речевой сдержанности (просторечные слова используются крайне редко). Речь лидера деловая, нормативная, в большей степени литературная (академическая), чем разговорная, отличается богатством и выразительностью, а выбор языковых средств характеризует политика как языковую личность — носителя элитарной речевой культуры. Доминантные свойства идиостиля В. Г. Ардзинбы свидетельствуют о виртуозном владении политиком ораторским искусством. Выбор лексических средств политика соответствует историческому мо-

менту и соотнесен с наиболее актуальными для общества явлениями. Судя по тезаурусу, языковым и стилистическим средствам репрезентации, можно говорить о богатом профессиональном и жизненном опыте сравнительно молодого политика, которому на момент начала войны было всего 47 лет!

ИСТОЧНИКИ

1. Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба / сост. Л. К. Ардзинба. — Сухум, 2011. — Текст : непосредственный.

2. Сайт первого президента Абхазии. — URL: www.ardzinba.com. — Текст : электронный.

3. Те суровые годы. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992—1993гг. в документах / отв. ред. В. Г. Ардзинба. — Сухум, 2004. — Текст : непосредственный.

4. Наш Владислав : сб. выступлений, интервью, бесед / сост. В. Зантария. — Сухум, 2010. — Текст : непосредственный.

5. Джергения, А. М. О первом президенте Республики Абхазия Владиславе Ардзинба (статьи, интервью) / А. М. Джергения. — Сухум, 2019. — Текст : непосредственный.

ЛИТЕРАТУРА

6. Алексеева, А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) / А. К. Алексеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 41. — С. 64—80.

7. Анисимова, С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) / С. А. Анисимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 57. — С. 77—83.

8. Анисимова, Т. В. Психологические условия эффективной презентации личности политика в СМИ / Т. В. Анисимова. — Текст : непосредственный // Прагмалингвистика и практика речевого общения. — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. — Вып. 2. — С. 27—34.

9. Безруков, В. А. Лингвистические средства формирования положительного имиджа в общественно-политическом дискурсе (на примере речей Б. Обамы) / В. А. Безруков. — Текст : непосредственный // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — Вып. 15. — С. 15—23.

10. Болотнов, А. В. Тип аргументации как отражение идиостиля публичной информационно-медийной языковой личности / А. В. Болотнов. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2019. — № 4 (201). — С. 21—30.

11. Болотнова, Н. С. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 187—193.

12. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллективная монография / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова [и др.] ; под ред. Н. С. Болотновой. — Томск, 2011.

13. Васильев, А. Д. Свои и чужие в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 18—24.

14. Гаврилова, М. В. Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2011. — № 1. — С. 4—10.

15. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом

дискурсе / М. К. Дементьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4. — С. 82—92.

16. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности / Н. Л. Зелянская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 120—126.

17. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.

18. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 6-е. — Москва : URSS : ЛКИ, 2007. — 261 с. — Текст : непосредственный.

19. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — Вып. 1 (24). — С. 43—48.

20. Нахимова, Е. А. «Прямая линия» с народом»: президентские ответы на детские вопросы / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 22—26.

21. Руженцева, Н. Б. Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 50—56.

22. Самарская, Т. Б. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева. — Текст : электронный // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>.

23. Седых, А. П. Психологический эскиз к портрету языковой личности арготирующего француза / А. П. Седых, Л. В. Смирнова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2019. — Т. 12. — Вып. 9. — С. 333—337.

24. Цуцьева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуцьева. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 2. — С. 104—107.

25. Цуцьева, М. Г. Институциональность языковой личности политика / М. Г. Цуцьева. — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — С. 136—141.

26. Цуцьева, М. Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста / М. Г. Цуцьева. — Текст : непосредственный // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2013. — № 5 (83). — С. 104—108.

27. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДКГ «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

28. Bertuccelli, M. Irony as a complex attitude / M. Bertuccelli. — Text : unmediated // *Lingue e Linguaggi*. — 2018. — No 26. — P. 59—80.

29. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews / N. R. Bramley. — 2001. — Text : electronic (April 10, 2012).

30. Karapetjana, I. Pronominal Choice in Political Interviews / I. Karapetjana. — Text : unmediated // *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*. — Riga : University of Latvia, 2011. — Vol. 1. — P. 36—45.

31. Nuolijärvi, P. Irony in Political Television Debates / P. Nuolijärvi, L. Tiittula. — Text : unmediated // *Journal of Pragmatics*. — 2010. — No 43 (2). — P. 572—587.

32. Qaiwer, S. N. A Study of Irony in Political Discourse / S. N. Qaiwer. — Text : unmediated // *Arab World English Journal: Special Issue on the English Language in Iraqi Context*. — 2020. — P. 2—17.

L. A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

ORCID ID: —

 E-mail: lagrba@mail.ru.

Peculiar Features of the Individual Style of a Politician (A Linguistic Analysis of the Speeches of the First President of Abkhazia V. G. Ardzinba)

ABSTRACT. *The article deals with the peculiarities of the individual style of the first President of Abkhazia Vladislav G. Ardzinba — one of the most significant personalities in the socio-political and socio-cultural life of Abkhazia. The study attempts to identify and structure idiostyle constants, target settings, speech tactics and strategies, stylistic and rhetorical techniques used by the politician. The scope of linguistic analysis includes the texts of interviews and speeches by Vladislav Ardzinba on the eve, during and immediately after the Georgian-Abkhazian war (1992-1993). The urgency of the study is determined by the lack of research of the language and style of Ardzinba, its communicative, cognitive and rhetorical features, which are significant in terms of impact on the collective recipient. The aim of the work is to analyze the specific features of idiostylistic lexical and rhetorical aspects that reconstruct a complete language portrait of the politician. To achieve this goal, the task to provide a comprehensive description and systematization of linguo-rhetorical techniques and to identify the features of the politician's idiostyle is performed in the study. Within the framework of the study, the individual style is interpreted comprehensively as manifestations of the specificity of the linguistic personality in the structure, semantics and pragmatics of the texts created by them. The research material includes the texts and transcripts of the politician's interviews. The method of scientific description, including the methods of classification, interpretation and generalization of language material based on component and context analysis was chosen as the main research method. The study has revealed that the interviews of Ardzinba differ in content, logical presentation, imagery, factography, as well as a set of specific linguistic features and are characterized by a strong impact on the participants of the political discourse of their time. While interpreting the individual style of the first President of Abkhazia, we identify the target settings, stylistico-rhetorical and lexico-semantic features that determine the variability of the communicative behavior of the public linguistic personality in question. Further research of the linguistic personality of a politician in the aspect of identification of the specific features of their idiostyle may turn out to be promising.*

KEYWORDS: *individual style (idiostyle); linguistic personality; aims; rhetorical techniques; lexico-semantic features; linguo-stylistic peculiarities; speech culture; presidents; politicians; political rhetoric; political speeches; linguopersonology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Agrba Lana Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia.*

FOR CITATION: *Agrba, L. A. Peculiar Features of the Individual Style of a Politician (A Linguistic Analysis of the Speeches of the First President of Abkhazia V. G. Ardzinba) / L. A. Agrba // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 106-123. — DOI.*

MATERIALS

1. We went to Death to Live: a collection of interviews and speeches by V. G. Ardzinba / comp. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Text : unmediated. [My shli na smert', chtoby zhit': sbornik interv'y u i vystupleniy V. G. Ardzinba / sost. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Tekst : neposredstvennyy].

2. The Site of the First President of Abkhazia. [Sayt pervogo prezidenta Abkhazii]. — URL: www.ardzinba.com. — Tekst : electronic.

3. Those Harsh Years. Chronicle of the Patriotic War of the People of Abkhazia 1992—1993 in documents / rev. ed. V. G. Ardzinba. — Sukhum, 2004. — Text : unmediated. [Te surovye gody. Khronika Otechestvennoy voyny naroda Abkhazii 1992—1993gg. v dokumentakh / otv. red. V. G. Ardzinba. — Sukhum, 2004. — Tekst : neposredstvennyy].

4. Our Vladislav: collection of speeches, interviews, conversations / comp. B. Zantaria. — Sukhum, 2010. — Text : unmediated. [Nash Vladislav : sb. vystupleniy, interv'y u, besed / sost. V. Zantaria. — Sukhum, 2010. — Tekst : neposredstvennyy].

5. Dzhergeniya, A. M. About the first President of the Republic of Abkhazia Vladislav Ardzinba (articles, interviews) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Text : unmediated. [O pervom prezidente Respubliki Abkhaziy Vladislave Ardzinba (stat'i, interv'y u) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Tekst : neposredstvennyy].

REFERENCES

6. Alekseeva, A. K. The Political Portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment) / A. K. Alekseeva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No 41. — P. 64—80. [Politicheskiiy portret V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale pressy i

assotsiativnogo eksperimenta) / A. K. Alekseeva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 41. — S. 64—80]. — (In Rus.)

7. Anisimova, S. A. The Role of Precedent Phenomena in the Process of Mental Space Formation (based on the comparative analysis of V. V. Putin and B. Obama discourses) / S. A. Anisimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No 57. — P. 77—83. [Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovani natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy) / S. A. Anisimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 57. — S. 77—83]. — (In Rus.)

8. Anisimova, T. V. Psychological Conditions for the Effective Presentation of the Personality of a Politician in the Media / T. V. Anisimova. — Text : unmediated // Pragmalinguistics and Practice of Verbal Communication. — Rostov-on-Don : IPO PI SFU, 2008. — Issue. 2. — P. 27—34. [Psikhologicheskie usloviya effektivnoy prezentatsii lichnosti politika v SMI / T. V. Anisimova. — Tekst : neposredstvennyy // Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniya. — Rostov-na-Donu : IPO PI YuFU, 2008. — Vyp. 2. — S. 27—34]. — (In Rus.)

9. Bezrukov, V. A. Linguistic Means of Forming a Positive Image in Socio-political Discourse (on the example of B. Obama's speeches) / V. A. Bezrukov. — Text: direct // Linguistics and Intercultural Communication. — 2014. — Issue. 15. — P. 15-23. [Lingvisticheskie sredstva formirovaniya polozhitel'nogo imidzha v obshchestvenno-politicheskom diskurse (na primere rechey B. Obamy) / V. A. Bezrukov. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2014. — Vyp. 15. — S. 15—23]. — (In Rus.)

10. Bolotnov, A. V. Type of Argumentation as a Reflection of the Idiostyle of a Public Information and Media Language Personality / A. V. Bolotnov. — Text : unmediated // Bulletin of TSPU. — 2019. — No. 4 (201). — P. 21—30. [Tip argumentatsii kak otrazhenie idiostilya publichnoy informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti / A. V. Bolotnov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TGPU. — 2019. — № 4 (201). — S. 21—30]. — (In Rus.)
11. Bolotnova, N. S. Cognitive Style of the Linguistic Personality in the Structure of the Idiostyle Model: to the Statement of the Problem / N. S. Bolotnova, A. V. Bolotnov. — Text : unmediated // Siberian Journal of Philology. — 2012. — No. 4. — P. 187—193. [Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy / N. S. Bolotnova, A. V. Bolotnov. — Tekst : neposredstvennyy // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. — 2012. — № 4. — S. 187—193]. — (In Rus.)
12. Bolotnova, N. S. Communicative Style of the Text: Lexical Regulation in Text Activity: a Collective Monograph / N. S. Bolotnova, I. I. Babenko, E. A. Baklanova [et al.]; under the editorship of N. S. Bolotnova. — Tomsk, 2011. [Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatelnosti : kollektivnaya monografiya / N. S. Bolotnova, I. I. Babenko, E. A. Baklanova [i dr.]; pod red. N. S. Bolotnovoy. — Tomsk, 2011]. — (In Rus.)
13. Vasil'ev, A. D. Friends and Strangers in the Context of the Program "Direct Line with Vladimir Putin" (2014) / A. D. Vasil'ev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No. 4 (54). — P. 18—24. [Svoi i chuzhie v kontekste programmy «Pryamaya liniya s Vladimirom Putinym» (2014 g.) / A. D. Vasil'ev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — № 4 (54). — S. 18—24]. — (In Rus.)
14. Gavrilova, M. V. Some Features of the Speech Portrait of the President of Russia D. A. Medvedev / M. V. Gavrilov. — Text : unmediated // Bulletin of TvSU. Series "Philology". — 2011. — No. 1. — P. 4—10. [Nekotorye cherty rechevogo portreta prezidenta Rossii D. A. Medvedeva / M. V. Gavrilov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». — 2011. — № 1. — S. 4—10]. — (In Rus.)
15. Dement'eva, M. K. Linguistic Means of Expressing Assessment in Contemporary Russian Official Political Discourse / M. K. Dement'eva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 4. — P. 82—92. [Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse / M. K. Dement'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 4. — S. 82—92]. — (In Rus.)
16. Zelyanskaya, N. L. Media Image of a Politician: the Internet Community as an Agent of Political Reality / N. L. Zelyanskaya. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No 4 (50). — P. 120—126. [Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agent politicheskoy real'nosti / N. L. Zelyanskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 4 (50). — S. 120—126]. — (In Rus.)
17. Issers, O. S. Speech Impact: teaching aid for students studying in the specialty "Public Relations" / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu» / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Karaulov, Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality / Yu. N. Karaulov. — Ed. 6th. — Moscow : URSS : LCI, 2007. — 261 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — Izd. 6-e. — Moskva : URSS : LCI, 2007. — 261 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Maslova, V. A. Political Discourse: Language Games or Word Games / V. A. Maslova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — Issue 1 (24). — P. 43—48. [Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — Vyp. 1 (24). — S. 43—48]. — (In Rus.)
20. Nakhimova, E. A. «Direct Line» with People: President's Answers to the Questions from Children / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No 2 (56). — P. 22—26. [«Pryamaya liniya» s narodom»: prezidentskie otvety na detskie voprosy / E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 2 (56). — S. 22—26]. — (In Rus.)
21. Ruzhentseva, N. B. Image Interview-performance of V. Zhirinovskiy: Change of Guise, Shock and primitivism technology / N. B. Ruzhentseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No 3 (53). — P. 50—56. [Imidzhevoe interv'yuproformans V. Zhirinovskogo: smena masok, epatazh, tekhnologiya primitiva / N. B. Ruzhentseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — S. 50—56]. — (In Rus.)
22. Samarskaya, T. B. Language Tools for Creating Idiostyle / T. B. Samarskaya, T. V. Pozdeeva. — Text : electronic // Political Internet electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. — 2016. [Yazykovye sredstva sozdaniya idiostilya / T. B. Samarskaya, T. V. Pozdeeva. — Tekst : elektronnyy // Politicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. — 2016]. — URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>. — (In Rus.)
23. Sedykh, A. P. Psychological Sketch for a Portrait of the Linguistic Personality of an Argotting Frenchman / A. P. Sedykh, L. V. Smirnova. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2019. — V. 12. — Iss. 9. — P. 333—337. [Psikhologicheskii eskiz k portretu yazykovoy lichnosti argotiruyushchego frantsuza / A. P. Sedykh, L. V. Smirnova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2019. — T. 12. — Vyp. 9. — S. 333—337]. — (In Rus.)
24. Tsutsieva, M. G. Language Personality as a Subject of Political Discourse / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant. — 2012. — Issue 2. — P. 104—107. [Yazykovaya lichnost' kak sub'ekt politicheskogo diskursa / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. — 2012. — Vyp. 2. — S. 104—107]. — (In Rus.)
25. Tsutsieva, M. G. Institutionalality of the Linguistic Personality of a Politician / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Leningrad State University of A. S. Pushkin. — 2014. — P. 136—141. [Institutsional'nost' yazykovoy lichnosti politika / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. — 2014. — S. 136—141]. — (In Rus.)
26. Tsutsieva, M. G. Language Personality of a Politician as a Dynamic Phenomenon of Discourse and Text / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // News of St. Petersburg State University of Economics. — 2013. — No. 5 (83). — P. 104—108. [Yazykovaya lichnost' politika kak dinamicheskii fenomen diskursa i teksta / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2013. — № 5 (83). — S. 104—108]. — (In Rus.)
27. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : ITDKG "Gnosis", 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : ITDKG «Gnozis», 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Bertuccelli, M. Irony as a complex attitude / M. Bertuccelli. — Text : unmediated // Lingue e Linguaggi. — 2018. — No 26. — P. 59—80.
29. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews / N. R. Bramley. — 2001. — Text : electronic (April 10, 2012).
30. Karapetjana, I. Pronominal Choice in Political Interviews / I. Karapetjana. — Text : unmediated // Baltic Journal of English Language, Literature and Culture. — Riga : University of Latvia, 2011. — Vol. 1. — P. 36—45.
31. Nuolijärvi, P. Irony in Political Television Debates / P. Nuolijärvi, L. Tiittula. — Text : unmediated // Journal of Pragmatics. — 2010. — No 43 (2). — P. 572—587.
32. Qaiwer, S. N. A Study of Irony in Political Discourse / S. N. Qaiwer. — Text : unmediated // Arab World English Journal: Special Issue on the English Language in Iraqi Context. — 2020. — P. 2—17.

В. Д. Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: —

Ли Х.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: —

E-mail: vdcher@yandex.ru; 13938965531@163.com.

«Баба-яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается использование прецедентных феноменов, восходящих к мультфильмам, в современном политическом дискурсе. Прецедентные имена и прецедентные высказывания из мультфильмов являются важной составляющей интертекстуального тезауруса языковой личности, частью национального культурного кода. Доступные всем носителям языка, хранящиеся в памяти с детства, они отличаются ярко выраженной аксиологичностью. На материале Национального корпуса русского языка показаны особенности использования прецедентных имен, выступающих в качестве метафор персонификации, позволяющих емко и выразительно создать портрет политика. При этом оценки, формируемые с помощью прецедентных имен из мультфильмов, ироничны и достаточно толерантны. Часто имена персонажей мультфильмов функционируют вместе с их популярными высказываниями, которые обычно оказываются тематически связанными с определенными сферами политики или типизированными ситуациями. Ряд прецедентных высказываний отрывается от породившего их источника, пополняет корпус русской «крылатики» или фразеологизируется («Баба-яга против»; «Казнить нельзя помиловать»; «Ребята, давайте жить дружно»). Наблюдается вариантность формы таких устойчивых выражений. Значения прецедентных высказываний могут варьироваться в зависимости от коммуникативной стратегии автора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мультфильмы; прецедентные имена; прецедентные высказывания; прецедентные феномены; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 199004, Россия, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 52; e-mail: vdcher@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Хуэй, аспирантка кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 199004, Россия, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 52; e-mail: 13938965531@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Черняк, В. Д. «Баба-яга против»: прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе / В. Д. Черняк, Ли Х. // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 124-132. — DOI 000000000000.

Важнейшей особенностью современного политического дискурса является обращение к широкому и разнообразному кругу прецедентных феноменов, поскольку интертекстуальность в широком ее понимании позволяет активизировать диалогичность, определяющую успешность коммуникации [Чудинов 2006: 61]. Воздействие друг на друга субъектов коммуникации, осуществляемое для интерпретации явлений в сфере политики [Шейгал 2004: 23], должно строиться с учетом компетенции коммуникантов, в частности необходимым условием успешного воздействия и успешной коммуникации считается общность понимания прецедентных феноменов [Красных 2014: 14].

Широко известная характеристика прецедентных феноменов как актуальных культурных знаков, хорошо знакомых всем представителям лингвокультурного сообщества,

обращение к которым постоянно возобновляется в речи [Красных 2003: 170], конечно, требует уточнений при интерпретации конкретных речевых произведений. По словам Д. Б. Гудкова, прецедентные феномены являются не только одним из наиболее важных инструментов трансляции национально-культурного наследия народа от одного поколения к другому, но и одновременно особым способом его объединения вокруг значимых «вечных» культурных ценностей, нравственных идеалов и норм. Кроме того, прецедентные феномены довольно часто сами выступают в качестве определенных нравственных эталонов нации, фиксируя адекватную оценку реальности и правильное восприятие ее представителей [Гудков 1997: 69].

Важным представляется соотношение интертекстуальности и прецедентности: интертекстуальность — это транслируемый

код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры [Кузьмина 1999: 12]. Как известно, многие интертексты, безусловно относящиеся к числу прецедентных, далеко не всегда распознаются нашим современником [Черняк 2011]. Стремление журналиста соотнести актуальные для политического дискурса события с культурным контекстом, включить читателя в языковую игру при использовании прецедентных феноменов сталкивается с необходимостью учета культурной компетенции потенциального массового читателя, его интертекстуального тезауруса [Кузьмина 2009; Кузьмина 2011; Соломина 2008]. При этом сегодня наблюдается всё более заметная активизация отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности.

Прецедентные феномены, используемые в современном политическом дискурсе, весьма разнообразны по своему происхождению [Нахимова 2007]. Ориентация на общий с читателем культурный код объясняет обращение к наиболее частотным прецедентным феноменам из текстов русской и мировой классики [Черняк 2011], Библии [Сегал 2017], к составляющим поля «Античность» [Черняк, Румянцева 2014], к именам и высказываниям, мотивированным детским чтением [Черняк, Носова 2016], к текстам массовой культуры, в частности к популярным песням и мультфильмам, являющимся частью массовой культуры [Елецкая 1998: 497].

К числу наименее исследованных прецедентных феноменов, активно функционирующих в политическом дискурсе, относятся имена и высказывания из мультфильмов. Между тем этот источник известен каждому носителю языка с детства: «...по сравнению с литературными произведениями, художественные образы в мультфильмах более наглядны и интересны, так как в словесном восприятии реальность неконкретна, каждый читающий видит ее по-своему. Оживляющий рисунок, напротив, навязывает свою материальность <...>, значительно облегчает ее понимание» [Норштейн 2005: 10]. Это высказывание выдающегося мультипликатора естественно соотносится с тенденцией к визуализации образов в разных типах дискурса, в том числе в дискурсе политическом. Не случайно в журнале «Политическая лингвистика» немало статей, посвященных карикатуре и комиксам, также воплощающим соединение визуальной и вербальной информации.

Мультфильмы, представляющие собой один из видов креолизованных текстов,

обеспечивают комплексное воздействие на адресата. Яркие «зрительные образы культурного пространства» [Мардиева 2011: 203], связанные с популярными мультфильмами, наполняются культурно маркированными смыслами, становятся символами типизированных ситуаций.

О значительном месте прецедентных феноменов из мультфильмов в тезаурусе современной языковой личности свидетельствуют материалы ассоциативных словарей: многие стимулы, использованные в ассоциативных экспериментах, вызвали в качестве реакций прецедентные феномены из мультфильмов (имена персонажей мультфильмов, их высказывания или фрагменты высказываний) [Черняк, Ли 2019]. Примечательна также фиксация этих единиц во всех современных словарях крылатых слов. Недавнее появление словаря, специально посвященного крылатым словам из мультфильмов [Шулежкова 2018], с ироничным названием «Не смешите мои подковы» убедительно показывает значимость этого культурного феномена.

Визуальные прецедентные феномены из мультфильмов часто используются в политической карикатуре: частотными и востребованными в этом жанре оказались многие герои советских мультфильмов (*Винни-Пух и Пятачок, Буратино, Чебурашка, Карлсон, Вовочка, Шапокляк*) [Ворошилова 2013]. Они нередко определяют ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, формируют «набор героев и злодеев, предполагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых — образца того, чего делать ни в коем случае нельзя» [Гудков 2008: 409].

Интересным представляется результат социологического опроса, опубликованный на сайте «Левада-центра». В ходе опроса 1600 информантам предложили «расписать» роли в политическом театре через призму образов героев сказки Алексея Толстого «Золотой ключик». Современные политические деятели сопоставляются с Буратино, Папой Карло, Карабасом-Барабасом, Лисой Алисой и другими персонажами [Озерова 2012]. (Отметим, что актуализация в современном дискурсе героев любимой несколькими поколениями детской книги в значительной степени обусловлена популярностью мультфильмов и кинофильма, созданных по мотивам сказки.) Активность употребления прецедентного имени *Буратино* в политическом дискурсе подтверждает «Словарь русских политических метафор». В разделе «Политические лидеры и вожди» отмечается, что имя *Буратино* используется

для создания «образа недалёковидного, легко поддающегося влиянию политика» [Баранов 1994: 55]. Узнаваемость и доступность подобных сопоставлений обеспечивается присутствием этих персонажей в тезаурусе практически каждого представителя лингвокультурного сообщества [Черняк, Носова 2016: 34].

Апелляция к визуальным прецедентным феноменам из мультфильмов часто мотивируется внешним сходством политиков с персонажами мультфильмов. В качестве примера можно привести фрагмент медиатекста: *Российские политики больше похожи на героев анимационных лент, чем глава КНР на Винни Пуха <...> Поговаривают, что бывшего украинского премьер-министра Арсения Яценюка доводило до бешенства сравнение с Кроликом из „Винни Пуха“ Фёдора Хитрука. <...> А с кем только из мультипликационных персонажей не сравнивали премьер-министра Дмитрия Медведева! И с Винни Пухом (отечественным, просим заметить, а не американским). <...> Обижаются на подобное и некоторые российские политики, особенно дамы. Как-то интернет-портал „Все выборы“ имел неосторожность отметить забавное сходство депутата Госдумы Ирины Яровой и хулиганки старухи Шапокляк из „Чебурашки“* (Версия. 14.03.2020).

Остановимся на формах актуализации прецедентных феноменов из мультфильмов, опираясь на богатый материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Как известно, одной из базовых метафор политического дискурса является метафора персонификации. При этом прецедентные имена из мультфильмов отличаются ярко выраженной аксиологичностью. По словам А. П. Чудинова, при метафорическом моделировании политической сферы, «отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы» [Чудинов 2003: 53]. Это выразительно демонстрирует использование прецедентного имени *Тянитолкай*. Образ фантастического персонажа повести Корнея Чуковского «Доктор Айболит» обретает яркие визуальные черты благодаря популярности одноименного мультсериала и художественного фильма. Доброе и покладистое существо с двумя головами, всё время направляющими его в разные стороны, в политическом дискурсе используется для обозначения несогласованных, разновекторных действий: *Меркель пока удаётся сдерживать этот натиск. Однако насколько эффективным окажется такой политический „тянитолкай“, покажет время.*

2009-й запомнится немцам и как год исторических дат. 9 ноября ФРГ отпраздновала 20-летнюю годовщину падения Берлинской стены (Антикризисный интернационал // Известия. 2009.12.30); Однако в реальности встреча планировалась задолго до этого и задерживалась потому, что одна из трех стран (по мнению большинства экспертов, это Болгария) затягивала обсуждение. Греко-российско-болгарский „тянитолкай“ уже более 10 лет не может подписать итоговое межправительственное соглашение по созданию этого нефтепровода (США всячески препятствуют реализации проекта Бургас — Александруполис // Новый регион 2. 2007.02.07).

Как отмечает И. М. Кобозева, метафора в политическом дискурсе выполняет функцию «сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001]. Так, прецедентное имя *кот Леопольд* из популярного мультсериала «Приключения кота Леопольда» в политическом дискурсе используется для достаточно мягкого обозначения политика, склонного к уступке, к компромиссам: *Али Зейдан — это такая компромиссная фигура, типичный „западник“, стремящийся, как кот Леопольд, примирить заклятых врагов. Его положение во власти весьма неустойчиво* (С. Хатунцев. Ливия. Страны. Нет // Известия. 2013.10.14); *Фактически лидер КНР выступал в роли мультяшного кота Леопольда, призывавшего „ребят“ „жить дружно“* (Н. Галимова. Ключ от Сирии в руках Путина и Обамы // Сайт «Газета.ru». 29.09.2015).

Этот персонаж мультфильма живет в современном дискурсе вместе со своим знаменитым высказыванием «*Давайте жить дружно!*». Два типа прецедентных феноменов очень часто соединяются в одном текстовом фрагменте: *Он лишь вежливо попросил главу провинции и его партийного секретаря словами из мультфильма: — Как сказал кот Леопольд, „ребята, давайте жить дружно!“ После перевода (слово „кот“ куда-то пропало!) все руководители и гости согласно закивали головами. Слова товарища Леопольда им понравились. „Очень мудрый руководитель товарищ Леопольд!“ — сказали они в ответном слове* (Как русский моряк героем Кореи стал // Комсомольская правда. 22.04.2013).

В приведенном ироническом контексте «кот Леопольд из мультфильма» при переводе утратил часть устойчивой номинации, кото-

рая была заменена словом *товарищ*, что придало высказыванию комическое звучание. Прецедентное высказывание **«ребята, давайте жить дружно!»** становится символом абсолютного конформизма. В то же время во многих контекстах оно используется для выражения миролюбивой позиции, готовности к диалогу, как призыв к смягчению обстановки, сглаживанию конфликтов. Ср.: *Я бы сказал Бушу, как кот Леопольд из мультфильма: „Ребята, давайте жить дружно!“ А что касается космоса... Американцы у нас по частям космическую станцию выкупают, скоро на ней ничего нашего и не останется* (Комсомольская правда. 2002.05.23); *Мне чисто по-человечески неприятно, когда с кем-то портятся отношения, в том числе и с Великобританией. Я отношусь к тем людям, которые говорят: „Ребята, давайте жить дружно!“* (Е. Морозова. Вас волнует похолодание отношений с Великобританией? // Труд-7. 2008.01.18); *Президент Додон призывает не создавать проблемы, а решать их. ...70 % ваших товаров экспортируются через Кишинев. Мы покупаем у Кучурганской ГРЭС 85 % электроэнергии. Ваши люди работают у нас, наши — у вас. Давайте не создавать проблемы на ровном месте, на идеологии, давайте жить дружно! Я настроен на решение проблем, а не на их создание* (Московский комсомолец. 19.02.2020).

Нередко при этом сами авторы называют такой призыв утопией, «общей декларацией», подчеркивают его неэффективность в решении конфликтов: *Требуется их реконструкция. И не на уровне общих деклараций типа „давайте жить дружно“ — это уже было — а на уровне конкретных предложений* (В ожидании ответов президента // РИА Новости. 2008.10.31).

Действующие в общественном пространстве субъекты, следующие подобному принципу, нередко воспринимаются как слабая и беспомощная сторона, не способная на решительные действия. Принцип «давайте жить дружно!» часто противопоставляется конкретным действиям, решительной позиции, способности «власть употребить»: *А мы продолжаем отделяться благими пожеланиями. — Типа „ребята, давайте жить дружно, играть честно“? — Примерно. Хотя нам сам Бог велел власть употребить* (А. Ванденко. С. Степашин: «Почему Фурсенко не подписывает соглашение со Следственным комитетом?» // Советский спорт. 2011.07.12).

Прецедентное высказывание «*Двое из ларца — одинаковы с лица*» (глуповатые и не отличимые внешне и по поведению пер-

сонажи советского мультфильма «Вовка в тридевятом царстве») употребляется в тех случаях, когда иронически подчеркивается внешнее или внутреннее сходство политиков, политических групп или других субъектов политического дискурса и их позиций: *Двое из ларца — одинаковы с лица, президент Украины Виктор Ющенко и президент Грузии Михаил Саакашвили, стали самыми дорогими и желанными гостями <...>. Выступления обоих лидеров неоднократно прерывались шумными овациями <...> делегаты ПАСЕ отмечали самые жесткие выпады против официальной Москвы* (Россию посадят в «зону» // РБК Daily. 2005.01.28); *Двое из ларца — Сбербанк и ВТБ — поручились друг за друга и перед Банком России, чтобы иметь возможность доступа к кредитам последнего. Госбанки оформили договоры поручительства на сумму 60 млрд рублей каждый* (Компании и рынки вкратце // «Однако». 2009).

Чрезвычайно популярно в политическом дискурсе выражение «*Баба-яга против!*» из одноименного советского мультфильма, выпущенного к Олимпийским играм 1980 года. Напомним ситуацию, в которой используется это прецедентное высказывание: по телевизору объявляют о том, что символом Олимпиады становится Мишка; Баба-яга, возмущенная тем, что выбрали не ее, кричит: «А Баба-яга против!» — что становится своеобразным слоганом всего мультфильма. В дальнейшем в каждой серии Баба-яга вместе с Кошеем Бессмертным и Змеем Горынычем пытается помешать Олимпийскому Мишке попасть на Олимпиаду, а затем и участвовать в ней. Со временем прецедентное высказывание «*Баба-Яга против*» стало использоваться для обозначения коммуникативной стратегии политиков, связанной с выражением возмущения или несогласия с любым предложением и мнением, даже самым разумным, что и отражается в газетном корпусе НКРЯ: *Депутаты от КПРФ голодают практически всегда по принципу „А баба-яга против“, либо просто не участвуют в голосовании, либо вообще покидают зал* (В. Толстой. Дмитрий Травкин: «Людям нужен честный диалог с властью, а не обещания» // Аргументы и факты. 23.01.2020); *Пропагандой охвачена, таким образом, вся прогрессивная общественность нашего государства. Естественно, аргументы используются разные, но смысл выступлений один — „а Баба Яга против“. И это, похоже, чуть ли не первый случай, когда демократы и коммунисты „слились в экстазе“ и идейно объединились против „врага Отечества“* (Н. Александрина. Когда

нечего сказать — много говорят // Труд-7. 2000.11.09); После голосования сожалел о своем поступке только Леонид Левин, прошедший в Госдуму по федеральному списку. Он напомнил, как неоднократно говорилось, что „Справедливая Россия“ — это „не Баба-яга против“, и в ней допускаются различные мнения (С. Макунина. Сергей Миронов хочет лишать мандата депутатов-перебежчиков // РБК Дейли. 2012.05.15).

Примечательна актуализация семы «повторяемость действия». То есть политические силы, следующие принципу «баба Яга против», постоянно используют стратегию несогласия. Напротив, плюрализм мнений — это «не Баба-яга против».

В ряде случаев прецедентное высказывание вводится в текст с указанием на источник: Ранее зампред комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Франц Клинецвич заявил, что Украина уподобилась персонажу из мультфильма „А Баба-яга против!“, раскритиковав возможность возвращения России в Парламентскую ассамблею Совета Европы (Газета.ру. 16.12.2017). Однако гораздо чаще наблюдается его использование даже без кавычек, что свидетельствует о фразеологизации: Мир стоял на грани глобальной катастрофы — и сделал шаг назад от края пропасти, как не обрадоваться? Только Баба Яга против, то бишь израильский премьер-министр Нетаньяху недоволен. Он отправился в Вашингтон, чтобы мобилизовать израильское лобби на войну против грядущего мира (И. Шамир. А Баба Яга — против // Комсомольская правда. 2013.10.01). Частотность в политическом дискурсе этого прецедентного высказывания обусловливает и вариативность его написания: «Баба Яга против», «Баба-Яга против», «Баба-яга против», «баба-яга против» при нормативном Баба-яга.

Семантическое содержание конкретных прецедентных феноменов естественно соотносится с обсуждаемой в общественно-политическом дискурсе проблемой. Наблюдается определенная «привязанность» некоторых прецедентных феноменов к тематически связанным текстам. Так, прецедентное высказывание Средства у нас есть — у нас ума не хватает (слова кота Матроскина из мультфильма «Зима в Простоквашино») используется для актуализации проблем качества управленческих решений или расходования бюджетных средств не по назначению. Например, в статье «Московские чиновники ежегодно закапывают в клумбы миллиарды рублей» читаем: Вопрос о „непонятках“ в этой области поднимался на

Всероссийском конгрессе специалистов в области ландшафтной индустрии, который проходил в Москве осенью 2007 года. Но ничего так и не изменилось. Как говорил кот Матроскин: „Средства у нас есть — у нас ума не хватает“ (Я. Танькова. Комсомольская правда. 23.06.2009). Ср. также: Недавно как раз эту тему обсуждали на пленарном заседании Госдумы, куда был приглашен и председатель Счетной палаты России Алексей Кудрин. Представленные данные очень хорошо демонстрируют сложившуюся ситуацию. За девять месяцев 2018 года исполнение федеральной адресной инвестиционной программы составило менее 50 %. Невольно вспоминается выражение кота Матроскина: „Средства у нас есть — у нас ума не хватает“ (ФедералПресс. 27.11.2018).

С экономической сферой связывается обычно и прецедентное высказывание состоятельный крот (богатый и скупой герой мультфильма «Дюймовочка», снятого по сказке Г. Х. Андерсена). Так иронически называют богатых политиков: Среди других членов верхней палаты, традиционно входящих в список „состоятельных кротов“, — сенатор от Карелии Игорь Зубарев, заработавший 564 млн 432 тыс. рублей. По сравнению с предыдущим отчетным периодом финансовые возможности парламентария более чем удвоились — годом раньше он задекларировал 219 млн. (Самым богатым оказался камчатский сенатор Пономарев: депутаты беднее // Московский комсомолец. 12.04.2019). Состоятельными кротами называют и богатые западные страны: Спиридон Килинкаров обратил внимание, что уже полвека самые богатые люди мира „противостоят“ бедности, а проблем и бедных в мире становится только больше. 50-й юбилейный форум в Давосе. Состоятельные кроты рассуждают о глобальной борьбе с бедностью, заболеваниями, ну и конечно, о глобальном потеплении (В Давосе состоятельные кроты рассуждают о глобальной борьбе с бедностью // Украина.ру. 22.01.2020).

Со сферой строительства и связанными с ней экономическими и социальными процессами соотносится прецедентное высказывание «Мы строили, строили и наконец построили», принадлежащее главному герою мультсериала «Чебурашка». Прецедентное высказывание, изначально имевшее значение «закончить строительство чего-то долгожданного», приобретает актуальное для освещения современных проблем значение «строить что-то слишком долго, вызывая тем самым негодование общест-

ва»: *В советское время он был Дворцом Пионеров, а до революции в его стенах размещались городская Дума и Сиротский суд. Последние 18 лет заняла реконструкция („Мы строили, строили и наконец построили!“). На нее раскошелелись федеральный и областной бюджеты* (И. Архипов. Во Владимире открылся Дом дружбы // Комсомольская правда. 2008.01.12); *Строили, строили и наконец построили... Да за столько лет можно было дворец построить, а они станцию метро и то еле-еле...* (А. Миронов. Стройте людям метро // Комсомольская правда. 2016.09.20); *Люди ждали, ждали... 15 лет! „Мы строили, строили — и наконец построили“.* Пока все не нажились на строительстве, никто пальцем не пошевелил (А. Проценко. Предсказание Грефа: все лучшее уже позади // Труд-7. 2004.12.16); *А чебурашками у нас окажутся восстановители пострадавших от паводка районов Якутии. В смысле: „мы строили, строили — и наконец построили“.* Вечно сидевший в правительстве тише воды ниже травы глава Госстроя Анвар Шамузафаров вдруг удостоился чести быть раскритикованным лично президентом (С. Новопрудский. Чебоксары, чебуреки, чебурашки // Известия. 2001.06.24).

Прецедентное имя *Ежик в тумане* нередко используется для характеристики политиков или граждан, не определившихся в своем выборе: *Не удивительно, что блуждающие в социологическом тумане российские ёжики никак не определяются, идти им на президентские выборы или нет, а если идти, то как поступить с бюллетенем для голосования* (В. Костиков. Ёжик в тумане // Аргументы и факты. 15.02.2012).

В высшей степени актуально в различных типах дискурса, в том числе в дискурсе политическом, прецедентное высказывание *«Казнить нельзя помиловать»*. Персонаж мультфильма «В Стране невыученных уроков» Витя Перестукин размышляет, где поставить запятую в этом предложении. В политическом дискурсе эта фраза обычно используется в значении «делать выбор в пользу какого-то одного (часто худшего) варианта»: *Слова В. Путина о том, что „правительству нужно помочь“, можно трактовать по-разному. В духе известной фразы „Казнить нельзя помиловать“.* Где В. Путин поставит запятую? В послании была и ожидаемая сенсация (Вячеслав Костиков. В. Путин: «Без сильной власти невозможен прорыв» // Аргументы и факты. 2003); *11 апреля экспертный совет министерства спорта расставит знаки препинания во фразе о судьбе тренерского штаба —*

„казнить нельзя помиловать“ (Н. Марьянич. 16-е место в Сочи изменить нельзя? // Советский спорт. 2012.04.02); *„Казнить нельзя помиловать“ — как известно, дилемма королей. Для нынешних руководителей актуальнее всего вопрос, как во время переговоров заключить итоговое соглашение на максимально выгодных для себя условиях. Какую модель поведения выбрать?* (И. Николаева. Надо знать, на кого кричать // РБК Daily. 2010.07.26). В 40 текстах газетного корпуса прецедентная ситуация *«Казнить нельзя помиловать»* используется не только применительно к судебной практике, но приобретает и более общее значение «сложная задача, требующая решения»: *А осудить их по статье 20.1 КоАП РФ (Мелкое хулиганство) тоже не получится — она здесь неприменима, поскольку не предусматривает действия, совершенного в составе группы. Казнить нельзя помиловать. Все же лучше поставить запятую после второго слова* (А. Гришин. Pussy Riot уведат от уголовной статьи // Комсомольская правда. 2012.04.26); *В Роспотребнадзоре состоится селекторное совещание с повесткой: „Об итогах I смены летней оздоровительной кампании 2010 года“.* — *Заседание Столыпинского клуба на тему: „Российский бизнес казнить нельзя помиловать. Просьба поставить запятую“* (Календарь событий // РИА Новости. 2010.06.28); *„Казнить нельзя помиловать“ — именно над этой задачей мучаются сегодня власти Афганистана. Уже больше недели в этой стране идет процесс над Абдулом Рахманом, 41-летним афганцем, принявшим христианство* (Н. Красников. Христианину за веру грозит дурдом // Комсомольская правда. 2006.03.24).

Нами были рассмотрены лишь некоторые из многочисленных прецедентных феноменов, активно функционирующих в политическом дискурсе. *Чебурашка и Крокодил Гена, Незнайка и Чиполлино, Заяц и Волк, Карлсон и Винни-Пух, кот Матроскин и кот Леопольд, Дядя Федор и Почтальон Печкин* — эти и многие другие персонажи активно живут вместе со своими высказываниями на страницах газет и журналов, в электронных медиа, выполняя важную роль «смягченных» трансляторов актуальных смыслов в политических контекстах.

Анализ прецедентных феноменов из мультфильмов показал, что значения прецедентных высказываний не только соотносятся с типичными ситуациями, обсуждаемыми в политическом дискурсе, но и могут варьироваться в зависимости от коммуникативной стратегии автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов. — Москва : Редакция АСМ : Помовский и партнеры, 1994. — 351 с. — Текст : непосредственный.
2. Ворошилова, М. Б. Мультипликационные герои в современной политической карикатуре / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Человек в мире культуры. — 2013. — № 1. — С. 37—42.
3. Гудков, Д. Б. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. — 1997. — № 3. С. 62—75.
4. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Язык средств массовой коммуникации : учебное пособие. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008. — С. 401—418.
5. Елецкая, М. А. Эволюция ценностных ориентаций россиян: положительные и отрицательные герои российских мультфильмов 1980—2006 гг. / М. А. Елецкая. — Текст : непосредственный // Традиции и инновации в современной России / под ред. А. Б. Гофмана. — Москва : РОССПЭН, 1998. — С. 495—526.
6. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева. — Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 9. — 2001. — № 6. — С. 132—149.
7. Красных, В. В. Лингвокогнитивная природа феномена воспроизводимости в свете психолингвокультурологии / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Мир русского слова. — 2014. — № 2. — С. 9—16.
8. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — Текст : непосредственный.
9. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург ; Омск, 1999. — 268 с. — Текст : непосредственный.
10. Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2009. — 225 с. — Текст : непосредственный.
11. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст : учебное пособие / Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011. — 414 с. — Текст : непосредственный.
12. Мардиева, Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. — 2011. — №3 (15). — С. 203.
13. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007. — 207 с. — Текст : непосредственный.
14. Норштейн, Ю. Б. Снег на траве. Фрагменты книги. Лекции по искусству анимации / Ю. Б. Норштейн. — Москва : ВГИК, журнал «Искусство кино», 2005. — 254 с. — Текст : непосредственный.
15. Носова, Н. П. Вспоминая детство... (об одном типе прецедентных феноменов в политическом дискурсе) / Н. П. Носова, В. Д. Черняк. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2. — С. 33—41.
16. Озерова М. Россияне видят Дмитрия Медведева в роли Буратино / М. Озерова. — Текст : электронный // Московский комсомолец : сайт. — 2012. — 20 марта. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2012/03/20/683481-rossiyane-vidyat-dmitriya-medvedeva-v-rol-i-burati-no.html>.
17. Сегал, Н. А. Прецедентная ситуация «всемирный потоп» в масс-медийных политических текстах / Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Вестник славянских культур. — 2017. — № 44. — С. 137—143.
18. Соломина, Н. В. Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности: на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Соломина Н. В. — Екатеринбург, 2008. — 25 с. — Текст : непосредственный.
19. Черняк, В. Д. Поле «античность» в современном политическом дискурсе / В. Д. Черняк, Н. А. Румянцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 201—205.
20. Черняк, В. Д. Интертекстуальные переключки с читателем в современной беллетристике / В. Д. Черняк. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2011. — № 4. — Т. 1. — С. 85—89.
21. Черняк, В. Д. «Мы все учились понемногу...»: речевая культура и культурная грамотность / В. Д. Черняк. — Текст : непосредственный // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — С. 77—81.
22. Черняк, В. Д. Персонажи мультфильмов как составляющая интертекстуального тезауруса языковой личности / В. Д. Черняк, Ли Хуэй. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2019. — Вып. 5 (202). — С. 88—94. — DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-88-94.
23. Шулежкова, С. Г. Не смешите мои подковы!: словарь крылатых выражений из мультфильмов / С. Г. Шулежкова ; Магнитогор. гос. технич. ун-т им. Г. И. Носова. — Магнитогорск : Магнитогор. дом печати, 2018. — 179 с. — Текст : непосредственный.
24. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
25. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современном политическом дискурсе : монография / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

V. D. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: —

Li Hui

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: vdcher@yandex.ru; 13938965531@163.com.

“Baba-Yaga Is Against”: Precedent Phenomena from Cartoons in Political Discourse

ABSTRACT. *The article considers the use of precedent phenomena that originate from cartoons in contemporary political discourse. Precedent names and precedent utterances from cartoons make up an important constituent of the intertextual thesaurus of a linguistic personality and a significant part of the national cultural code. Well-known to all native speakers and stored in the memory since childhood, they are notable for their salient axiological nature. On the material of the Russian National Corpus, the authors show the peculiar features of the use of precedent names, acting as personification metaphors, which allow creating a concise and expressive portrait of a politician. At the same time, the assessments formed with the help of precedent names from cartoons are ironic and quite tolerable. Rather often, the names of cartoon characters*

function along with their popular quotes, which usually turn out to be thematically related to certain areas of politics or typical situations. A number of precedent statements lose connection with their source and become part of the Russian corpus of the so-called “popular expressions or sayings” or act as phraseological units (*Baba Yaga is against; Execution cannot be pardoned; Guys, let's live in peace*). The form of such set expressions is variable. The meanings of precedent utterances may vary depending on the author's communicative strategy.

KEYWORDS: cartoons; precedent names; precedent utterances; precedent phenomena; political discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: Chernyak Valentina Daniilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Li Hui, Post-Graduate Student of Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Chernyak, V. D. “Baba-Yaga Is Against”: Precedent Phenomena from Cartoons in Political Discourse / V. D. Chernyak, Li H. // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 124-132. — DOI.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. Dictionary of Russian Political Metaphors / A. N. Baranov. — Moscow : ASM edition : Pomovsky and partners, 1994. — 351 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh politicheskikh metafor / A. N. Baranov. — Moskva : Redaktsiya ASM : Pomovskiy i partnery, 1994. — 351 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Voroshilova, M. B. Cartoon Heroes in Modern Political Caricature / M. B. Voroshilova. — Text : unmediated // Man in the World of Culture. — 2013. — No. 1. — P. 37—42. [Mul'tiplikatsionnye geroi v sovremennoy politicheskoy karikature / M. B. Voroshilova. — Tekst : neposredstvennyy // Chelovek v mire kul'tury. — 2013. — № 1. — S. 37—42]. — (In Rus.)
3. Gudkov, D. B. Cognitive Base and Precedent Phenomena in the System of Other Units and in Communication / D. B. Gudkov. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow State University. Series 9, Philology. — 1997. — No. 3. — P. 62—75. [Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii / D. B. Gudkov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGU. Seriya 9, Filologiya. — 1997. — № 3. S. 62—75]. — (In Rus.)
4. Gudkov, D. B. Precedent Phenomena in Texts of Political Discourse / D. B. Gudkov. — Text : unmediated // Language of the Mass Media : textbook. — Moscow : Academic project : Alma Mater, 2008. — P. 401—418. [Pretsedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa / D. B. Gudkov. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk sredstv massovoy kommunikatsii : uchebnoe posobie. — Moskva : Akademicheskii proekt : Alma Mater, 2008. — S. 401—418]. — (In Rus.)
5. Eletskaya, M. A. Evolution of Value Orientations of Russians: Positive and Negative Heroes of Russian Cartoons of 1980—2006 / M. A. Eletskaya. — Text : unmediated // Traditions and Innovations in Modern Russia / ed. A. B. Goffman. — Moscow : ROSSPEN, 1998. — P. 495—526. [Evolutsiya tsennostnykh orientatsiy rossiyan: polozhitel'nye i otritsatel'nye geroi rossiyskikh mul'tfil'mov 1980—2006 gg. / M. A. Eletskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii / pod red. A. B. Gofmana. — Moskva : ROSSPEN, 1998. — S. 495—526]. — (In Rus.)
6. Kobozeva, I. M. Semantic Problems of the Analysis of Political Metaphor / I. M. Kobozeva. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow State University. Series 9. — 2001. — No. 6. — P. 132—149. [Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory / I. M. Kobozeva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGU. Seriya 9. — 2001. — № 6. — S. 132—149]. — (In Rus.)
7. Krasnykh, V. V. Linguocognitive Nature of the Phenomenon of Reproducibility in the Light of Psycholinguoculturology / V. V. Krasnykh. — Text : unmediated // World of the Russian Word. — 2014. — No. 2. — P. 9—16. [Lingvokognitivnaya priroda fenomena vosproizvodimosti v svete psikholingvokulturologii / V. V. Krasnykh. — Tekst : neposredstvennyy // Mir russkogo slova. — 2014. — № 2. — S. 9—16]. — (In Rus.)
8. Krasnykh, V. V. “Own” among “strangers”: myth or reality? / V. V. Krasnykh. — Moscow : Gnosis, 2003. — 375 p. — Text : unmediated [«Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnykh. — Moskva : Gnosis, 2003. — 375 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Kuz'mina, N. A. Intertext and Its Role in the Evolution of Poetic Language / N. A. Kuz'mina. — Ekaterinburg ; Omsk, 1999. — 268 p. — Text : unmediated. [Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka / N. A. Kuz'mina. — Ekaterinburg ; Omsk, 1999. — 268 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Kuz'mina, N. A. Intertext: a Theme with Variations. Phenomena of Culture and Language in Intertextual Interpretation / N. A. Kuz'mina. — Omsk : Publishing house of OmSU, 2009. — 225 p. — Text : unmediated. [Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noy interpretatsii / N. A. Kuz'mina. — Omsk : Izd-vo OmGU, 2009. — 225 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Kuz'mina, N. A. Modern Media Text : textbook / N. A. Kuz'mina. — Omsk, 2011. — 414 p. — Text : unmediated. [Sovremennyy mediatekst : uchebnoe posobie / N. A. Kuz'mina. — Omsk, 2011. — 414 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Mardieva, L. A. Collective Cultural Memory of Society (Precedent Visual Images and Phenomena) / L. A. Mardieva. — Text : unmediated // Bulletin of Perm University. — 2011. — No. 3 (15). — P. 203. [Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) / L. A. Mardieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Permskogo universiteta. — 2011. — №3 (15). — S. 203]. — (In Rus.)
13. Nakhimova, E. A. Precedent Names in Mass Communication / E. A. Nakhimova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2007. — 207 p. — Text : unmediated. [Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii / E. A. Nakhimova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2007. — 207 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Norshteyn, Yu. B. Snow on the Grass. Fragments of the Book. Lectures on the Art of Animation / Yu. B. Norshteyn. — Moscow : VGIK, magazine “Cinema Art”, 2005. — 254 p. — Text : unmediated. [Sneg na trave. Fragmenty knigi. Lektsii po iskusstvu animatsii / Yu. B. Norshteyn. — Moskva : VGIK, zhurnal «Iskusstvo kino», 2005. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Nosova, N. P. Remembering Childhood ... (about One Type of Precedent Phenomena in Political Discourse) / N. P. Nosova, V. D. Chernyak. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 2. — P. 33—41. [Vspominaya detstvo... (ob odnom tipe pretsedentnykh fenomenov v politicheskoy diskurse) / N. P. Nosova, V. D. Chernyak. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 2. — S. 33—41]. — (In Rus.)
16. Ozerova M. Russians see Dmitry Medvedev in the Role of Buratino / M. Ozerova. — Text : electronic // Moskovsky Komsomolets : website. — 2012. — March 20. [Rossiyane vidyat Dmitriya Medvedeva v roli Buratino / M. Ozerova. — Tekst : elektronnyy // Moskovskiy komsomolets : sayt. — 2012. — 20 marta]. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2012/03/20/683481-rossiyane-vidyat-dmitriya-medvedeva-v-rol-buratino.html>. — (In Rus.)
17. Segal, N. A. Precedent Situation “Global Flood” in Mass Media Political Texts / N. A. Segal. — Text : unmediated // Bulletin of Slavic Cultures. — 2017. — No. 44. — P. 137—143. [Pretsedentnaya situatsiya «vsemirnyy potop» v mass-mediynnykh politicheskikh tekstakh / N. A. Segal. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik slavyanskikh kul'tur. — 2017. — № 44. — S. 137—143]. — (In Rus.)
18. Solomina, N. V. Intertextual Thesaurus of the Modern Linguistic Personality: on the Material of Written Texts of the Media,

KVN and Intellectual Games : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Solomina N. V. — Ekaterinburg, 2008. — 25 p. — Text : unmediated. [Intertekstual'nyy tezaurus sovremennoy yazykovoy lichnosti: na materiale pis'mennykh tekstov SMI, KVN i intellektual'nykh igr : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Solomina N. V. — Ekaterinburg, 2008. — 25 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Chernyak, V. D. The Field “Antiquity” in Modern Political Discourse / V. D. Chernyak, N. A. Romyantseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No. 2. — P. 201—205. [Pole «antichnost'» v sovremennom politicheskom diskurse / V. D. Chernyak, N. A. Romyantseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 2. — S. 201—205]. — (In Rus.)

20. Chernyak, V. D. Intertextual Calls with the Reader in Modern Fiction / V. D. Chernyak. — Text : unmediated // Bulletin of the Cherepovets State University. — 2011. — No. 4. — Vol. 1. — P. 85—89. [Intertekstual'nye pereklichki s chitatelem v sovremennoy belletristike / V. D. Chernyak. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2011. — № 4. — T. 1. — S. 85—89]. — (In Rus.)

21. Chernyak, V. D. “We All Learned a Little ...”: Speech Culture and Cultural Literacy / V. D. Chernyak. — Text : unmediated // Questions of Speech Culture / resp. ed. A. D. Shmelev. — Moscow : AST-PRESS KNIGA, 2011. — P. 77—81. [«My vse uchilis' ponemnogo...»: rechevaya kul'tura i kul'turnaya gramotnost' / V. D. Chernyak. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kul'tury rechi / otv. red. A. D. Shmelev. — Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2011. — S. 77—81]. — (In Rus.)

22. Chernyak, V. D. Cartoon Characters as a Component of the

Intertextual Thesaurus of a Linguistic Personality / V. D. Chernyak, Li Hui. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. — 2019. — Iss. 5 (202). — P. 88—94. [Personazhi mul'tfil'mov kak sostavlyayushchaya intertekstual'nogo tezaurusa yazykovoy lichnosti / V. D. Chernyak, Li Khuey. — Tekst : neposredstvennyy. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2019. — Vyp. 5 (202). — S. 88—94]. — DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-88-94. — (In Rus.)

23. Shulezhkova, S. G. Do Not Make Laugh My Horseshoes !: Dictionary of Catch Expressions from Cartoons / S. G. Shulezhkova ; Magnitogorsk State Technical Univ. named after G. I. Nosov. — Magnitogorsk : Magnitogorsk House of Press, 2018. — 179 p. — Text : unmediated. [Ne smeshite moi podkovy!: slovar' krylatykh vyrazheniy iz mul'tfil'mov / S. G. Shulezhkova ; Magnitogor. gos. tekhnich. un-t im. G. I. Nosova. — Magnitogorsk : Magnitogor. dom pechati, 2018. — 179 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Chudinov, A. P. Political Linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2006. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Chudinov, A. P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Discourse : monograph / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2003. — 248 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennom politicheskom diskurse : monografiya / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1597-3927 E-mail: yuex570@126.com.

Семантический анализ политических концептов в политическом дискурсе на глубинном уровне

АННОТАЦИЯ. В статье описываются основные концепты политического дискурса — «политика», «власть», «идеология». Подчеркивается интегративная сущность исследования, находящегося на пересечении лингвистики, психологии, философии, политологии. Этим продиктована необходимость обращения не только к толковым, но и энциклопедическим, политологическим и философским словарям. Концепты анализируются в статье в рамках когнитивного подхода, при котором определяются как оперативные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и «языка мозга», всей картины мира, или как кванты знания. Концептуальный анализ предполагает несколько этапов: семантический анализ лексемы по данным толковых словарей; анализ термина, история и варианты употребления которого отражены в отраслевых словарях; переход на уровень концептосферы, требующий синтеза ранее полученных данных с учетом социокультурных особенностей. Для установления господствующих в обществе представлений о политике, кроме словарных дефиниций, привлекаются высказывания известных мыслителей. «Политика» — макроконцепт политического дискурса, объединяющий несколько концептов высокого уровня абстракции: «политическое сознание», «власть», «государство», «идеология». Эти концепты настолько тесно связаны, что между ними сложно установить иерархические отношения. Схематически концепт «политика» можно представить как гипероним, покрывающий три микропонятия («политическая власть», «государство» и «политическая идеология») или, при другой интерпретации, два микропонятия («государственная власть» и «политическая идеология»). В толковых и политологических словарях советского периода ядерным элементом семантики понятия «политика» была сема «класс», что связано с идеологией марксизма-ленинизма. Концепт «власть» в русском языке имеет экономическую подоплеку (этимологически связан с глаголом «владеть»), что выделяет русский язык на фоне остальных. Политика формирует «идеологию» (концепцию), связанную с ролью человека в обществе, государстве, современном мире. Продемонстрировано, что концепты политической сферы можно рассматривать на двух уровнях: терминологическом-семантическом и глубинном, лингвокультурном.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептосфера; русский язык; политический дискурс; семантические поля; политические концепты; политическая власть; политическая идеология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, аспирантка (специализация — «Политическая лингвистика»), Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Ляйшуньское шоссе, 6; e-mail: yuex570@126.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Семантический анализ политических концептов в политическом дискурсе на глубинном уровне / Юе Сюе // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 133-138. — DOI0000000000000000.

Одна из характерных черт развития современной науки — интеграция различных дисциплин при изучении ряда явлений и понятий. Не является исключением и политический дискурс, который стал объектом изучения таких наук, как лингвистика, психология, философия, политология.

Как отмечает А. П. Чудинов, политическая лингвистика, которая рассматривает различные аспекты политического дискурса, «имеет скорее прикладное значение, нежели фундаментальное» [Чудинов 2015: 9].

Ученые разных стран предложили различные теории, позволяющие подробно изучить и описать семантику тех или иных понятий и их отражение в общественном сознании. Особую популярность приобрели так называемые системные теории, в рамках которых мировоззрение людей трактовалось как совокупность устоявшихся систем представлений. Одна из таких теорий была раз-

работана американским философом Карлом Поппером, который отмечал, что семантику каждого слова нужно рассматривать сквозь призму трех уровней мировоззрения [Деева 1990: 115].

Первый уровень мировоззрения заключается в формальной фиксации объектов и процессов существующей реальности. Второй уровень связан с когнитивной и оценочной переработкой получаемой информации. И наконец, третий уровень мировоззрения представлен в совокупности устоявшихся образов и символов. Поэтому К. Поппер отмечал, что для определения семантики конкретного слова нужно обращаться к системе образов, которые присутствуют в той или иной культурной среде, историческому опыту развития представителей этой среды.

Подобные подходы позволяют обогатить лингвистику новыми знаниями и методами изучения конкретных явлений и объектов.

Советский и российский ученый — историк, лингвист Д. С. Лихачёв говорил, что любой концепт — это отражение знаний, которые сумела накопить этническая общность за долгие годы своей истории. На основе этого он ввел такое понятие, как «концептуальная сфера языка», которая вбирает в себя весь культурный опыт, как отдельных людей, так и целых сообществ. Раскрытие концептуальной сферы позволяет, согласно Д. С. Лихачеву, понять и постигнуть красоту, колорит и своеобразие каждого народа, понять его язык. В частности, говоря о лексическом богатстве русского языка, Д. С. Лихачев отмечал, что семантика раскрывается на четырех уровнях [Лихачев 1997: 283]:

«1) на уровне самого словарного запаса, который чрезвычайно богат благодаря тысячелетнему опыту, тесному общению с другими языками, другими народами, которые во всей своей полноте определяют социальное, имущественное, научное разнообразие культуры народа;

2) на уровне богатства значений и нюансов значений, разнообразия употребления и т. д.;

3) на уровне отдельных понятий;

4) на уровне наборов понятий — концептосферы» [Лихачев 1997: 286].

«Концепт» — это термин, являющийся центральным для многих теорий представления знаний и обозначающий ментальное образование, с помощью которого информация о мире отражается в сознании человека, структурируется и репрезентируется в языковой форме. В современной лингвистике данный термин применяется в рамках нескольких научных направлений, причем приверженцами каждого из них интерпретируется по-разному, с акцентом на важных для данной научной области сторонах этого многогранного явления [Клименко 1982: 186]. Оставляя в стороне использование данного понятия в смежных научных дисциплинах (психологии, психолингвистике, когнитивистике, философии), обратимся к исследованию концепта в рамках когнитивного подхода, при котором делается акцент на ментальной сущности концепта и он определяется как оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, или как квант знания.

Несмотря на то, что политическая лингвистика считается сравнительно молодой наукой, следует признать, что одним из первых российских ученых, обратившихся к изучению политических концептов, стал русский лингвист С. А. Аскольдов (псевдоним С. А. Алексеев) в 1928 г. (именно его теория стала основой

языковой концепции Д. С. Лихачева) [Чудинов 2015: 65].

Понимая природу этого явления как единицы языка и мышления, ученый признает, что концепт представляет собой сложную, иерархически организованную структуру, каждый элемент которого стремится к большей абстракции. В связи с этим основную функцию концептов С. А. Аскольдов (Алексеев) видит в замене различных идей в процессе мышления. По его мнению, концепт может быть подвергнут семантическому анализу.

«В большинстве случаев семантика понимается как информация о классе вещей, называемом знаком с общими свойствами, или о классе экстралингвистических ситуаций, которые инвариантны относительно определенных свойств участников и взаимосвязей, которые их связывают. Синтаксис знака относится к информации о правилах соединения данного знака с другими символами в тексте. Прагматика знака означает информацию, которая фиксирует связь говорящего или адресата сообщения с рассматриваемой ситуацией» [Витгенштейн 1958: 85].

Разумеется, при изучении политического языка особое внимание следует уделять значению «политики» как макроконцепту. Это очень абстрактное понятие, которое также построено на основе абстрактных понятий, представленных во всех толковых словарях.

В частности, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова сигнификативное значение представлено в следующем виде [Воробьева 2008: 72]:

«1. Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая социальную систему и экономическую структуру страны, а также деятельность социальных классов, партий и других классовых организаций и общественных групп, определяется их интересами и целями.

2. Проблемы и события общественной и государственной жизни.

3. План действий, направленных на достижение чего-то, что определяет отношения с людьми».

Следует иметь в виду, что при изучении политического дискурса не стоит ограничиваться только общеязыковыми словарями, так как они далеко не всегда отражают всю совокупность устоявшихся в обществе представлений относительно рассматриваемого объекта.

Например, словарь политологических терминов рассматривает концепт «политика» как деятельность отдельных индивидов

или целых сообществ по захвату, приобретению, удержанию и осуществлению власти. Это отношения между социальными группами и их лидерами в связи с государственной властью [Краткий политический словарь 1989: 93].

В качестве самостоятельной лексической единицы «политические взаимоотношения» рассматриваются как отношения между правящей элитой и электоратом, правящей верхушкой и оппозицией, различными участниками политического процесса (политические партии, лидеры, общественные организации).

Кроме того, в политологии сформулировано понятие «политическое сознание»: «Осознание политическими субъектами своих политических интересов» (которое может быть заменено референтом идеологии). В политической сфере это действует как набор оценок, побуждающих субъект к конкретной политической деятельности [Володина 2000: 60].

Следовательно, понятие «политика» тесным образом связано с другими понятиями: «власть», «государство», «идеология». Знаменательно, что в словарях советского периода идеологическая сема «класс» выделялась в сигнификативном значении термина «политика» как ядерная, согласно общепринятой доктрине марксизма-ленинизма.

Политические и энциклопедические словари подтверждают вывод о том, что понятие «политика» обусловлено субъективно-объективными отношениями власти, осуществляемыми в интересах конкретного лидера, группы, класса или партии через политические и социальные институты, организации.

В «Политическом словаре» 1995 г. предложена иная трактовка:

«Политика. 1. Деятельность органов власти, общественных сил и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, народами, большими группами людей... 2. Участие в делах государства...» [Политологический словарь 1995: 582].

«Политика (греческое *politike* — государственные или общественные дела, от *polis* — state) — сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, в основе которой лежит проблема завоевания, удержания и использования государственной власти.

Поскольку социальная жизнь усложняется и различные социальные группы осознают свои интересы, возникает политическая надстройка форм общества, организаций и институтов, в рамках которых в первую очередь осуществляется политическая деятельность, — прежде всего государство,

а затем политические партии» [Краткий политический словарь 1989: 90].

Различные типы словарей представляют доминирующие черты семантического поля «политика», в основе которого лежат три гиперсистемы: «власть», «государство», «идеология», отражающие социальные и духовные аспекты познавательного мира.

Таким образом, политика — это емкое, семантически богатое понятие. Наши выводы также могут быть подтверждены заявлениями признанных мыслителей. В. И. Ленин считал, что «политика — это участие в делах государства, руководство государством, определение форм, задач, содержания деятельности государства» [цит. по: Володина 2000: 67].

М. Вебер отметил: «„Политика“, по-видимому, означает желание участвовать во власти или влиять на распределение власти, будь то между государствами, будь то в государстве между группами людей, которые оно содержит» [Вебер 1990: 86].

Политический язык как жизненная, динамическая знаковая система предстает в виде диалектической системы элементов с огромным потенциальным «коммуникативно-смысловым зарядом».

В этом аспекте значимо утверждение Е. И. Шейгал о том, что основой всего является семантический заряд лингвистического элемента: «Это нечто настолько глубокое, что оно больше не сводится к каким-либо отдельным функциям слова, но, напротив, лежит в основе всех этих функций и является их жизненной силой, то маленькой, то большой и зачастую совершенно неожиданной» [Шейгал 2004: 86].

Семантическое своеобразие концепта «власть» заключается в том, что в системе русского языка он имеет скорее экономическую подоплеку, нежели политическую, так как происходит от однокоренного слова «владеть». Производные же слова «властелин», «владелец» обозначают человека, который владеет, обладает конкретным объектом [Уфимцева 1977: 41].

В английском языке ситуация выглядит совсем по-другому. В данном случае слово «power» обозначает «могущество», «возможность заставить кого-то подчиниться себе», т. е. власть подразумевает занятие более высокой позиции в общественной иерархии по отношению к другим людям. В итальянском языке «власть» обозначается словом «potere» — от глагола «мочь», следовательно здесь власть означает возможность что-либо сделать, не дожидаясь на то и не испрашивая положительной санкции от других.

Следует также отметить, что семантика конкретного концепта предопределяется особенностями социокультурного развития общества в конкретную эпоху. В частности, именно в эпоху Просвещения, когда на первое место ставился разум как способ познания окружающей действительности, было разработано понятие «идеология», которая «обозначала совокупность представлений и идей, накопленного опыта в деле государственного строительства, которые определяли модель политических отношений и функционирование институтов власти» [Журавлев 1998: 137].

Толковый словарь С. И. Ожегова дает такое определение понятию «идеология»: «Система взглядов, идей, характеризующих социальную группу, класс, политическую партию, общество».

Термин «идеология» в Кратком политическом словаре определен достаточно широко как нечто включающее в себя философские, политические, экономические, моральные, религиозные, эстетические и другие идеи, как система «взглядов на природу, общество и личность, а также на ценности, нормы того или иного класса, цели и пути их достижения» [Краткий политический словарь 1989: 78].

Функционально-семантическое поле «идеология», как и поле «власть», необычайно широко, поэтому мы должны определить аспект нашего исследования — пересечение с областью политики. Семантические поля референтов «политическая власть» и «политическая идеология» пересекаются с концептуальным полем «политика», характеризующим социальные отношения определенного качества, в отличие от семантического поля «государство», которое полностью вписывается в поле «политика» и входит в ядерную часть его структуры.

Данные словаря С. И. Ожегова и Политологического словаря подтверждают этот вывод. Нетрудно убедиться, что словари в семантической структуре слова, называющего понятие «государство», уравнивают его с «политикой». Таким образом, ориентируясь на определения словарей, мы можем сделать вывод, что понятия «политика», «политическая власть», «политическая идеология», «государство» находятся в определенных иерархических отношениях, но понятие «политика» является наиболее семантически насыщенным.

Материалы исследования дают основание утверждать, что концепт следует рассматривать в широком смысле как многомерную, семантически насыщенную единицу, имеющую дискретную целостность зна-

чения. Концепт «политика» формирует концепцию, связанную с ролью человека в обществе, государстве, современном мире, поэтому анализ этого семантического пространства позволяет проникнуть в картину мира, отраженную в текстах определенного временного отрезка.

Организовывая текст или фрагменты текста в различных политических произведениях, лексемы, соотносимые с этим понятием, влекут за собой использование других слов того же смыслового поля, семантически модифицируют нейтральные слова, придавая им политическую смысловую составляющую. В соответствии с глобальным характером представленной информации, макро- и микроконцепции различаются.

Таким образом, макропонятие «политика» схематически можно представить в виде гиперонима, который охватывает три микропонятия: «политическая власть», «государство» и «политическая идеология». Возможен другой вариант, когда макроконцепт представлена двумя микроконцептами: «государственная власть» и «политическая идеология». Чрезвычайно сложно установить строгую иерархию понятий (Г — В — И или И — Г — В), поскольку эти понятия постоянно пересекаются, дополняя, конкретизируя друг друга [Воробьева 2008: 82].

Выявляя концептуальные основы политического дискурса, мы стремимся более глубоко отразить два уровня политической коммуникации: семантический и экстралингвистический (эпистемологический, уровень культурных знаний), глубинный. Таким образом, концептуальное поле «политика» охватывает не только четко очерченные структуры, но и переходы между ними в грамматическом, лексическом и семантическом аспектах [Абрамов 1992: 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, В. П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка) / В. П. Абрамов. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1992. — 107 с. — Текст : непосредственный.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 804 с. — Текст : непосредственный.
3. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. И. Добронравовым, Д. Лахути ; общ. ред. и предисл. д-ра филос. наук, проф. В. Ф. Асмуса. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. — 133 с. — Текст : непосредственный.
4. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина / М. Н. Володина. — Москва : Издательство Моск. ун-та, 2000. — 127 с. — Текст : непосредственный.
5. Воробьева, О. В. Политическая лингвистика. Современный язык политики / О. В. Воробьева. — Москва : Издательство ИКАР, 2008. — 296 с. — Текст : непосредственный.
6. Деева, И. М. Проявление оценочности в тексте (на материале высокочастотных английских прилагательных) / И. М. Деева. — Текст : непосредственный // Коммуникативные аспекты значения : междуз. сб. науч. тр. — Волгоград : ВГПИ, 1990. — С. 113—125.

7. Журавлев, С. А. Коннотация как средство идеологического воздействия в макроструктуре толкового словаря / С. А. Журавлев. — Текст : непосредственный // Семантика языковых единиц : доклады VI Междунар. конф. — Москва, 1998. — Т. 1. — С. 136—138.

8. Ильенко, С. Г. Контекст и связный текст в их лингвистической интерпретации / С. Г. Ильенко. — Текст : непосредственный // Языковые единицы и контекст : сб. науч. тр. / под ред. проф. В. И. Кодухова ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Ленинград : [б. и.], 1973. — С. 185—196.

9. Клименко, А. П. Лексическое ассоциирование и связность текста / А. П. Клименко. — Текст : непосредственный // Проблемы внутренней динамики речевых норм. — Минск, 1982. — С. 87—93.

10. Краткий политический словарь / сост. и общ. ред. Л. А. Ониква, Н. В. Шишина. — Москва : Прогресс ; Ханой : Правда, 1989. — 456 с. — Текст : непосредственный

11. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. — Текст : непосредственный // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — Москва : Academia, 1997. — С. 280—287.

12. Политологический словарь / под ред. В. Ф. Халипова. — Москва : Высшая школа, 1995. — 191 с.

13. Халипов, В. Ф. Власть. Кратологический словарь / В. Ф. Халипов. — Москва : Республика, 1997. — 429 с. — Текст : непосредственный.

14. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева. — Текст : непосредственный // Языковая номинация. (Виды наименований). — Москва : Наука, 1977. — С. 5—85.

15. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2015. — Текст : непосредственный.

16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

ORCID ID: 0000-0002-1597-3927

 E-mail: yuex570@126.com.

Deep Semantic Analysis of Political Concepts in Political Discourse

ABSTRACT. *The article describes the main concepts of the Russian political discourse – “politika (policy)”, “vlast’ (power)”, “ideologiya (ideology)”. The author specially notes the integrative nature of the study which occupies a position on the borderline between linguistics, psychology, philosophy and politology. This fact makes it necessary to employ not only explanatory but also encyclopedic, politological and philosophical dictionaries. The study analyzes the concepts in the light of the cognitive approach which defines them as operation units of memory, mental lexicon, conceptual system and “brain language” and the holistic worldview, or as knowledge quanta. Conceptual analysis presupposes several stages: semantic analysis of a word in accordance with the data found in explanatory dictionaries; analysis of the term whose history and usage variability are reflected in special purpose dictionaries; transition to the level of conceptosphere demanding synthesis of the data previously obtained taking into account sociocultural peculiarities. In order to determine the dominating ideas about the policy in a community, it is necessary to use, in addition to dictionary definitions, the words of famous political theorists. “Politika (policy)” is a macroconcept of political discourse which incorporates several concepts of a high level of abstraction: “politicheskoe soznanie (political consciousness)”, “vlast’ (power)”, “gosudarstvo (state)”, and “ideologiya (ideology)”. These concepts are so closely interconnected that it is difficult to establish hierarchical relations between them. The concept “politika (policy)” can be schematically presented as a hyperonym covering three microconcepts (“politicheskaya vlast’ (political power)”, “gosudarstvo (state)” and “politicheskaya ideologiya” (political ideology)), or, alternatively, as two microconcepts (“gosudarstvennaya vlast’ (state power)” and “politicheskaya ideologiya (political ideology)”). In the Soviet explanatory and politological dictionaries, the seme “klas (class)” was the core element of the semantics of the word “politika (policy), which was in line with the ideology of Marxism-Leninism. The Russian language concept “vlast’ (power)” has an economic origin (it is etymologically associated with the verb “vladet’ (possess)”), which singles out the Russian language from other languages. Policy forms ideology (conception) associated with the role of man in society, state and the modern world. The article demonstrates that the political sphere concepts can be studied on two levels: semantic-terminological level and deep or linguocultural level.*

KEYWORDS: *conceptosphere; Russian language; political discourse; semantic fields; political concepts; political power; political ideology.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yue Xue, Post-Graduate Student (Specialization “Political Linguistics”), Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue, Xue. Deep Semantic Analysis of Political Concepts in Political Discourse / Yue Xue // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 133-138. — DOI.*

REFERENCES

1. Abramov, V. P. Syntagmatics of the Semantic Field (based on the material of the Russian language) / V. P. Abramov. — Rostov-on-Don : Publishing House of the Rostov University, 1992. — 107 p. — Text : unmediated. [Sintagmatika semanticheskogo polja (na materiale russkogo jazyka) / V. P. Abramov. — Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1992. — 107 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

2. Veber, M. Selected Works / M. Veber. — Moscow : Progress, 1990. — 804 p. — Text : unmediated. [Izbrannye proizvedenija / M. Veber. — Moskva : Progress, 1990. — 804 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

3. Vitgenshtejn, L. Logico-philosophical Treatise / L. Vitgenshtejn ; transl. from German by I. Dobronravov, D. Lahuti ; total ed. and foreword. of Dr. Philos. sciences., prof. V. F. Asmus. — Moscow : Publishing House of foreign literature, 1958. — 133 p. — Text : unmediated. [Logiko-filosofskij traktat / L. Vitgenshtejn ; per. s nem. I. Dobronravovym, D. Lahuti ; obshh. red. i predisl. d-ra filos. nauk., prof. V. F. Asmusa. — Moskva : Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1958. — 133 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

4. Volodina, M. N. Cognitive-informational Nature of the Term / M. N. Volodina. — Moscow : Publishing house of Moscow University, 2000. — 127 p. — Text : unmediated. [Kognitivno-informacionnaja priroda termina / M. N. Volodina. —

Moskva : Izdatel'stvo Mosk. un-ta, 2000. — 127 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

5. Vorob'eva, O. V. Political Linguistics. The Modern Language of Politics / O. V. Vorob'eva. — Moscow : IKAR Publishing House, 2008. — 296 p. — Text: unmediated. [Politicheskaja lingvistika. Sovremennyy jazyk politiki / O. V. Vorob'eva. — Moskva : Izdatel'stvo IKAR, 2008. — 296 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

6. Deeva, I. M. The Manifestation of Evaluative Value in the Text (based on high-frequency English adjectives) / I. M. Deeva. — Text : unmediated // Communicative Aspects of Meaning : interuniversity collection of scientific works. — Volgograd : VGPI, 1990. — P. 113—125. [Projavenie ocenocnosti v tekste (na materiale vysokochastotnyh anglijskih prilagatel'nyh) / I. M. Deeva. — Tekst : neposredstvennyj // Kommunikativnye aspekty znachenija : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Volgograd : VGPI, 1990. — S. 113—125]. — (In Rus.)

7. Zhuravlev, S. A. Connotation as a Means of Ideological Influence in the Macrostructure of the Explanatory Dictionary / S. A. Zhuravlev. — Text : unmediated // Semantics of Linguistic Units : reports of the VI Intern. conf. — Moscow, 1998. — Vol. 1. — P. 136—138. [Konnotacija kak sredstvo ideologičeskogo vozdejstvija v makrostrukture tolkovogo slovarja / S. A. Zhuravlev. — Tekst : neposredstvennyj // Semantika jazykovykh edinic : doklady VI Mezhdunar. konf. — Moskva, 1998. — T. 1. — S. 136—138]. — (In Rus.)

8. Il'enko, S. G. Context and Coherent Text in Their Linguistic Interpretation / S. G. Il'enko. — Text : unmediated // Language Units and Context : collection of scientific works / ed. by prof. V. I. Kodukhov ; Leningrad State Ped. Institute named after A. I. Herzen. — Leningrad : [s. n.], 1973. — P. 185—196. [Kontekst i svjaznyj tekst v ih lingvističeskoj interpretacii / S. G. Il'enko. — Tekst : neposredstvennyj // Jazykovye edinicy i kontekst : sb. nauch. tr. / pod red. prof. V. I. Koduhova ; Leningr. gos. ped. in-t im. A. I. Gercena. — Leningrad : [b. i.], 1973. — S. 185—196]. — (In Rus.)

9. Klimenko, A. P. Lexical Association and Text Connectivity / A. P. Klimenko. — Text : unmediated // Problems of the Internal Dynamics of Speech Norms. — Minsk, 1982. — P. 87—93. [Leksicheskoe asociirovanie i svjaznost' teksta / A. P. Klimenko. — Tekst : neposredstvennyj // Problemy vnutrennej dinamiki

rečevykh norm. — Minsk, 1982. — S. 87—93]. — (In Rus.)

10. Brief Political Dictionary / comp. and commonly. ed. by L. A. Onikov, N. V. Shishlin. — Moscow : Progress ; Hanoi : True, 1989. — 456 p. — Text : unmediated. [Kratkij političeskij slovar' / sost. i obshh. red. L. A. Onikova, N. V. Shishlina. — Moskva : Progress ; Hanoi : Pravda, 1989. — 456 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

11. Lihachev, D. S. The Conceptosphere of the Russian Language / D. S. Likhachev. — Text : unmediated // Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology. — Moscow : Academia, 1997. — P. 280—287. [Konceptosfera russkogo jazyka / D. S. Lihachev. — Tekst : neposredstvennyj // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija. — Moskva : Academia, 1997. — S. 280—287]. — (In Rus.)

12. Political Science Dictionary / ed. V. F. Halipov. — Moscow : Higher School, 1995. — 191 p. [Politologičeskij slovar' / pod red. V. F. Halipova. — Moskva : Vysshaja shkola, 1995. — 191 s.]. — (In Rus.)

13. Halipov, V. F. Power. Dictionary of Cratology / V. F. Halipov. — Moscow : Republic, 1997. — 429 p. — Text : unmediated. [Vlast'. Kratologičeskij slovar' / V. F. Halipov. — Moskva : Respublika, 1997. — 429 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

14. Ufimceva, A. A. Lexical Nomination (primary, neutral) / A. A. Ufimceva. — Text : unmediated // Language Nomination. (Types of items). — Moscow : Science, 1977. — P. 5—85. [Leksicheskaja nominacija (pervichnaja, nejtral'naja) / A. A. Ufimceva. — Tekst : neposredstvennyj // Jazykovaja nominacija. (Vidy naimenovanij). — Moskva : Nauka, 1977. — S. 5—85]. — (In Rus.)

15. Chudinov, A. P. Political Linguistics / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta: Science, 2015. — Text : unmediated. [Politicheskaja lingvistika / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2015. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

16. Shejgal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Shejgal. — Moscow : Gnosis, 2004. — 324 p. — Text : unmediated. [Semiotika političeskogo diskursa / E. I. Shejgal. — Moskva : Gnozis, 2004. — 324 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

Ян Кэ

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: 0000-0001-8603-6917

Ян Ии

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, Гуанчжоу, Китай
ORCID ID: —

 E-mail: mashayang1963@aliyun.com; vey1993821@126.com.

Обзор исследований по когнитивной лингвистике в Китае

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор истории и современного состояния когнитивно-лингвистических исследований в Китае на фоне развития мировой когнитивной лингвистики. Развитие когнитивной лингвистики в Китае практически синхронизировано с развитием когнитивной лингвистики на Западе. Специалисты по китайскому и ряду иностранных языков внесли важный вклад в распространение идей когнитивной лингвистики в КНР. Данная работа знакомит читателей с опытом внедрения концепций западной когнитивной лингвистики в Китае. Рассмотрено применение теории когнитивной лингвистики в обучении китайскому языку, ее освоение в КНР. Особое внимание уделено когнитивно-лингвистическому направлению исследований в китайской русистике, в том числе рецепции идей российской когнитивной лингвистики в Китае. Научные исследования характеризуются с учетом периодизации развития когнитивной лингвистики: этап формирования и становления (с 1970-х до начала 1990-х гг.), этап стремительного развития и достижения «зрелости» (с начала 1990-х до начала XXI века), этап углубления и осмысления достижений (с начала XXI в.). Для современного периода развития когнитивной лингвистики характерно создание национальных ассоциаций и обществ лингвистов-когнитологов (национальные когнитивно-лингвистические ассоциации были созданы в Китае, России, Испании, Германии, Франции, Японии и Великобритании). Основные черты современного периода заключаются в следующем: углубленное изучение когнитивной семантики; развитие и продвижение теории когнитивной грамматики; развитие теории конструктивной грамматики; рассмотрение теории языка с точки зрения теории познания; рост значимости междисциплинарных, кросс-полевых и типологических исследований. Раскрыто влияние на исследователей в Китае идей российской когнитивной лингвистики, для которой характерны работы, выполненные на стыке лингвистики и психологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; китайская русистика; когнитивная наука; философия языка; когнитивное терминоведение; национально-специфическая лексика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510421, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, проспект Байюаньдадао Бэй, 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Ии, аспирант факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510421, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, проспект Байюаньдадао Бэй, 2; e-mail: vey1993821@126.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Кэ. Обзор исследований по когнитивной лингвистике в Китае / Ян Кэ, Ян Ии // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 139-149. — DOI.

Когнитивная лингвистика, опирающаяся на новую исследовательскую парадигму в мировом языкознании, после почти сорока лет развития достигла заметных теоретических и прикладных результатов, превратилась в многопрофильное, междисциплинарное и трансдисциплинарное научное направление. Развитие когнитивной лингвистики в Китае практически синхронизировано с развитием когнитивной лингвистики на Западе. Важный вклад в продвижение данного направления в Китае внесли как китаисты, так и специалисты по иностранным языкам; среди них — Шэнь Цзясюань, Шу Динфан, Ван Вэньбинь, Лу Чжи, Синь Бинь, Лю Чжэнгуан, Чжан Хуэй, Сюн Сюэлян, Вэнь Сюй, Ши Юйчжи и другие. В КНР когнитивная лингвистика стала влиятельным научным на-

правлением благодаря совместным усилиям многих ученых-лингвистов — можно утверждать, что на сегодняшний день исследования в области когнитивной лингвистики в Китае весьма продуктивны и перспективны. Цель данной статьи — познакомить российскую аудиторию со становлением и развитием когнитивно-лингвистических исследований в Китае в двух аспектах. С одной стороны, в статье рассматриваются когнитивно-лингвистические исследования, выполненные китайскими специалистами по английскому и китайскому языкам; с другой стороны, особое внимание уделяется состоянию исследований данного типа в китайской русистике. Развитие когнитивной лингвистики в Китае описывается на фоне развития соответствующего направления в мировой науке о языке.

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Вэнь Сюй и Сы Вэйго в статье «Когнитивная лингвистика: осмысление и перспективы» отмечают, что «на протяжении последних сорока лет когнитивная лингвистика в целом прошла три этапа развития: 1) этап формирования и становления: с 1970-х до начала 1990-х гг.; 2) этап быстрого развития и достижения „зрелости“: с начала 1990-х до начала XXI в.; 3) этап углубления и осмысления: с начала XXI в. до наших дней» [Вэнь Сюй, Сы Вэйго / Wen Xu, Si Weiguo 2018].

1. ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: С 1970-Х ДО НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

Каждый этап характеризуется своей спецификой. Развитие когнитивной лингвистики на первом этапе происходило в следующих аспектах. Во-первых, предварительное формирование философской базы эмпирических исследований. Во-вторых, появление и становление теории когнитивной семантики. В-третьих, появление теории когнитивной грамматики. В-четвертых, возникновение теории конструктивной грамматики.

В этот период отечественная когнитивная лингвистика находилась в основном на стадии формирования на основе западных когнитивных теорий. Многие китайские ученые начали заниматься анализом и обобщением зарубежных концепций когнитивной лингвистики. Рецензия Шэнь Цзясюаня [Shen Jiaxuan 1994] на «Основы когнитивной грамматики» Р. Лангакера («Foundations of cognitive grammar» of R. Langacker), обзор теории концептуальной метафоры Лин Шуву [Lin Shuwu 1995], статья Юан Юйлина [Yuan Yulin 1994] «Теоретическое осмысление когнитивной лингвистики» и другие работы сыграли важную роль в распространении и развитии идей когнитивной лингвистики в Китае. В это же время в китайское языкознание начали внедряться западные теории эволюции языка. Так, Шэнь Цзясюань [Shen Jiaxuan 1994] и Сунь Чаофэнь [Sun Chaofen 1994] первыми опубликовали статьи, в которых представлен обзор новейших тенденций в исследованиях феномена грамматикализации за рубежом. В статьях Лю Цзяня, Цао Гуаншуня и У Фусяна [Liu Jian, Cao Guangshun, Wu Fuxiang 1995] также представлен опыт исследования механизмов грамматикализации лексики китайского языка с теоретической точки зрения. В 1998 г. Шэнь Цзясюань написал статью, в которой познакомил китайских читателей с содержанием исследования по грамматикализации Джоан Байби, Ревир Перкинс и Уильям Пальюка «Эволюция грамматики», а Вэнь Сюй про-

комментировал другую важную работу — «Грамматикализация». Это позволило отечественным специалистам познакомиться с западными теоретическими разработками данной проблематики и послужило важным ориентиром для развития соответствующих исследований в КНР. Вышеуказанные работы сформировали у китайских ученых системное представление о когнитивной лингвистике, ее предмете, категориях и методах; способствовали ее становлению в качестве одного из основных направлений отечественных лингвистических исследований. Особо стоит отметить, что многие ученые начали использовать когнитивно-лингвистическую методологию для интерпретации единиц и явлений, присущих китайскому языку. Например, этому посвящены работы Шэнь Цзясюаня [Shen Jiaxuan 1993, 1995], Лю Ниншена [Liu Ningsheng 1994, 1995], Чжан Боцзяна [Zhang Bojiang 1994], Юань Юйлина [Yuan Yulin 1995], Лу Бинфу [Liu Bingfu 1998], Чжан Миня [Zhang Min 1998]. Данная практика содействовала процессу «китаизации» теории когнитивной лингвистики.

Китайские русисты начали уделять внимание вопросам когнитивной лингвистики позже, чем китаисты. На данном этапе в Китае соответствующие исследования на материале русского языка еще не проводились.

2. БЫСТРОЕ РАЗВИТИЕ И ДОСТИЖЕНИЕ «ЗРЕЛОСТИ»: С НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

В 90-е гг. XX в. когнитивная лингвистика все шире признается академическим сообществом как основа новой парадигмы лингвистических исследований и привлекает все большее число последователей во всем мире. Начинается новый этап ее развития. Одной из важных особенностей этого этапа является публикация серии классических учебников, что дает основание говорить уже об устойчивом развитии когнитивной лингвистики. На данной стадии можно выделить следующие направления исследований. Во-первых, полноценное представление всесторонней интерпретации философии опыта. Во-вторых, развитие теории когнитивной семантики. В-третьих, развитие теории когнитивной грамматики. В-четвертых, развитие теории конструктивной грамматики и формирование научных школ в данной области. В-пятых, возникновение и развитие на когнитивной основе теории эволюции языка.

На фоне активного развития когнитивно-лингвистических исследований в мире основной особенностью отечественной когнитивной лингвистики в этот период явилась

многоаспектная интерпретация результатов исследований на материале китайского языка. Во-первых, на китайский язык было переведено несколько важных трудов по когнитивной лингвистике, таких как «Категоризация языка» Д. Тейлора и «Введение в когнитивную лингвистику» Ф. Унгерера и Х.-Й. Шмидта. Вышло в свет более десятка монографий отечественных авторов (Сюн Сюэлян [Xiong Xueliang 1999], Шу Динфан [Shu Dingfang 2000], Чжан Хуэй [Zhang Huei 2003] и др.). Эти когнитивно-лингвистические исследования, выполненные на китайском языке, в значительной степени способствовали развитию обсуждаемого научного направления в стране. Во-вторых, произошло существенное расширение тематики исследований в области когнитивной семантики. По сравнению с первым этапом в сфере интересов исследователей, помимо анализа концептуальной метафоры, типологической теории, когнитивной грамматики и теории грамматикализации, оказались такие направления когнитивной семантики, как анализ концептуальной метонимии, теория психологического пространства, теория концептуальной интеграции, изучение многозначности, графического фона, динамики сил и т. п. Обращает на себя особое внимание тот факт, что западная конструктивная теория грамматики начала привлекать внимание китайских лингвистов и они стали использовать ее для описания синтаксиса китайского языка. В-третьих, в исследованиях китайского языка начали применять когнитивную грамматику. Во второй половине 1990-х гг. некоторые ученые, такие как Шэнь Цзясюань и Чжан Боцзян, достигли значительных результатов на основе использования концепций и методов когнитивной грамматики в изучении специфических явлений китайского языка, в частности порядка расположения множественных атрибутов, «перекрытия слов», существенных характеристик частей речи, положительной и отрицательной симметрии и асимметрии, причин валентности имен существительных, элиминции и появления слова «de / 的» в структуре принадлежности, выражения позиции и др. В-четвертых, применение теории грамматикализации в изучении эволюции китайского языка стало одним из центральных исследовательских направлений. Отечественные ученые начали системное диахроническое изучение китайского языка, и именно под влиянием западной теории грамматикализации были сделаны первые шаги в исследованиях проблем исторического развития китайского языка. В-пятых, внимание китайских лингвистов стали привлекать вопросы конструктивной грамма-

тики (Construction Grammar). Считается, что первым отечественным исследованием грамматических феноменов китайского языка на основе западной теории конструктивной грамматики была статья Чжана Боцзяна «Двойная транзитивная конструкция в современном китайском языке» [Zhang Bojiang 1999]. Данное исследование стимулировало рост интереса отечественных ученых к идеям конструктивной грамматики. Кроме того, Шэнь Цзясюань детально показал, что в китайском языке форма и значение синтаксической структуры являются «оправданной условностью» на примерах конструкции со словом «zai / 在» и конструкции со словом «gei / 给» [см.: Shen Jiaxuan 1999], глаголов *украсть* — «tou / 偷» и *огрابتь* — «qiang / 抢» [см.: Shen Jiaxuan 2000]. Однако в целом работы по конструктивной грамматике в этот период встречаются редко, и поэтому следует констатировать, что данное направление все еще находится в зачаточном состоянии.

Таким образом, можно сказать, что активная разработка теоретических аспектов когнитивной лингвистики в рассматриваемый период заложила прочную основу для расширения и углубления когнитивно-лингвистических исследований, создала предпосылки для движения этого научного направления к новому этапу развития.

Как уже было отмечено выше, в Китае русисты начали заниматься когнитивной лингвистикой несколько позже, чем китаисты или англисты. На первом этапе голос русистов почти не был слышен, однако на втором этапе результаты их исследований уже отличаются многообразием и глубиной. Первыми учеными, которые обратились к достижениям советской и российской школ когнитивной лингвистики и использовали эти достижения в собственных исследованиях русского языка, были Ду Гуйчжи, Пэн Вэньчжао, Суй Жань, Чэнь Юн, Чжи Ючан и др. Считается, что статья Ду Гуйчжи «Состояние когнитивно-лингвистического направления исследований в области русистики» [Du Guizhi 1999] является первой работой, представляющей китайским русистам основную информацию о результатах исследований по когнитивной лингвистике в СССР и России: например, о том, что В. И. Герасимов в 1985 г. обосновал выделение когнитивной грамматики в самостоятельное направление лингвистических исследований в Советском Союзе. Статья Пэн Вэньчжао «Метафора-познание и интерпретация» [Peng Wenzhao 1999] — одна из наиболее ранних отечественных научных работ, использующих идеи российской когнитивной лингвистики. В ста-

тье подчеркивается, что метафора — это не только стилистический речевой прием, но и метаметод человеческого мышления. Интерпретация метафоры должна быть многоаспектной и многоуровневой; существуют различные виды анализа метафоры: когнитивно-психологический, прагматический, семиотический.

В период с 2001 по 2010 г. когнитивно-лингвистическое направление в китайской русистике полностью сформировалось. В содержательном плане исследования данного направления можно дифференцировать следующим образом.

1. Обзорные исследования. Это статьи, обобщающие результаты когнитивно-лингвистических исследований в России: они очень полезны китайским русистам, поскольку дают представление об общем состоянии этой области и основных тенденциях в ее развитии. Чжи Ючан и Чжан Сяоянь в статье «Развитие российской когнитивной лингвистики» [Zhi Youchang, Zhang Xiaoyan 2005] показывают, что когнитивная лингвистика уже стала особой предметной областью российского языкознания, причем достаточно масштабной, она полностью прошла этапы формирования и становления. В статье дана общая картина истории и развития и современного состояния когнитивной лингвистики в России. В статье Чжао Ляна «Истоки и основные идеи российской когнитивной лингвистики» [Zhao Liang 2009] подчеркивается, что когнитивно-лингвистическое направление исследований в России показало большую жизнеспособность за последние два десятилетия. Когнитивная наука и другие научные дисциплины способствовали формированию данного направления в различных аспектах. В ходе этого процесса постепенно сложилась уникальная теория концепта языка и концепта-понятия, обуславливающая различия между моделями и методами когнитивных исследований в российском и западном языкознании. В статье рассматриваются три основных источника российской когнитивной лингвистики: когнитивная наука, когнитивная психология и семантика. В дополнение к ним автор указывает еще пять дисциплин, сыгравших важную роль в формировании обсуждаемого направления: лингвистическая типология и этнолингвистика, нейролингвистика, психоллингвистика, культурология и сравнительно-историческая лингвистика. В статье также раскрываются основные идеи российских лингвистов-когнитологов, прежде всего связанные с проблематикой концептуального анализа.

2. Исследования в области когнитивной семантики. Здесь в первую очередь следует

назвать две статьи, опубликованные в наиболее авторитетном журнале в сфере отечественной русистики — вестнике КАПРЯЛ «Русский язык в Китае». Перевая из них — «Когнитивно-лингвистическое исследование значений русских визуальных слов», автор — Ян Вэйхуа [Yang Weihua 2000]. В данной статье визуальные слова русского языка рассматриваются на основе психологического направления когнитивной лингвистики. Вторая статья — «Изучение семантики русского словарного запаса с точки зрения когнитивной семантики», автор — Чэнь Юн [Chen Yong 2003]. В статье отмечается, что на фоне постепенного повышения значимости семантики в лингвистических исследованиях формируется и развивается когнитивная семантика, представляющая собой результат осмысления идей генеративной лингвистики, логической семантики и формальной семантики. Когнитивная семантика опирается на достижения разнообразных эмпирических исследований, изучает когнитивные способности человека и познавательный процесс в ходе использования языка, а ряд ее концепций предоставляет значительные возможности для описания и интерпретации языковых явлений. Среди них — теория типовых категорий, теория матрицы / стороны, теория объекта / фона, теория фреймов и теория прототипов. Эти теории имеют большую ценность для изучения лексической семантики русских слов.

3. Исследования в рамках концептуальной теории. Русское языкознание добилось больших успехов в области изучения познания, в особенности в исследовании понятий-концептов. В соответствии с этой тенденцией китайские русисты опубликовали ряд статей соответствующей тематики: «Проблема концептуального явления в теории языкового познания», автор — Суй Жань [Sui Ran 2004]; «Объект концептуальной теории в русском языкознании», автор — Лю Цуань [Liu Juan 2005]; «Концептуальный анализ в когнитивных исследованиях в России», авторы — Чжи Юлян, Чжао Лян, Ян Лифан [Zhi Youchang, Zhao Liang, Yang Lifang 2008]. Эти статьи, несомненно, способствовали использованию китайскими русистами идей концептуальной теории, разрабатываемой их российскими коллегами. Особо стоит упомянуть при этом работы известного китайского русиста Хуа Шао «Понятие или концепт? Формирование понятия или концептуализация? Понятийный анализ или концептуальный анализ?» [Hua Shao 2010a, 2010b]. В них детально рассматриваются исходное значение и этимология слова «концепт», его связь с понятиями, значения-

ми, денотатами и другими ментальными структурами, а также его коннотации как термина лингвистики, философии языка, культурологии и когнитивной науки. В статьях раскрывается сущность концептуализации и концептуального анализа, представлен опыт концептуального анализа метаязыковых классификационных слов и культурно значимых слов, отражающих семантические типы, с целью достижения точного понимания терминологических единиц и обеспечения их корректного перевода.

4. Исследование проблем грамматикализации. Если отечественные ученые, занимающиеся китайским и английским языками, обратили внимание на данную проблематику еще в конце 1990-х гг., то наши русисты стали освещать ее лишь с начала XXI в., причем в течение первых десяти лет соответствующих работ было мало. Здесь следует выделить статью Чжао Ляна и Пэн Веньчао «О грамматикализации лексики пространственных отношений в русском и китайском языках» [Zhao Liang, Peng Wenzhao 2005]. Авторы статьи считают, что теория грамматикализации является подлинным прорывом в современной лингвистике. Как русская, так и китайская лексика пространственных отношений активно участвует в процессах грамматикализации, связанных с категориями вида, времени и модальности, что с очевидностью подтверждает положения теории грамматикализации.

5. Жанр рецензии. В этот период особого упоминания заслуживает рецензия на монографию основателя российской когнитивно-лингвистической школы Е. С. Кубряковой «Язык и знание». Речь идет о работе «Когнитивные исследования в когнитивно-дискурсивной парадигме — рецензия на „Язык и знание“», автор — Чжао Годун [Zhao Guodong 2008]. В ней кратко излагаются и анализируются основные идеи монографии Е. С. Кубряковой: «В первой части книги в основном интерпретируются части речи с когнитивной точки зрения, во второй части дается детальный анализ того, как язык участвует в познании мира людьми. Данная монография не только представляет собственные взгляды автора на общие вопросы когнитивной лингвистики, такие как сущность этой дисциплины, ее предмет, задачи и цели, но и содержит уникальный анализ конкретных объектов, таких как часть речи, категоризация, концептуализация, словообразование».

6. Изучение различных явлений русского языка с когнитивной точки зрения. На фоне развития когнитивной лингвистики в мире и в особенности в связи с тем, что идеи россий-

ской когнитивной лингвистики получили распространение и признание в Китае, китайские русисты начали рассматривать феномены русского языка с когнитивно-лингвистических позиций, о чем свидетельствует появление целого ряда статей соответствующей направленности. В частности, речь идет о работе Чжан Ехун «О классификации русских частей речи с точки зрения когнитивной лингвистики» [Zhang Yehong 2006]. По мнению автора, дифференциация частей речи в грамматике русского языка носит дискуссионный характер, а когнитивно-лингвистический анализ системы лексических категорий способствует развитию и совершенствованию теории частей речи. В статье Ван Цзинхуа «Интерпретация русской функциональной грамматики с когнитивной точки зрения» [Wang Qinghua 2006] рассматриваются некоторые ключевые вопросы теории функциональной грамматики А. В. Бондарко — такие, как типы структуры грамматического значения, сегментация семантических категорий, теория ядра/периферии в семантическом поле, отношения между языком и мышлением. Раскрывается потенциальная роль познания в теории функциональной грамматики русского языка, обосновывается еще один подход в области функционально-грамматических исследований. Работа У Чжэ «Анализ и интерпретация метафорических терминов с точки зрения когнитивной лингвистики» [Wu Zhe 2009] посвящена когнитивно-лингвистическому рассмотрению единиц терминологии.

3. УГЛУБЛЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: С НАЧАЛА XXI ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

В XXI в. когнитивная лингвистика получила дальнейшее развитие, важным свидетельством которого явилось создание национальных ассоциаций и обществ лингвистов-когнитологов. Так, в Китае, России, Испании, Германии, Франции, Японии и Великобритании были созданы национальные когнитивно-лингвистические ассоциации, которые организуют масштабную научно-исследовательскую деятельность, проводят большое количество крупных международных конференций.

Китайская ассоциация когнитивной лингвистики (China Cognitive Linguistics Association / CCLA) была создана на Четвертом Всекитайском симпозиуме по когнитивной лингвистике, который состоялся в мае 2006 г. в Нанкине. Это событие отражает переход когнитивно-лингвистического направления исследований в Китае к зрелому состоянию. До этого Всекитайские симпо-

зиумы по когнитивной лингвистике были проведены трижды; первый — в 2001 г. в Шанхайском университете иностранных языков. На сегодняшний день ассоциация провела уже десять Всекитайских симпозиумов по когнитивной лингвистике, а также другие масштабные научные мероприятия, посвященные конкретным темам данной сферы. В ноябре 2018 г. Китайская ассоциация когнитивной лингвистики официально изменила свое название на «Профессиональный комитет по когнитивной лингвистике при Китайской ассоциации англо-китайских сравнительных исследований». В течение десятилетия ассоциация когнитивной лингвистики весьма активно содействовала развитию научного направления в Китае и достигла значительных результатов как в теоретической, так и в прикладной области. Одиннадцатый Всекитайский симпозиум по когнитивной лингвистике был проведен в Пекине 2—3 ноября 2019 г.; его тема — «Когнитивная лингвистика в Китае: наследие и инновации».

На данном этапе также одна за другой появлялись монографии по общей теории когнитивной лингвистики, изданные как в КНР, так и за рубежом. Из монографий китайских авторов необходимо назвать прежде всего следующие: Ван Инь — «Когнитивная лингвистика» [Wang Yin 2007]; Ли Фуинь — «Введение в когнитивную лингвистику» [Li Fuyin 2008]; Ван Фуфан — «Критическое осмысление когнитивной лингвистики» [Wang Fufang 2014]; Вэнь Сюй — «Когнитивная основа языка» [Wen Xu 2014]; Шэнь Цзясюан — «Существительные и глаголы» [Shen Jiaxuan 2016], Вэнь Сюй — «Учебное пособие по когнитивной лингвистике» [Wen Xu 2017].

Основные отличительные черты этого периода заключаются в следующем.

Во-первых, углубленное изучение когнитивной семантики. В течение этого периода были детально разработаны аспекты, методы направления и проблематика когнитивно-семантических исследований. Продолжают расширяться и углубляться теоретические и прикладные исследования концептуальной метафоры; они затрагивают вопросы не только лингвистики, но и философии, психологии, антропологии, литературоведения, межкультурной коммуникации. Ван Вэньбинь [Wang Wenbin 2007] сосредоточился на изучении когнитивных механизмов возникновения и интерпретации метафоры. Лю Чжэнгуан [Liu Zhengguang 2007] подробно проанализировал некоторые теоретические и практические аспекты применения концептуальной метафоры. Теория категоризации также получила развитие: так, Шэнь Цзясюань

[Shen Jiaxuan 2017] исследовал проблематику, связанную преимущественно с лексическими категориями китайского языка, сопоставляя при этом китайские и западные концепции категоризации.

Во-вторых, развитие и продвижение теории когнитивной грамматики. Р. Лангакер и его последователи продолжают углублять и расширять созданную ими теорию когнитивной грамматики. В 2008 г. Р. Лангакер опубликовал учебник «Введение в когнитивную грамматику». В 2013 г. вышла другая его книга — «Основы когнитивной грамматики»; в ней дается подробное объяснение основных положений когнитивной грамматики. В том же году вышел китайский перевод «Основ когнитивной грамматики» (том первый: «Теоретические предпосылки» [Langaike / Langacker 2013]), а в 2016 г. — перевод «Введения в когнитивную грамматику» (в двух томах) [Langaike / Langacker 2016], что в значительной степени способствовало распространению идей когнитивной грамматики в Китае. Когнитивно-грамматические исследования стали проводиться на материале различных языков, таких как китайский, японский, испанский, а их результаты получили применение, в частности, в сферах перевода и преподавания языка.

В-третьих, развитие и продвижение теории конструктивной грамматики. Нидерландское издательство «John Benjamins» в 2004 г. начало публикацию серии «Конструкционный подход к языку» («Constructional Approach to Language»), что значительно способствовало развитию теории конструктивной грамматики, распространению идей данной теории.

В-четвертых, диверсификация теории языка на основе теории познания.

Данные две характеристики в основном связаны с достижениями западных ученых. Поэтому не будем останавливаться на них подробно.

В-пятых, возросла значимость междисциплинарных, кросс-полевых и типологических исследований. В последние годы лингвисты-когнитологи добились больших успехов в междисциплинарных и кросс-полевых исследованиях, таких как когнитивная фонология, когнитивная прагматика, когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, когнитивное переводоведение, когнитивная психолингвистика, когнитивная нейролингвистика, когнитивная историческая лингвистика, когнитивная риторика, когнитивная лексикология, когнитивная лингвокультурология, когнитивная социолингвистика, социально-когнитивная лингвистика, прикладная когнитивная лингвистика и др. Кроме того, многие отечественные ученые, прежде всего спе-

циалисты по китайскому языку, начали изучать в сфере грамматики «многофункциональные грамматические формы», используя при этом модели семантической карты, нацеленные на выявление имплицитных законов языка посредством внутриязыковых и межъязыковых сопоставлений. При построении семантической карты применяется гипотеза общности языков; в то же время использование семантической карты позволяет глубже понять «индивидуальность» определенного языка или диалекта [см. об этом: 吴福祥 / У Фусян / Wu Fuxiang, 张定 / Чжан Дин / Zhang Ding 2011; 李小凡 / Ли Сяофань / Li Xiaofan 2015; 陆丙甫 / Лу Пинфу / Liu Bingfu, 金立鑫 / Цзинь Лисинь / Jin Lixin 2015; 张定 / Чжан Дин / Zhang Ding 2017; 范晓蕾 / Фань Сяолэй / Fan Xiaolei 2017; 潘秋平 / Пань Цзюпин / Pan Qiuping, 张敏 / Чжан Минь / Zhang Min 2017; 吴福祥 / У Фусян / Wu Fuxiang 2017].

В XXI в. достижения китайской русистики в области когнитивных исследований дают основания говорить о настоящем прорыве как с точки зрения масштаба, так и в плане качества по сравнению с предыдущими двумя этапами. Появились некоторые знаковые работы. Вышел в свет китайский перевод одного из фундаментальных трудов российской когнитивной лингвистики — монографии Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира» [Булыгина, Шмелёв 2011], что позволило китайским русистам и вообще всем, кто занимается данной проблематикой, познакомиться с классическими достижениями обсуждаемого научного направления, с основными идеями известных специалистов в этой области. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что когнитивно-лингвистические исследования стали содержанием докторских диссертаций по русистике. В качестве примеров приведем следующие работы. Докторская диссертация Гао Гоццзуй «Когнитивно-психологический анализ концепции словарного запаса и контрмер в обучении русскому языку (РКИ)» [Gao Guocui 2011] является хорошим результатом применения теории когнитивной лингвистики в преподавании русского языка иноговорящим учащимся (РКИ). Диссертация посвящена вопросам преподавания словарного запаса иностранного языка, в первую очередь — русского языка, и рассматривает эти вопросы с позиций когнитивной психологии. Исследование обогащает теорию и практику преподавания русского языка иноговорящим (РКИ), уточняет критерии освоения ими словарного запаса русского языка с точки зре-

ния когнитивной психологии. Исходя из реальных условий, автор диссертации предлагает комплекс методов обучения объективной оценки русского лексикона, разрабатывает рациональную стратегию преподавания, ориентированную на практическое решение существующих проблем. Другая докторская диссертация посвящена проблемам конструктивной грамматики — «Конструктивная грамматика безличных предложений типа „Светает“ в русском языке», автор — Сюй Синлинь [Xu Xinglin 2014]. Опираясь на положения конструктивной теории, исследователь рассматривает безличные предложения типа «Светает» как разновидность особой синтаксической конструкции. Вопросы, связанные с конструктивной грамматикой, обсуждаются и в журнальных публикациях Сюй Синлиня, Лю Юнхун «Исследование конструкции формы и значения безличных предложений типа „Светает“ в русском языке» [Xu Xinglin, Liu Yonghong 2013], а также Чжан Фэн «Анализ предложений с именными предикатами в русском языке с точки зрения конструктивной грамматики» [Zhang Feng 2016].

Еще одной примечательной особенностью этого периода является дальнейшее углубление изучения грамматикализации. Соответствующая проблематика разрабатывается в статьях Ли Шаочжэ «Анализ структуры „только и V_1, что V_2“ в русском языке с точки зрения грамматикализации» [Li Shaozhe 2012], Ван Цзы «Анализ грамматикализации императивной глагольной формы *давай* в русском языке» [Wang Zi 2015], Ван Цзы «Анализ русских глагольных предлогов в соответствии с теорией грамматикализации» [Wang Zi 2017], Хуан Ятин «Сопоставительное исследование грамматикализации пространственных семантических категорий в русском и в китайском языках» [Huang Yating 2018] и др.

Обзорные статьи по когнитивной русистике в этот период особенно впечатляют. Например, следует упомянуть статью Гоу Юньшэн «Построение базовой терминологической системы российской когнитивной лингвистики» [Gou Yunsheng 2018]. Автор данной работы подчеркивает: «Российская когнитивная лингвистика возникла в 1990-е годы. Поскольку лингвисты и психологи в России всегда уделяли внимание человеческому фактору, российская когнитивная лингвистика накопила много данных. Российские специалисты по когнитивной лингвистике и терминологии предложили когнитивный подход к изучению терминологии. Анализ терминологии с когнитивной точки зрения стал специфическим „полем деятельности“

для российской когнитивной лингвистики; он позволяет углубить понимание значений и функций когнитивных лингвистических терминов. Основная терминология российской когнитивной лингвистики может содействовать пониманию теоретических основ когнитивной лингвистики». В другой статье того же автора (в соавторстве) — «Российская когнитивная лингвистика как уникальное явление» [Gou Yunsheng, Liu Lifen 2019] — отмечается, что, будучи частью мировой когнитивной лингвистики, российская когнитивная лингвистика, тем не менее, уникальна. В России когнитивной лингвистикой занимаются многие выдающиеся ученые, в частности, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, А. П. Бондарев, В. З. Демьянков, Н. А. Кобрина, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Е. В. Рахилина, Г. Г. Срешкин, И. А. Слышкин, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов, А. Д. Шмелев и др. Был опубликован ряд важных научных работ, посвященных таким темам, как психологические аспекты языка и культуры, национальный менталитет и языковая личность, языковое сознание, языковая картина мира, когнитивная теория метафоры, когнитивные проблемы русской грамматики, когнитивное терминоведение, концептуальная теория (включая диахронный уровень концептуализации, концептуализацию дискурсивного ментального пространства, сущность концепта и концептуальный анализ, языковую концептуализацию мира, концептуальный анализ грамматических категорий и др.). Авторы данной статьи также отмечают, что уникальность российской когнитивной лингвистики заключается в двух феноменах. Один из них — это содержание исследований, их проблематика. Когнитивная лингвистика в России фокусируется на изучении языковых единиц и явлений (в особенности терминологии) на стыке лингвистики и психологии. Российские специалисты в области когнитивной лингвистики занимаются концептуальными исследованиями, углубляясь в сферу концептов в целях понимания мировоззрения, поведения, национальной идентичности и индивидуальности человека; используют ассоциативные эксперименты для изучения культурных концептов в русском национальном менталитете; уделяют особое внимание обсуждению вопросов, связанных с иерархической структурой, принципами классификации и национально-культурными особенностями концептов, а также с отно-

шениями между основными научными понятиями, такими как «концепт» и «категория», «слово» и «значение» и др. Другой аспект — уникальность исследовательской парадигмы российской когнитивной лингвистики. Речь идет о комплексной четырехмерной исследовательской парадигме; ее аспекты (измерения) — это гуманизм, экспансионизм, функционализм и герменевтический характер. Чуть позже тот же автор более подробно рассмотрел российское когнитивное терминоведение в статье «„Специализироваться на терминологии“ — российское когнитивное терминоведение» [Gou Yunsheng 2019]. По мнению автора, российское когнитивное терминоведение тесно связано с лингвистикой, психологией, логикой, науковедением и наукой об информационных технологиях. Терминологи считают, что когнитивное терминоведение постоянно подпитывается свежими идеями из уникальной лингвистической науки России. Эта исследовательская область соответствует исследовательской парадигме российской когнитивной лингвистики с момента своего возникновения. В связи с этим исследования в рамках российского когнитивного терминоведения в основном ведутся с опорой на принципы экспансионизма, антропоцентризма, нефункционализма и герменевтики. Российское когнитивное терминоведение носит междисциплинарный характер, отражает новейшие результаты развития психологии, логики, науковедения, информатики, философии и лингвистики. В указанной статье представлены три аспекта характеристики российского когнитивного терминоведения. В заключение отмечается, что российское когнитивное терминоведение имеет большие перспективы, теоретически ценные. Оно предлагает новые подходы к изучению терминологии для лингвистики в целом. Исследования в ряде ключевых областей терминоведения, выполненные российскими специалистами, являются важным вкладом в мировую когнитивную науку. Некоторые российские ученые также пытались создать философию языкового познания, основанную на философии опыта, главным образом рассматривая связи между происхождением языка и его сущностью, познанием и знаком.

Из всего вышеизложенного следует, что когнитивно-лингвистические исследования в России уникальны и составляют значительную во всех отношениях часть мировой когнитивной лингвистики.

Yang Ke

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: 0000-0001-8603-6917

Yang Yiyi

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
ORCID ID: —

 E-mail: mashayang1963@aliyun.com; vey1993821@126.com.

An Overview of Cognitive Linguistics Research in China

ABSTRACT. *The article presents a review of the history and the current state of cognitive linguistic research in China on the background of development of the world cognitive linguistics. The development of cognitive linguistics in China is practically synchronous with the development of cognitive linguistics in the West. Specialists in Chinese and a number of foreign languages have made a considerable contribution to the dissemination of the cognitive linguistics ideas in the PRC. This article acquaints the readers with the experience of implementation of the concepts of the western cognitive linguistics in China. It considers the application of the theory of cognitive linguistics in teaching Chinese and its acquisition in the PRC. Special attention has is paid to the cognitive linguistic orientation of research in Chinese Russian Studies, and specifically to the reception of the ideas of the Russian cognitive linguistics in China. The scientific research is characterized with reference to the periodization of the development of cognitive linguistics: the stage of formation and initial development (from the 1970s to the 1990s), the stage of swift development and reaching “maturity” (from the early 1990s to the early 21st century), the stage of deepening and further scientific interpretation of results (from the early 21st century). The modern stage of development of cognitive linguistics is characterized by the creation of national associations and communities of linguists-cognitologists (national cognitive-linguistic associations have been created in China, Russia, Spain, Germany, France, Japan and Great Britain). The main features of the modern stage are the following: deep study of cognitive semantics; development and popularization of the theory of cognitive grammar; development of the theory of constructive grammar; development of language theory from the point of view of the theory of cognition; growing importance of interdisciplinary, cross-field and typological research. The article describes the influence of the ideas of the Russian cognitive linguistics, characterized by studies on the boundary between linguistics and psychology, upon the works of Chinese researchers.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; Chinese Russian studies; cognitive science; philosophy of language; cognitive terminology; nationally specific vocabulary.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor of Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; Guangzhou, China.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Yang Yiyi, Ph.D student of Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Yang, Ke. An Overview of Cognitive Linguistics Research in China / Yang Ke, Yang Yiyi // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 139-149. — DOI.*

REFERENCES

1. Chen Yong. Renzhi yuyixue shixia de eyu cihuiyuyi yanjiu // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2003. — No 2. = 陈勇 认知语文学视野下的俄语词汇语义研究, 《中国俄语教学》, 2003年02期.
2. Du Guizhi. Renzhi yuyanxue zaixue yanjiu zhong de zhuangkuang // Fujian waiyu. — 1999. — No 2. = 杜桂枝 认知语言学在俄语研究中的状况, 《福建外语》, 1999年02期.
3. Fan Xiaolei. Yuyi ditu de jixidu ji biao zheng fangshi — yi “Nengli yiwei hexin de yuyi ditu” weili // Shijie hanyu jiaoxue. — 2017. — No 2. = 范晓蕾 语义地图的解析度及表征方式——以“能力为核心的语义地图”为例, 《世界汉语教学》, 2017年第2期.
4. Gao Guocui. Eyu (PKI) cihui gainian de renzhi xinli fenxi ji jiaoxue duice yanjiu : boshi xuwei lunwen / dongbei shifan daxue. — 2011. = 高国翠 俄语 (PKI) 词汇概念的认知心理分析及教学对策研究, 博士学位论文, 东北师范大学, 2011年.
5. Gou Yunsheng, Liu Lifan. Du shu yi zhi de eluosi renzhi yuyanxue yanjiu // Zhongguo guoshe shehui kexue wang Zhongguo guoshe shehui ke xuebao. — 2019. — 18.02. = 句云生, 刘丽芬 独树一帜的俄罗斯认知语言学研究, 中国社会科学网-中国社会科学报, 2019年02月18日.
6. Gou Yunsheng. “Shu” — eluosi renzhi shuyixue // Zhongguo guoshe shehui kexue wang Zhongguo guoshe shehui ke xuebao. — 2019. — 4.02. = 句云生 “术”——俄罗斯认知术语学, 中国社会科学网-中国社会科学报, 2019年04月02日.
7. Gou Yunsheng. Eluosi renzhi yuyanxue hexin shuyi tixi de jiangou // Eluosi yanwenxue yu wenhua yanjiu. — 2018. — No 3. = 句云生 俄罗斯认知语言学核心术语体系的建构, 《俄罗斯语言文学与文化研究》, 2018年03期.
8. Hua Shao. Gainian haishi guannian? Gainianhua haishi guannian hua? Gainian fenxi haishi guannian fenxi // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2010a. — No 2. = 华劭 概念还是观念? 概念化还是观念化? 概念分析还是观念分析?, 《中国俄语教学》, 2010年02期.
9. Hua Shao. Gainian haishi guannian? Gainianhua haishi guannian hua? Gainian fenxi haishi guannian fenxi? (xu) // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2010b. — No 4. = 华劭 概念还是观念? 概念化还是观念化? 概念分析还是观念分析? (续), 《中国俄语教学》, 2010年04期.
10. Huang Yating. E hanyu kongjian yuyi fanchou yufahua duibi yanjiu // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2018. — No 2. = 黄雅婷 俄汉语空间语义范畴语法化对比研究, 《中国俄语教学》, 2018年02期.
11. Langaik. = Langacker. Renzhi yufa daolun (shang, zia). Huang beiyi. — Beijing : Shangwu yinshuguan, 2016. = 兰盖克 《认知语法导论》(上、下), 黄蓓译, 北京: 商务印书馆, 2016年.
12. Langaik. = Langacker. Renzhi yufa jichu. Vol. 1. Lilun qiant. Niu bao yi. — Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2013. = 兰盖克 《认知语法基础(第1卷): 理论前提》, 牛保义等译, 北京: 北京大学出版社, 2013年.
13. Li Fuyin. Bianzhu renzhi yuyanxue gailun. — Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2008. = 李福印编著 《认知语言学概论》, 北京: 北京大学出版社, 2008年.
14. Li Shaozhe. Eyu “только и V_1, что V_2” jiegou de yufahua fenxi // Waiyu xuekan. — 2012. — No 3. = 李绍哲 俄语 только и V_1, что V_2结构的语法化分析, 《外语学刊》, 2012年03期.

15. Li Xiaofan. Deng Hanyu duogongneng yufa xingshi de yuyiditu yanjiu. — Beijing : Shangwu yinshuguan, 2015. = 李小凡等《汉语多功能语法形式的语义地图研究》，北京：商务印书馆，2015年。
16. Lin Shuwu. Yinyu yu renzhi pingjie // Waiyu jiaoxue yu yanjiu. — 1995. — No 4. = 林书武 隐喻与认知 评介，《外语教学与研究》，1995年第4期。
17. Liu Bingfu, Jin Lixin. Zhubian yuyan leixingxue jiaocheng. — Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2015. = 陆丙甫、金立鑫主编：《语言类型学教程》，北京：北京大学出版社，2015年。
18. Liu Bingfu. Cong yuyi, yuyong kanyufa xingshi de shizhi // Zhongguo yuwen. — 1998. — No 5. = 陆丙甫 从语义、语用看语法形式的实质，《中国语文》，1998第5期。
19. Liu Jian, Cao Guangshun, Wu Fuxiang. Lun youfa hanyu cihui yufahua de ruogan yinsu // Zhongguo yuwen. — 1995. — No 3. = 刘坚，曹广顺，吴福祥 论诱发汉语词汇语法化的若干因素，《中国语文》1995年第3期。
20. Liu Juan. Eluosi yuyanxue gainian lilun de yanjiu duixiang // Jilinsheng jiaoyu xueyuan xuebao. — 2005. — No 4. = 刘娟 俄罗斯语言学概念理论的研究对象，《吉林省教育学院学报》，2005年04期。
21. Liu Ningsheng. Hanyu pianzheng jiegou de renzhi jichu jiqi zai yuxu leixingxue shang de yiyi // Zhongguo yuwen. — 1995. — No 2. = 刘宁生 汉语偏正结构的认知基础及其在语序类型学上的意义，《中国语文》1995年第2期。
22. Liu Ningsheng. Hanyu zenyang biaoda wuti de kongjian guanxi // Zhongguo yuwen. — 1994. — No 3. = 刘宁生 汉语怎样表达物体的空间关系，《中国语文》1994年第3期。
23. Liu Zhengguang. Yinyu de renzhi yanjiu: lilun yu shijian. — Changsha : Hunan renmin chubanshe, 2007. = 刘正光《隐喻的认知研究：理论与实践》，长沙：湖南人民出版社，2007年。
24. Pan Qiuping, Zhang Min. Yuyi ditu moxing yu hanyu duogongneng yufa xingshi yanjiu // Dangdai yuyanxue. — 2017. — No 4. = 潘秋平、张敏 语义地图模型与汉语多功能语法形式研究，《当代语言学》2017年04期。
25. Peng Wenzhao. Yinyu — renzhi yu chanshi // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. — 1999. — No 1. = 彭文钊 隐喻——认知与阐释，《解放军外国语学院学报》，1999年01期。
26. Shen Jiakuan. “Youjie” yu “wujie” // Zhongguo yuwen. — 1995. — No 5. = 沈家煊 “有界”与“无界”，《中国语文》，1995年第5期。
27. Shen Jiakuan. “Yufahua” yanjiu zongguan // Waiyu jiaoxue yu yanjiu. — 1994. — No 4. = 沈家煊 “语法化”研究综观，《外语教学与研究》1994年第4期。
28. Shen Jiakuan. “Zai” zijuhe “Gei” ziju // Zhongguo yuwen. — 1999. — No 2. = 沈家煊 “在”字句和“给”字句，《中国语文》1999年第2期。
29. Shen Jiakuan. Cong yuyan kanzhong xifang de fanchou guan // Zhongguo guoshehui kexue. — 2017. — No 7. = 沈家煊 从语言看中西方的范畴观，《中国社会科学》2017年07期。
30. Shen Jiakuan. Jufa de xiangsixing wenti // Waiyu jiaoxue yu yanjiu. — 1993. — No 1. = 沈家煊 句法的象似性问题，《外语教学与研究》1993年第1期。
31. Shen Jiakuan. Mingci he dongci. — Beijing : Shangwu yinshuguan, 2016. = 沈家煊《名词和动词》，北京：商务印书馆，2016年。
32. Shen Jiakuan. R. W. Langacker de “renzhi yufa” // Guowai yuyanxue. — 1994. — No 1. = 沈家煊 R. W. Langacker的“认知语法”，《国外语言学》，1994年第1期。
33. Shen Jiakuan. Shici xuhua de jizhi — “Yanhua erlai de yufa” pingjie // Dangdai daiyu yanxue. — 1998. — No 3. = 沈家煊 实词虚化的机制——〈演化而来的语法〉评介，《当代语言学》1998年第3期。
34. Shen Jiakuan. Shuo “Tou” he “Qiang” // Yuyan jiaoxue yu yanjiu. — 2000. — No 1. = 沈家煊 说“偷”和“抢”，《语言教学与研究》，2000年第1期。
35. Shu Dingfang. Yinyu xue yanjiu. — Shanghai : Shanghai haiwai yu jiaoyu chubanshe, 2000. = 束定芳 隐喻学研究，上海：上海外语教育出版社，2000年。
36. Sui Ran. Yuyan renzhi lilun yanjiu zhong de gainian xianxiang wenti // Waiyu xuekan. — 2004. — No 4. = 隋然 语言认知理论研究中的概念现象问题，《外语学刊》，2004年04期。
37. Sun Chaofen. Xuhua lun pingjie // Guowai yu yanxue. — 1994. — No 4. = 孙朝奋 虚化论 评介，《国外语言学》1994年第4期。
38. Wang Fufang. Renzhi yuyanxue fansi xing piping. — Beijing : Waiyu jiaoxue yu yanjiuchu chubanshe, 2014. = 王馥芳《认知语言学反思性批评》，北京：外语教学与研究出版社，2014年。
39. Wang Qinghua. Cong renzhi shijiao jiedu eyu gongneng yufa // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2006. — No 4. = 王清华 从认知视角解读俄语功能语法，《中国俄语教学》，2006年04期。
40. Wang Wenbin. Yinyu de renzhi goujian yu jiedu. — Shanghai : Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2007. = 王文斌《隐喻的认知构建与解读》，上海：上海外语教育出版社，2007年。
41. Wang Yin. Renzhi yuyanxue. — Shanghai : Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2007. = 王寅《认知语言学》，上海：上海外语教育出版社，2007年。
42. Wang Zi. Shi xi eyu dongci minglingshi “давай” de yufahua // Eyu xuexi. — 2015. — No 5. = 王梓 试析俄语动词命令式 давай 的语法化，《俄语学习》，2015年05期。
43. Wang Zi. Yufahua lilun xia de eyu dongci qianzhici fenxi // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2017. — No 2. = 王梓 语法化理论下的俄语动词前置词分析，《中国俄语教学》，2017年02期。
44. Wen Xu, Si Weiguo. Renzhi yuyanxue : fansi yu zhanwang // Zhongguo shehui kexue pingjia. — 2018. — No 3. = 文旭，司卫国 认知语言学：反思与展望，《中国社会科学评价》，2018年第3期。
45. Wen Xu. Renzhi yuyanxue duben. — Shanghai : Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2017. = 文旭《认知语言学读本》，上海：上海外语教育出版社，2017年。
46. Wen Xu. Yufahua jianjie // Dangdai daiyu yanxue. — 1998. — No 3. = 文旭 语法化 简介，《当代语言学》1998年第3期。
47. Wen Xu. Yuyan de renzhi jichu. — Beijing : Kexue chubanshe, 2014. = 文旭《语言的认知基础》，北京：科学出版社，2014年。
48. Wu Fuxiang, Zhang Ding. Yuyi tu moxing: yuyan leixingxue de xin shijiao // Dangdai yuyanxue. — 2011. — No 4. = 吴福祥、张定 语义图模型：语言类型学的新视角，《当代语言学》2011年04期。
49. Wu Fuxiang. Yufahua yu yuyi tu. — Shanghai : Xuelin chubanshe, 2017. = 吴福祥《语法化与语义图》，上海：学林出版社，2017年。
50. Wu Zhe. Renzhi yuyanxue shijiao xia shuyi de yinyuxing jixi // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2009. — No 1. = 吴哲 认知语言学视角下术语的隐喻性解析，《中国俄语教学》，2009年01期。
51. Xiong Xueliang. Renzhi yuyongxue gailun. — Shanghai : Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 1999. = 熊学亮 认知语用学概论，上海：上海外语教育出版社，1999年。
52. Xu Xinglin, Liu Yonghong. Eyu “Сберакт” lei wurenchengju de gou shi xing yi zupei yanjiu // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2013. — No 3. = 徐兴林，刘永红 俄语“Сберакт”类无人称句的构式形式组配研究，中国俄语教学，2013年03期。
53. Xu Xinglin. Eyu “Сберакт” lei wurenchengju de gou shi yufa yanjiu : boshi xuwei lunwen / Huazhong Shifan Daxue. — 2014. = 徐兴林 俄语“Сберакт”类无人称句的构式语法研究，博士学位论文，华中师范大学，2014年。
54. Yang Weihua. Dui eyu shijue ciyu yi de renzhi yuyanxue yanjiu // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2000. — No 3. = 杨卫华 对俄语视觉词语义的认知语用学研究，《中国俄语教学》，2000年03期。

55. Yuan Yulin. Cilei fanchou de jiazou xiangsixin // Zhongguo shehui kexue. — 1995. — No 1. = 袁毓林 词类范畴的家族相似性, 《中国社会科学》, 1995年第1期.
56. Yuan Yulin. Guanyu renzhi yuyanxue de lilun sikao // Zhongguo shehui kexue. — 1994. — No 1. = 袁毓林 关 认知语言学的理论思考, 《中国社会科学》, 1994年第1期.
57. Zhang Bojiang. Cilei huoyong de gongneng jieshi // Zhongguo yuwen. — 1994. — No 5. = 张伯江 词类活用的功能解释, 《中国语文》, 1994年第5期.
58. Zhang Bojiang. Xiandai Hanyu de shuang jiwu jieqoushi // Zhongguo yuwen. — 1999. — No 3. = 张伯江 现代汉语的双及物结构式, 《中国语文》, 1999年第3期.
59. Zhang Ding. “Chuandai” dongci ciyu yuyi // Dangdai yuyanxue. — 2017. — No 4. = 张 定 “穿戴”动词语义图, 《当代语言学》2017年第4期.
60. Zhang Feng. Eyu mingci weiyuju de gou shi yufa fenxi // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. — 2016. — No 2. = 张 凤 俄语名词谓语句的构式语法分析, 《解放军外国语学院学报》, 2016年02期.
61. Zhang Hui. Shuyu jiqi lijie de renzhi yuyixue yanjiu. — Beijing : Junshi yi wen chubanshe, 2003. = 张 辉 熟语及其理解的认知语义学研究, 北京: 军事谊文出版社, 2003年.
62. Zhang Min. Renzhi yuyanxue yu hanyu mingci duanyu. — Beijing : Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1998. = 张 敏 认知语言学及汉语名词短语, 北京: 中国社会科学出版社, 1998年.
63. Zhang Yehong. Cong renzhi yuyanxue jiao tan eyu cilei de huafen // Changchun ligongdaxue xuebao(shehuikexue ban). — 2006. — No 2. = 张叶红 从认知语言学角度谈俄语词类的划分, 《长春理工大学学报(社会科学版)》, 2006年02期.
64. Zhao Guodong. Renzhi — huayu fanshi xia de renzhi yanjiu — “yuyan yuzhi shi” pingjie // Zhongguo eyu jiaoxue. — 2008. — No 2. = 赵国栋 认知—话语范式下的认知研究 ——《语言与知识》评介, 《中国俄语教学》, 2008年02期.
65. Zhao Liang, Peng Wenzhao. E hanyu kongjian guanxici cihui de yufahua xianxiang // Jiefangjun waiguoyu xueyuan xuebao. — 2005. — No 3. = 亮, 彭文钊 俄汉语空间关系词汇的语法化现象, 《解放军外国语学院学报》, 2005年03期.
66. Zhao Liang. Eluosi ren zhiyu yanxue de yuan tou hezhu yao sixiang // Xinan minzu daxue xuebao (renwen sheke ban). — 2009. — No 6. = 赵亮 俄罗斯认知语言学的源头和主要思想, 《西南民族大学学报(人文社科版)》, 2009年06期.
67. Zhi Youchang, Zhang Xiaoyan. Eluosi renzhi yuyanxue de fazhan // Zhongguo shoujie “haixia liang’an Eyu jiaoxue yu yanjiu xueshu taolunhui” lunwen ji. — 2005. = 鄧友昌, 张晓燕 俄罗斯认知语言学的发展, 《中国首届“海峡两岸俄语教学与研究学术讨论会”论文集》, 2005年.
68. Zhi Youchang, Zhao Liang, Yang Lifang. Eluosi renzhi yanjiu zhongdi gainian fenxi // Waiyu jiaoxue. — 2008. — No 6. = 鄧友昌, 赵亮, 杨丽芳 俄罗斯认知研究中的概念分析, 《外语教学》, 2008年06期.
69. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира : пер. на кит. = Т. В. Бulejinnа, А. Д. Shimeiliaofu. Shijie de yuyan gainianhua. — Liu li min yi, Beijing Daxue chubanshe, 2011. = Т. В. 布雷 金娜, А. Д. 什梅廖夫 《世界的语言概念化》, 刘利民 译, 北京大学出版社, 2011年.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2020. ВЫПУСК 4 (82)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 28.02.2020. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 07.03.2020.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 17,9. Усл. печ. л. — 18,3. Тираж 500 экз. Заказ 5023.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me